

ISSN 2336-2642

Paradigmata poznání

№ 1, 2015

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie),
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušev
Ph.D., (kandidát věd v oboru filosofie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Taškent, Uzbekistán);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko);
Ing. **F. Bušina**, Ph.D., MBA (doktor v oboru ekonomie – Kolín, Česká republika);
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko);
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko);
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogika – Praha, Česká republika);
doc. **M. Kamp**, PhD (doktor v oboru historie – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika);
prof. **N. G. Khayrulina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko);
doc. **L. Krejcová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika);
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko);
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko);
prof. PhDr. **J. Lid'ák**, CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kolín, Česká republika);
prof. **N. V. Miťjukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko);
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika);
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika);
M. Szuppe, PhD. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie);
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko);
RNDr. **P. Zamarovsky**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika).

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání»
publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2015.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2015.

ISSN 2336-2642

Paradigms of knowledge

№ 1, 2015

THE FOUNDERS
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»,
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor
Deputy editor – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy)

International editorial board

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (Economics – Tashkent, Uzbekistan);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia);
Ing. **F. Bushina**, Ph.D., MBA (Economics – Kolin, Czech Republic);
assistant professor. **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia);
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland);
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic);
associate professor **M. Kamp**, Ph.D. (History – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic);
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia);
assistant professor **L. Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic);
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia);
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia);
prof. PhDr. **J. Lidak**, CSc. (Political science – Kolin, Czech Republic);
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia);
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kolin, Czech Republic);
T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic);
M. Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France);
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia);
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2015.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2015.

Introductory article. Anniversary of the «Paradigm of knowledge»..... 13

Teorie a analýza

HISTORICKÉ VĚDY

Ямщиков С. В.

Российское общество первой четверти XX века сквозь призму парадигмы социокультурного детерминизма 15

FILOZOFICKÉ VĚDY

Roudenko A. M., Kotlyarova V. V., Shubina M. M.

Philosophical analysis of the values influence of the western world in the socio-cultural space of Russia 20

Тиханычев О. В.

Парадигма формализации действительности в эпоху информационного общества..... 28

FILOLOGICKÉ VĚDY

Афинская З. Н.

К вопросу об урбанистическом дискурсе..... 32

Бессонова Т. М.

Функции категорий «Пространство» и «Время» художественно-документальной прозы о войне 37

Пятаева Н. В.

Принципы и методы динамического исследования сложных лексических систем 42

Базарбекова Д. М.

Предложения с глаголом на -ся как альтернативная модель вербализации..... 49

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Володин В. Н., Яковлев Д. С.

Актуальность индивидуального подхода в процессе физической подготовки курсантов военно-инженерного вуза 56

Овчинников Я. Л., Сычева И. Н.

Инновационная составляющая современного вуза: проблемы подготовки специалистов..... 59

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Брыжинская Г. В., Худойкина Т. В.

Переговорный процесс: психолого-правовой анализ 65

SOCIÁLNÍ VĚDY

Харамзин Т. Г., Алгадьева Т. М.

Проявление традиций и новаций в мировоззрении обских угров 68

Empirický a aplikovaný výzkum

TECHNICKÉ VĚDY

Dushanov R. O., Togaev I. K.

Selecting the composition warm gossypol concrete mixture with gossypol pitch (by rubber) (tar) (rosin) 73

EKONOMIKA

Ахраменко Г. О.

Проблемы и перспективы развития государственных и муниципальных финансов 77

Кузнецова Т. В.

Экономический рост: многообразие моделей и подходов 80

Лавриченко О. В.

Методы поиска экстремальных значений интеграла Шоке и их применение для предварительной цифровой обработки стохастических процессов в теории экономики активного коннекта 83

Хахалин Д. И.

Инвестиционная привлекательность Калужской области 91

FILOLOGICKÉ VĚDY

Seredina E. S.

On «Maternity» as one of the basic concepts in female fiction by E. Gilbert 97

Скрипникова А. И.

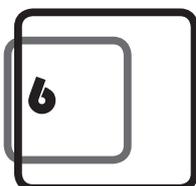
Типы мышления: мезонимное, фидейное, медийное 100

Пашкевич О. И.

Отражение национальной ментальности в творчестве Натальи Харлампьевой 103

Сальникова В. В.

Ассоциативное поле лексемы «животные» в языковой картине мира ребенка: динамический аспект 108

PRÁVNÍ VĚDY

Кобец П. Н.

Об эффективном использовании судебных экспертиз
в предупреждении преступности 112

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Ахмедов М. Б.

Педагогические особенности обучения гравированию по дереву
в процессе внешкольного и внеклассного образования..... 115

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Бердин Р. Д.

Исследование доминирующих копинг-стратегий
у подростков с виртуальной аддикцией 119

Заруба Н. А., Милькова З. В.

Роль психологической диагностики в подготовке специалистов в вузе
на современном этапе развития профессионального образования..... 121

Ярославская М. А., Хорошилова Н. В.

Психологические особенности реагирования в «ситуации заболевания»
при коморбидном течении хронической Эпштейн-Барр-вирусной
инфекции и шизоаффективного расстройства..... 130

LÉKAŘSKÉ VĚDY

Исмиянов В. В., Литвинцев Р. Д., Загородников М. В.,

Новгородов Д. А.

Исследование заболеваний студентов и выпускников менеджеров
логистов на примере железнодорожного вуза 136

SOCIÁLNÍ VĚDY

Garbat M.

Social and vocational rehabilitation of the disabled in the system
of social policy in Poland..... 139

KULTURNÍ VĚDY

Berdnik T. O., Pucheglazov A. Y.

The peculiarities of compositional construction of theatrical and everyday
costume in the context of their unity and differences 146

Sayfullaev B. S.

Features of dramatic art of the mass dramatized representations..... 150

Recenze, hodnocení a komentáře

Кишлакова Н. М.

Рецензия на энциклопедический словарь «Толерантность»

У. Р. Кушаева, И. Г. Дорошиной 153

Akademičký život

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана,
Узбекистана, Украины и Чехии

на базе НИЦ «Социосфера» в 2015 г. 155

Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání» 165

Информация о журнале «Acta Humanitas» 174

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 176

CONTENTS

Introductory article. Anniversary of the «Paradigm of knowledge»..... 13

Theory and Analysis

HISTORICAL SCIENCES

Yamshchikov S. V.

Russian society first quarter of the twentieth century through
the prism of socio-cultural paradigm of determinism..... 15

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Roudenko A. M., Kotlyarova V. V., Shubina M. M.

Philosophical analysis of the values influence of the western world
in the socio-cultural space of Russia..... 20

Tikhanychev O. V.

Paradigm formalization reality in the information society28

PHILOLOGICAL SCIENCES

Afinskaya Z. N.

To the question of urban discourse.....32

Bessonova T. M.

On the functions of the categories «Time» and «Space»
in fictional documentary prose on war 37

Pyataeva N. V.

Principles and methods of dynamic study of complex lexical systems42

Bazarbekova D. M.

Sentences with the verbs ending on -ся as alternative model of verbalization49

PEDAGOGICAL SCIENCES

Volodin V. N., Yakovlev D. S.

The relevance of the individual approach in the process of physical
training of cadets of the Military Engineering University.....56

Ovchinnikov Y. L., Sycheva I. N.

Innovative component of modern higher education institution:
problems of training of specialists59

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Bryzhinskaya G. V., Hudoykina T. V.

The negotiation process: psychological and legal analysis 65

SOCIAL SCIENCES

Haramzin T. G., Algadeva T. M.

Aboriginal worldview: tradition and innovation 68

Empirical and applied research

TECHNICAL SCIENCES

Dushanov R. O., Togaev I. K.

Selecting the composition warm gossypol concrete mixture with gossypol pitch
(by rubber) (tar) (rosin) 73

ECONOMICS

Ahramenko G. O.

Problems and prospects of development of state and municipal finance 77

Kuznetsova T. V.

Economic growth: the variety of models and approaches 80

Lavrichenko O. V.

Search methods extreme values Choquet integral and its application
for preliminary digital processing of stochastic processes
in the theory of the economics of the active connect 83

Khakhalin D. I.

Investment attraction of Kaluga region 91

PHILOLOGICAL SCIENCES

Dzyubenko A. I., Seredina E. S.

On «Maternity» as one of the basic concepts in female fiction
by E. Gilbert 97

Skripnikova A. I.

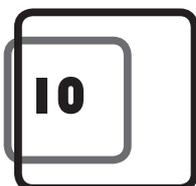
Types of thinking: mezony, figment, media 100

Pashkevich O. I.

Reflection of the national mentality in creativity
of Natalia Harlampeva 103

Salnikova V. V.

Associative field of the lexeme «animals»
in child's linguistic worldview: dynamic aspect 108

JURIDICAL SCIENCES

Kobets P. N.

On the effective use of legal expertise in crime prevention.....112

PEDAGOGICAL SCIENCES

Akhmedov M. B.

To study of pedagogical peculiarities of the carving outside
of classes and schools115

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Berdin R. D.

The study of the dominant coping strategies in adolescents
with virtual addiction119

Zaruba N. A., Milkova Z. V.

The role of psychological diagnosis in high school training at present stage
of vocational education development121

Yaroslavskaya M. A., Khoroshilova N. V.

Psychological features response «disease situation» in comorbidity
of chronic epstein-barr virus and schizoaffective disorder 130

MEDICAL SCIENCES

**Ismiyarov V. V., Litvinsev R. D., Zagorodnikov M. V.,
Novgorodov D. A.**

Disease research of students and alumni on case
managers of logisticians railway university 136

SOCIAL SCIENCES

Garbat M.

Social and vocational rehabilitation of the disabled in the system
of social policy in Poland..... 139

CULTURAL SCIENCES

Berdnik T. O., Pucheglazov A. Y.

The peculiarities of compositional construction of theatrical and
everyday costume in the context of their unity and differences..... 146

Sayfullaev B. S.

Features of dramatic art of the mass dramatized representations..... 150

Reviews and comments

Kishlakova N. M.

The review on encyclopedic dictionary «Tolerance»

by U. R. Kushaev, I. G. Doroshin 153

Academic life

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan,
Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic

on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2015 160

Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání» 168

Information about the journal «Acta Humanitas» 174

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 177

INTRODUCTORY ARTICLE. ANNIVERSARY OF THE «PARADIGM OF KNOWLEDGE»

It is exactly a year of our magazine. On the one hand, this is a very short period, but on the other hand, so much has happened in the world in the year, so much joyful, happy, sad and tragic. Year – this is such a period, after which you can feel free to contact each other and say, ‘Do you remember a year ago ...’ From this viewpoint, we clearly remember as a year ago, sent out all over the world announcing the opening of our journal and accepting the articles for the first issue, we invited scholars of different sciences to cooperate.

During this period, published more than 150 articles in such areas of modern science, philosophy, history, philology, pedagogy, psychology, sociology, politics, law, medicine and technology. Great interest among readers provoked articles dedicated social problems of family relations, social and psychological work to increase ethnic tolerance, the formation of the creative potential of the teacher, spiritual awakening personality, ideological goals emergence of social tolerance in civil society, the contours of the future of public administration, issues of ethnic and cultural identity, social problems of migrants, international cooperation in the field of education. A sufficient number of articles have a narrow specialization, which absolutely makes us happy, because such items are based on a thorough and comprehensive analysis. Our magazine contains materials of experienced, established scholars, based on the theoretical analysis of scientific concepts as well as empirical development of researchers, including graduate students and undergraduates, performed under the supervision of pro-

fessors and associate professors. It should also be noted that the interest of authors to the section that contains a review of the scientific works of modern scholars. Owing to published in the magazine reviews that readers could briefly familiarize with some dissertations, monographs and other scientific publications, which were published in the last year.

In today’s world there is a strong dynamics of changes, both practical and theoretical life, redefining of value orientations, transforming of existing paradigms of learning and developing new ones. Cognition of the world – the eternal philosophical question that each generation naturally trying to find the correct answer. However, history shows that such attempts are not always successful. Of course, advances in science should serve to facilitate of human life, social groups, people and society as a whole. In other words, science is aimed at meeting our needs. Just this is the complexity of the whole perception of the world. The fact that, the needs and interests of different countries, peoples and political forces do not always tolerate in relation to each other. This shows again in previous, 2014, during which there have been major changes in the geopolitical balance of power in the world, collective security in the regional and global scales and unanimous cooperation for the benefit of all the world’s countries. Events in Ukraine and around it, clearly demonstrated this. Deep political and social crisis in this country and up to this day is accompanied, unfortunately, military actions that result in killing of innocent people. These tragic events unfortunately have, always

included not only in the history of this country, but around the world. Another equally important aspect of these developments is that concluded serious damage to stabilization, democratic, mutually beneficial cooperation between the leading nations of our time. There was contempt of the law, as well as the function of many elements of the system of international security. Without going into details, we can confidently say that such a state in the international community is the immaturity of some of the states and peoples in terms of a culture of tolerance.

We are pleased that our publication in the international scientific space caused

some interest, and our cooperation with scientists from around the world will develop fruitfully. I would especially like to wish our magazine image strengthened by the presence in its pages healthy scientific debate, conductor advanced creative ideas and methodological innovation.

Dear partners, co-organizers, members of the editorial board and readers! We are sincerely grateful to you that you helped to start successfully activity of our journal and in every possible way ready to support it. And we look forward to further fruitful cooperation and expand the geography of its spread.

Ilona G. Doroshina

Historické vědy

УДК 930.2

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАРАДИГМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

С. В. Ямщиков

*Кандидат исторических наук, доцент,
Международный университет природы,
общества и человека «Дубна»,
г. Дубна, Московская область, Россия*

RUSSIAN SOCIETY FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY THROUGH THE PRISM OF SOCIO-CULTURAL PARADIGM OF DETERMINISM

S. V. Yamshchikov

*Candidate of Historical Sciences,
assistant professor,
International University of nature,
society and man «Dubna»,
Dubna, Moscow region, Russia*

Summary. In the first quarter of the XX century Russian society, making a choice, is experiencing a crisis phase of its development. The culmination of this crisis were the revolution of 1917 and the subsequent civil war. The main reason the national schism was the inability of the social system to overcome the crisis caused by the attempt to transform its civilizational foundations, to change the paradigm of development.

Keywords: Russian society; Russia; the crisis; the first quarter of the XX century; civilization; modernization; world war I; the 1917 revolution; the civil war; traditionalism.

В конце XX – начале XXI века Россия в очередной раз в своей истории находится в точке бифуркации, совершая цивилизационный выбор. В переломные моменты общественного развития вполне закономерно и естественно стремление исследователей обратиться к историческому опыту, найти в прошлом ответы на насущные вопросы сегодняшнего дня. В своё время великий русский

философ Н. А. Бердяев утверждал, что «в нашу эпоху нет более острой темы и для познания и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации. Это – тема об ожидающей нас судьбе» [2, с. 162].

В прошлом российскому обществу неоднократно приходилось решать проблему цивилизационного выбора. Вся история России проходит в борьбе между западничеством и её самобытностью.

Это обусловлено геополитической спецификой нашей страны, территория которой простирается между двумя великими мирами: между Востоком и Западом. Поэтому российское общество сочетает в себе особенности двух великих цивилизаций: западной (либеральной) и восточной (традиционной). Русский народ создал свою самобытную цивилизацию, объединяющую в себе исторический опыт Востока и Запада.

Цивилизация базируется на определённой системе культурно-нравственных традиций, которая обуславливает парадигму её развития. Исторически русская цивилизация сформировалась как крестьянская по своей социальной структуре и социокультурным основаниям. Патриархально-общинные традиции были тем культурным фундаментом, на котором стояло традиционное российское общество, развивающееся на идеях православия, самодержавия, народности.

Капиталистическая модернизация второй половины XIX – начала XX века изнутри взорвала патриархально-общинный уклад деревенской жизни. В условиях господства авторитарно-патриархальной крестьянской культуры любое ослабление или деформация государственных структур создавало реальную угрозу распада социума. В политической системе России начала XX века не оказалось такого социального института, который бы в процессе модернизации традиционного общества при возможных социально-политических издержках и трудностях смог бы защитить всю общественную систему от энтропийных процессов. Монархические институты, являвшиеся прочной политической скрепой российской государственности на протяжении всей её истории, постепенно утрачивали массовую социальную поддержку. «Ходынка», русско-японская война, «кровавое воскресенье», революционные события 1905–1907 годов оставили глубокий антимоноархический след в сознании

русского народа. Уже тогда консерватизм народа, его приверженность традиционным социально-политическим институтам российского общества оказались поколебленными.

Революционный взрыв 1905–1907 годов, явившийся серьёзным симптомом гражданской войны, показал, что крестьянская поземельная община, традиционная социальная опора государственного самодержавного строя, превратилась в рассадник антигосударственных, антимоноархических настроений. Аграрная реформа П. А. Столыпина, направленная на разрушение крестьянской общины и образование среднего слоя собственников, которые составили бы социальную базу капиталистической модернизации, привела к усилению социально-классовой напряжённости в обществе. Имущественное расслоение русской деревни сопровождалось новыми социальными взрывами. Так, с 1907 по 1914 год по России было зарегистрировано 6 828 поджогов хуторских хозяйств [3, с. 97].

Психология гражданской войны постепенно проникала в плоть и кровь русского народа. Гражданская война начала полыхать в душе народа с разрушением патриархально-общинных традиций, того культурного фундамента, на котором стояло российское общество. Социально однородная и информационно неразвитая общинная среда, синкретизм сознания крестьянина-общинника, отсутствие широкого социального опыта формировало у него склонности к единообразию и упорядоченности жизни и мышления. Последующие встречи с реальным многообразием и сложностью социума вызывали у таких людей реакцию шока с разнообразными психологическими и психическими последствиями. Со всей очевидностью это проявилось в годы первой мировой войны.

Первая мировая война усугубила издержки болезненного процесса

капиталистической модернизации российского общества. Война, кардинально изменившая социальную структуру российского общества, породила мировоззренческий хаос и нравственную опустошённость нации: рушились устоявшиеся представления о правовом порядке и социальных нормах, окончательно была девальвирована русская православная монархическо-патриотическая национальная идея. «К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои.... В 1917 году народ максимально беспочвен, но и максимально безыдеен», – характеризовал российскую действительность той эпохи Г. П. Федотов [5, с. 98–99].

Российское общество, лишённое духовно-нравственных оснований и моральных принципов, начало атомизироваться, деструктурироваться. Прежде всего не выдержала психика человека, произошёл раскол личности, расщепление её духовной составляющей. Перед человеком, вырванным сложившимися обстоятельствами из обычной для него социокультурной среды, «открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт.... Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы ..., – всё это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом» [7, с. 29–30]. В среде смятённых, дезориентированных, часто озлобленных людей возникла реальная угроза «войны всех против всех».

Духовно-нравственный распад общества привёл к углублению кризиса государственной власти, в том числе её главного института – армии. Из силовой основы государственности русская армия превратилась в орудие её тоталь-

ного раскола. Уже к 1917 году она дала обществу огромное количество маргиналов, людей с дефицитом гражданственности, патриотизма, отсутствием общечеловеческих моральных принципов, склонных к насилиям и жестокостям. «Человек с ружьём» привносил в общество культуру конфронтации и жёсткой борьбы. Его психология стала важнейшей составляющей массового сознания эпохи революционных потрясений 1917 года. Эпидемия насилия в обществе заменила общечеловеческие ценности суррогатом «классового подхода», породила социальный слой «комбатантов», людей сделавших войну своей профессией.

Февральская революция 1917 года разрушила самодержавное государство и демократизировала российское общество. Однако в феврале 1917 года демократия в России, на некоторое время, победила только политически. Социально-психологически русский народ оказался не готов принять общецивилизационные демократические ценности, институты и процедуры. Традиционно русский человек был отчуждён от собственности и власти, он находился под тотальным контролем со стороны монархического государства. В годы капиталистической модернизации, первой мировой войны и революций социально-политическая отчуждённость народа стала более очевидной. В лице многомиллионного слоя маргиналов, людей без собственности, озлобленных, агрессивных, молодые демократические силы, оказавшиеся у власти в феврале 1917 года, получили сильного социального противника. Маргинальные слои численно превосходили российский средний класс, людей, имеющих собственность и занимающих свою социальную нишу.

В России 1917 года в большей степени изменилось общественное бытие, чем общественное сознание. Консервативная социальная психология оказалась

серьёзным препятствием демократическим преобразованиям. Социальные катаклизмы – модернизация, война, революция – разрушили традиционную систему ценностей российского общества, но не «архетипы коллективного бессознательного» [6, с. 95–128].

Демократическая политика пост-февральского периода противоречила генетически унаследованным образцам поведения, мышления, восприятия и воображения, характерным для русского национального характера. Когда первый порыв революционного энтузиазма и демократические иллюзии февральско-мартовских дней 1917 года сменились политической апатией и недоверием народа к демократическим деятелям и институтам, произошло вторжение архетипических образов в сознание людей в самых примитивных формах и началось «бегство от свободы».

Результатом перехода к оперированию традиционным, стереотипным знанием и социальным опытом было, по терминологии А. С. Ахиезера, массовое усиление инверсии в ущерб медиации [1, с. 79]. Инверсия проявилась в форме социального протеста против демократической власти, что привело российское общество к энтропии. «Свобода, если она внезапно предоставляется народу, не подготовленному самовоспитанием, может не только привести к оклократии и в конечном итоге к тирании, но и прежде всего, способствовать переходу власти в руки случайно возникшей клики» [цит. по: 4, с. 16]. Это заключение К. Ясперса подтвердилось практикой российских революций 1917 года.

Наиболее близкой традиционному архетипическому массовому сознанию оказались популистские леворадикальные лозунги: «Мира!», «Хлеба!», «Земли!», «Воли!». Большевицкий миф о создании рая на земле покорило широкие народные массы.

В Феврале 1917 года в России была нарушена традиция и предпринята по-

пытка трансформировать цивилизационные основы общественной системы, изменить парадигму её развития. В Октябре 1917 года произошла реставрация традиционализма, и вектор развития страны вновь оказался направленным с Запада на Восток.

Кульминацией кризиса российского общества первой четверти XX века явилась гражданская война. Главная причина внутринационального вооружённого конфликта заключалась в неспособности самой общественной системы конструктивно преодолеть кризис, вызванный попыткой её модернизации. Разнородность постреволюционного российского общества провоцировала борьбу разных подходов в определении путей его дальнейшего развития. Адекватными и изоморфными ментальным установкам общественного сознания были «красная» и «белая» альтернативы партий гражданской войны, ориентирующихся на насилие, принуждение в решении политических проблем, усматривавших зло в либеральной демократии. Левый радикализм и правый консерватизм представляли собой две стороны русского традиционализма. В гражданской войне они столкнулись на общей традиционалистской почве. Их идеологии опирались на структуры традиционной архетипической социально-политической психологии, для которой была характерна потребность в сильной государственной власти и железном порядке, непримиримость с политическими противниками и агрессивность по отношению к ним.

Противоборствующие в гражданской войне политические лагеря оказались неспособными понять культурно-историческую идентичность, оправданность друг друга и мирно соединить духовные идеалы, освящённые глубокими вековыми традициями народа, с социальными идеалами социализма и коммунизма. В условиях массового обнищания народа, распада

прежних социальных связей и атомизации социума фундаменталистско-реставраторские лозунги «белых» вряд ли могли стать привлекательными для основной части населения страны. В то же время идеи социальной справедливости, социального равенства «красных» приносили им политические дивиденды. Фактически большевики создали новое идеологическое поле по старому традиционалистскому образцу, что обеспечило им победу в гражданской войне и в последующем власть на многие десятилетия XX века.

Третья часть российского гражданско-го конфликта первой четверти XX века прорезала, прежде всего, социокультурную сферу общественной жизни. Новый либерально-демократический духовный уклад был решительно противопоставлен культурной традиции. Демократические политические силы не смогли должным образом оценить значимость субъектов реальной социальной структуры и учесть объективную инерцию социальной психологии. Их практические действия не соответствовали объективно сложившимся условиям. Поэтому российский кризис первой четверти XX века, проявившийся в разрушительных революциях и не менее разрушительной гражданской войне, завершился поворотом страны к традиционализму.

Изучение российского общества первой четверти XX века сквозь призму парадигмы социокультурного детерминизма позволяет утверждать, что:

при проведении современной социально-экономической и политической модернизации общества необходимо учитывать национально-культурную специфику России, а не слепо копировать ценности западной цивилизации;

общественные преобразования, осуществляемые посредством дискредитации национальных традиций, подавления глубинных социально-психологических и ментальных импульсов

социальной системы, очень скоро ведут к кризису государственности и распаду общества;

в нынешней ситуации необходимо укреплять государственные институты, повышать их авторитет в обществе. Важно не допустить того, что произошло в России в 1917 году, когда демократическая власть потеряла контроль над обществом, а народ в массе своей отверг идею демократии и стихийно сделал выбор в пользу традиционализма.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Философия истории, историческая наука и современность // Вопросы истории. 1994. – № 6.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
3. Ланщиков А. П., Салуцкий А. С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. – М.: Современник, 1990.
4. Сафонов В. Н. Соотношение форм правления и режимов правления // Социально-политический журнал. – 1998. – № 1.
5. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – Т. 1.
6. Юнг К. Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991.
7. Ясперс К. Истоки истории и её цель. – М.: ИНИОН, 1977.

Bibliografickij spisok

1. Ahiezer A. S. Filosofija istorii, istoricheskaja nauka i sovremennost // Voprosy istorii. 1994. – № 6.
2. Berdjaev N. A. Smysl istorii. – M.: Mysl, 1990.
3. Lanshhikov A. P., Saluckij A. S. Krestjanskij vopros vchera i segodnja. – M.: Sovremennik, 1990.
4. Safonov V. N. Sootnoshenie form pravlenija i rezhimov pravlenija // Socialno-politicheskij zhurnal. – 1998. – № 1.
5. Fedotov G. P. Sudba i grehi Rossii: Izbrannye stati po filosofii russkoj istorii i kultury. – SPb.: Sofija, 1991. – T. 1.
6. Jung K. G. Arhetip i simvol. – M.: Renesans, 1991.
7. Jaspers K. Istoki istorii i ejo cel. – M.: INION, 1977.

© Ямщиков С. В., 2015

Filozofické vědy

UDC 130.2

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE VALUES INFLUENCE OF THE WESTERN WORLD IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF RUSSIA

A. M. Roudenko
V. V. Kotlyarova

*Doctor of Philosophical Sciences, professor,
candidate of Philosophical Sciences,
associate professor,*

M. M. Shubina

*doctor of Philosophical Sciences, professor,
Don State Technical University Institute
of the service sector and entrepreneurship (department),
Schachty, Rostov region, Russia*

Summary. This article is from a philosophical point of view shows why and for what purpose is carried out influence on the values of the Western world socio-cultural space of Russia. Human values become the property of the elite few chosen people, which forms an existential commitment of the individual in expanding their sphere of influence, their distribution in a broader socio-cultural environment. Fundamental characteristic of the transformation of the socio-cultural environment of today is its globalization, arising as a result of a breakthrough in the world of information technology and systems. At the same time, a key feature of social and cultural space of post-Soviet Russia is tracking a search that is carried out in a state of uncertainty. However, arising from these conditions dissonance identities is not only an indicator of the crisis state of society, but also a resource update fundamental socio-cultural matrix of personal and social life.

Keywords: globalization; culture; identity; value; people; existence; Euro-centrism; racism.

Introduction

Human existence is based on being in its individual and collective values. Formed as a result of personal experience, value consciousness of a person performs the basic functions of governments behavior, distributing internal psychic energy of its existence between the various modes of social and cultural reality. Values are the meaningful aspect of human existence existential. Status existentiality varying values determined by the degree of its fundamental nature, integrity, origin, depth and immediacy of its relation to the value of life. Among the most significant human existential true happiness, creativity, freedom, faith, hope and love.

Current state of Russian society, the situation shows that along with the eco-

nomie, in political, national and other problems become the most topical problem of values, the importance of which is demanded by life itself, since the value of regulating the relations of people at the same time unite and divide some other, as a kind of «mirror» reflection of the existing socio-cultural processes [1]. Valuable stability, immutability are not essential characteristics of modern culture.

If at the level of the mass of man is the similarity of value and meaning, then at the level of personal self-realization of human elite found their variety, variability, selectivity. Human values become the property of the elite few, the elect, that forms an existential commitment personality expand their sphere of influence, their distribution in a broader socio-cultural environment

[2]. It is this desire to spread the existential values of the individual in the broadest possible socio-cultural whole is at the heart of the power ambitions, since government gives a person the ability and opportunity to the smooth implementation of their own values and meanings aspirations, even against the will and wishes of other social or political subjects.

This is confirmed by the fact that throughout the history of mankind values imposed winners defeated, values ruling sooner or later are supported by the subordinates. This principle is realized at different levels: the individual, the family, the state, etc. At the level of the individual – is the desire at the best to promote and publicize (and at worst – to impose) personal interests. At the level of family relationships are also built on the basis of similarity of attitudes of man with his partner, which in many respects is the guarantor of the stability of marriage. At the state level and in international relations, it is shown in the specifics of published laws and conventions, reflecting the values of the ruling parties and the leading countries.

Influence on the values of the Western world socio-cultural space of the Russian Federation due to the nature of the processes that it become relevant in recent decades. Transformation processes in modern Russia require scientific rethinking new trends in Russian society, as the process of updating all spheres of public life has brought to life a lot of new, both positive and negative effects. In a very short period undergone deep «corrosion» core values, samples and standards of social consciousness, ideals and norms of behavior, political and moral guidelines, which have long been the only acceptable [3]. The transformation of the image of «Soviet man» in a diverse way of the Russians, the disappearance of the Soviet people overnight – a new historical community, its decomposition into peoples and nationalities, religious, political, economic, and other large and small groups

inevitably led to an increase in the value crisis processes.

Methodology

The issue of Euro-centrism and the influence of European values on the value of non-European countries, including Russia, is by its nature interdisciplinary and fit into the subject matter of a number of disciplines, such as history, sociology, psychology, ethnography, political science, philosophical anthropology, religious studies, cultural studies, theory of State and Law, and others. Therefore, this work is based on the application of general scientific and philosophical methodology, in particular a systematic approach, the method of use of which is the realization of the necessary and sufficient set of characteristics that distinguish not only the object under study as a whole, but some of its components, and components.

In our study, as the leading method for studying the influence of the values of one culture to another is the method of binary oppositions or dichotomies, considering the subject-object [4], or the subject-subject [5] the nature of the valuable relationship.

Significance of the study of social value orientations of subjects led to the emergence of a large number of basic and applied researches on the problem of values. For developing Russian axiology characteristic movement in two main directions: a logical analysis of the category values and study the dynamics of values. Values are traditionally analyzed dichotomous position: subject-subject relations [6; 7], the subject-object relationship [8], at the same time attempts to create coherent axiological concepts: value-cultural approach, M. S. Kagan, constructive axiology of N. S. Rozov [9], the project personalistic axiology V. K. Shokhina [10] and others. In addition, we have used our earlier studies in the framework of this problem [1; 2; 3; 11; 12].

The analysis of the scientific literature on the stated theme revealed the active development of various aspects of the study

of the influence of values of one culture to another. However, it is still on the periphery of scientific attention is the study of influence of the values of the Western world in the socio-cultural space of Russia.

Results

Throughout the millennial history of traditional values were the basis of identity of the Russian people and Russia. Main core values of Russian culture has always advocated the primacy of the spiritual over the material, Catholic, Orthodox, love and service to the Fatherland, a willingness to defend the Fatherland, until sacrifice, labor, justice, freedom, love for the land, love of a woman – a mother, state priority against the person [10, p. 78].

Describing the traditional values that are present in contemporary Russian society, one can not distinguish the existence of religious values. Today, religion is seen by many Russians as a necessary part of spirituality, as a socio-historical phenomenon, which is of great philosophical significance, as an element of national spiritual culture as a factor that plays an important role in the formation of national identity and national identity. It should be noted that Russian society is now, as before, is not only a multi-ethnic state, but also a multi-religious. Orthodoxy differs a great tolerance for other religions, which is based on the idea of catholicity. The great Russian philosopher N. O. Lossky wrote: «The Councils unity of different peoples suggests the possibility of interpenetration of national cultures. As the aroma of lily, blue light and harmonious sounds can fill the same space and can be combined together, without losing its definiteness, and the creation of different national cultures can penetrate each other and form a higher unity» [13, p. 269].

Conciliarism implies moral unity of the team, subordinate the interests of the church, religion, and directly in the value consciousness of many Russians, is related to nationality. In Russian culture, na-

tionality harmonically combined with patriotism. Russian citizens patriotism was always one of the indicators of their value-ideological spirituality. Russians have long been characteristic of touching attitude to their homeland, in the history of Russia made a lot of exploits and heroic deeds in the name of love for their motherland, in order to preserve the independence and integrity of the state. Unlike Western-style pragmatic patriotism Russian patriotism traditionally more irrational and subject-contemplative. Russian people used to love their country not for financial reward, but because it was given to him by God, and because he was born here, grew up, gained dear to the heart of people.

In modern culture there is a tendency consolidating properties – clearly expressed request for a «new patriotism». Patriotism is a significant part of the population is treated as a sense of national pride, as a way of national identity, as a value that determines the basic life position. Patriotism is a conscious every citizen belonging to a common social and cultural space, as creativity, through which each person perceives their inner spiritual world as a constituent element of the national culture.

At the top of the sphere of values, still, are the traditional values – the value of family, friendship and love; in recent years, their position in the hierarchy of values, not only weakened, but still more firmly established [1]. Such a high position in the hierarchy of values of Russian society of traditional values due to the fact that there is always a family, private life was and still is for the majority of Russians major focus of their mental and physical strength, and is often the only salvation island, where it is possible to seek protection from the ever-growing social and psychological stress.

At the level of the individual, society and the state expansion values strong, ruling and influential people is destructive with respect to the weaker, vulnerable, unprotected people. At the international level a good example in recent years, proving it is

the policy of some Western nuclear powers to States that do not have nuclear weapons and do not represent to them the threat of retaliation. Indicative of recent events in Egypt, Libya, Syria and others. Scientists are considering various scenarios of how «our homeland and its culture of military security may be presented in the near future in light of the political-military relations» [14, p. 52]. It is noted that the prolongation of the existing today western course in which our country acts as a «junior partner» to the United States, Europe and NATO, has a «disservice» of the Russian Federation, which will remain a raw materials appendage of the developed world, market for unsold second-class food, military-industrial and intellectual goods» [14, p. 58].

The expansion of Western values also occurs in the socio-cultural and economic aspects. This leads to the fact that the modern national culture is a complex, deep state of crisis that prevents adequate personal fulfillment. Cultural events of the last decades are held under the banner of the total capitalization of spontaneity and arbitrariness of market relations, for «objects» sale «have become the rule of law and morality, common cultural base aesthetic values of the people that has already caused enormous damage to self-awareness and self-esteem of the people, undermining the fundamental foundations of the spiritual life» [15, p. 16]. All this leads to the fact that in today's domestic conditions «...a spiritual function values clearly underestimated that affects the spiritual life of society, and goal-setting processes of different activities, and its semantic content, which obviously reduces to the mastery of «things and coins» [15, p. 34]. Obviously, the lasting consequences of the notorious of overtaking modernization, understood as the total westernization or Americanization, when along with some positive trends and innovation, national culture and assimilates all the Western evils and vices that are on the new soil and

new conditions are transformed and hypertrophy, becoming increasingly destructive features.

The Analysis of occurrence and Eurocentrism essence leads to the following conclusions [12]:

1. The beginning of the natural ethnocentrism, from which later grows and racism, is considered the era of antiquity, when is the emergence and development of the dichotomy of «us and them» so far only on an intuitive level, but not in concept form, is subjective. It was in this period that the Hellenic-barbarian polarization, where a model of culture is only the Greek culture, ancient interpretation of the «other» are estimates and are generally negative. This attitude led to a man to think about the fundamental, permanent and comprehensive inequality between people.

2. Christian alters the ratio of barbarism and its cultural values. It shows that the most important thing in a man – his religion, which is the basis for the transition from the «barbarism» to «not barbarism» Barbarian, in this context – is a person who does not know the basics of the Christian faith. That these conditions are necessary to justify the superiority of the European nation over other nations.

3. The great geographical discoveries marked a new historical era, and became a sort of «milestones» in the way of humanity to its current state. Their significance is that they have led to a change in a person's world, to change perceptions of its nature as a whole in the religious and humanistic conceptions of the Middle Ages and the Renaissance. These discoveries have affected all aspects of life in the West-European rights and, above all, social and cultural situation in the society. They have influenced the philosophical thought of XVIII–XIX centuries and resulted in the emergence of Eurocentrism in philosophical anthropology of the period studied.

4. Genesis of Eurocentrism can be traced from antiquity, opposes itself to the East, and this view was inherited

by Europe, who believed that is the result of continuous development of antiquity; in subsequent cultural and historical epochs, in particular, on the basis of the philosophical works of antiquity, is grounded in the intrinsic value and the superiority of the European race, and it only gets comparative anthropology. On the basis of racism allegedly cultural discrimination in society and nationalist sentiments.

5. The problem of the formation of Euro-centrism is clearly manifested in the philosophical anthropology, finds reflection in the works of Western philosophers, in which the sound persistent negative evaluations of Eastern societies and prove the age-old inferiority East and, on the other hand, justify the eternal superiority rationalist democratic West. Substantiates the inevitable and progressive hegemony of the West, from the history of displaced «the rest of humanity», do not meet the standards. So racism becomes ideological and political basis of colonialism.

6. Racism takes on political and cultural significance when trying to scientifically justify the need for the spiritual and cultural qualitative inequality of races. Racial theories that try to explain the disparity of human races and to show that racial differences are important factors in determining the course of historical development of peoples, especially their culture and their level of development, are not yet a political orientation. But they are easily converted into racist and Nazi, when they are used to justify the social and political inequality.

7. The racial and class approach each experienced a rise. Racial – in Nazi Germany became the official doctrine, the class – by force was introduced in the Soviet humanities and became dominant in it. Class approach to Russia in the XX century, existed in two forms. Firstly, as a revolutionary ideology that explains the actions of the revolutionary movement. Secondly, as the dominant doctrine in the humanities, which after coming to power of the

RSDLP, was the only political means, and all the others were pushed out.

8. Globalist direction of human development in the twenty-first century requires a counter racist concepts; This means that racial theories should not be used to justify discrimination of races, nations and ethnic groups, and in order to facilitate the overcoming of social and political differences between nations.

Discussion

Is it possible to resist Euro-centrism? And it always focus on the values of the West is dangerous or detrimental to Russia? In regard to the ideas of self-identity, the impact of Europe on Russia can not be considered negative. Personal principle manifested in culture, indirectly expands the boundaries of human existence, because its content is largely due to the productive activities in the society. Man, from the point of view of its existence, only partially mortal: he is mortal, and as an individual personality, personality manifestation of human existence can overcome temporal boundaries of his life as an individual [2]. The more developed than the brighter, original and unique personality manifests component of human existence, the less it is bound to the boundaries of human existence as an individual. G. L. Tulchin rightly notes: «Only a unique globally. And what could be a unique and unrepeatable human person?!» [16, p. 54]. How to create favorable conditions for the realization of human existence, how to achieve this higher criterion of progressive social and cultural development? We believe that for this there are two main interrelated and interdependent factors: the formation of the inner personality of human potential and finding adequate for its development of social and cultural reality. If the first person can help the psychology and pedagogy, the second – the prerogative of politics and economics. Once again it should be emphasized on the relationship of personal and socio-cultural factors.

However, socio-cultural factor in this dyad is likely to be the determining, for the individual, on the one hand, is formed in the society, and on the other – it is manifested.

What should be the socio-cultural environment, which would allow maximum exercise personal component of human existence? Which way should go to create such an environment? Our country is on the path of modernization. What content can be embedded in this concept? The word «modernization» is translated into Russian as «development, improvement, improving, updating an object to bring it into line with the new requirements and standards». But this interpretation of the concept is applicable mainly to technical facilities, machinery, equipment, technological processes. In the socio-cultural context is given a different understanding of the concept of modernization: it is treated as «not just expanding, and its specific form in which the transition from traditional to modern society» [17, p. 65]. And in this case we are talking about non-Western countries, which proclaimed modern, and thus acting as a role model: «Catch the western (modern) societies of the West – that's the goal, which stood in front of Russia at all stages of modernization ... and now» [17, p. 65]. West follows its own laws, and non-Western countries on the path of modernization, including Russia, are on the trodden path of the West, but «modernization process in any case secondary, as if repeating that copies made by someone initial move» [18]. What does it lead? To that destroyed the socio-cultural and national identity of countries, enshrined backward and in need of modernization, as «history with its sensitivity to the identity and the individual does not accept and does not recognize gross forgeries, politicians copyists and imitators» [18]. Imitation, that is, blind imitation of the bright predecessor, which is devoid of creative originality is not a productive strategy of personal fulfillment. Similarly, inorganic modernization or Westerniza-

tion can hardly be considered the model of socio-cultural development, which would provide a person living in its own terms, the most favorable conditions for self-realization. Practice shows that, at best, only catching up modernization creates enclaves of modern life, such as Moscow and St. Petersburg in Russia, the socio-cultural characteristics which differ significantly from the province. Such enclave modernization creates obvious inequality, promising an equal chance, but because in reality, these chances are not for everyone, there is social unrest.

Sometimes, however, under the concept of «modernization» is meant not westernization and globalization. Do not think, of course, that globalization is a strategy devoid of drawbacks, for «the formation of a persons identity is determined by the globalization era, the growing contradictions between the inner, spiritual world and those external realities that stifle its existence as a manifestation of freedom» [19, p. 154]. However, globalization is the result of a breakthrough in the world of information technology and systems, where a source of progress is their expanded reproduction, «An economy based on information technology, turns a man holding the information and is able to generate new knowledge in fixed assets, the main productive force of society. Correspondingly, the value of these divisions of the company, as a science, education and culture as a whole. In them, a new type of employee, in addition to having its workforce by the fact of what is called cultural capital» [19, p. 201]. It is clear that in such socio-cultural conditions of human self-realization becomes more productive, because it opens the collective achievements of mankind in various fields. But, on the other hand, information society, rather than reality itself virtuality, offering to replace the original simulacrum fake.

A key characteristic of the socio-cultural space of post-Soviet Russia is the identification search, which, according

to many researchers, carried out in a state of uncertainty, as well as the conflict between social identity and self-identity of the individual. Analysis of domestic socio-cultural practices strongly suggests that «in today's conflict transformation period of social identity and self-identity of actors is magnified and becomes the dominant characteristic that determines all the political and socio-cultural space at all levels of public life» [20, p. 73]. However, arising from these conditions dissonance identities is not only an indicator of the crisis state of society, but also a resource update of fundamental socio-cultural matrix of personal and social life at the expense of dealing with the uncertainty, optimization and innovation in the search for ways of matching personal and social ideals in order to ensure viability.

Conclusion

The globalization of socio-cultural reality as one of the leading characteristics of modernity is manifested in both positive and negative aspects regarding the existential dimension of human existence. Negativism total character transformation of modern culture, in addition to the traditional twentieth-century global challenges (environmental, militaristic, raw materials, etc.), in the late twentieth and early XXI centuries manifested in the exacerbation of globalization and socio-cultural and individual personality conflicts. Last appeared in enhancing existential loneliness, tightening utilitarian tendencies to person, acute dissonance of individual autonomy and socio-economic unfreedom, emotional and affective world of man and the techno sphere.

Bibliography

1. Котлярова В. В. Современный ценностный кризис и поиск общечеловеческих ценностей // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 86–95. URL: http://www.hses-online.ru/2011/02/09_00_13/10.pdf (дата обращения: 28.12.14).
2. Руденко А. М. Социовитальная концепция смысложизненной интенциональности экзистенции человека : монография. – Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. – 236 с.
3. Котлярова В. В., Якунин А. А. Ценности и жизненные стратегии молодежи в современном социально-гуманитарном познании : монография. – Шахты : ЮРГУЭС, 2012. – 233 с.
4. Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. – М. : Политиздат, 1977. – 150 с.
5. Тутаринов В. П. Марксистская философия и проблема ценности // Проблемы ценности в философии. – М., Л. : Наука. – 350 с.
6. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. – СПб. : Издательство СПбГУ, 1996. – 152 с.
7. Выжлецов Г. П. Духовные ценности и судьба России // Социально-политический журнал. – 1994. – № 3–6. – С. 16–32.
8. Каган М. С. Философия культуры. – СПб. : Петрополис, 1996. – 416 с.
9. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире : философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1998. – 292 с.
10. Шохин В. К. «Проект» персонологической антропологии и философия ценностей // Вопросы философии. – 2002. – № 6. – С. 112–118.
11. Котлярова В. В. Традиционные ценности русской культуры // Культура и власть. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2010. – С. 78–80.
12. Шубина М. М. Теоретические рефлексии и социокультурные практики современного европоцентризма : монография. – Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2011. – 406 с.
13. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М. : Политиздат, 1992. – 300 с.
14. Вершилов С. А. Культура военной безопасности России в возможных сценариях перемен в эпоху глобализации начала XXI столетия (социально-философский анализ). Наука и современность. – Новосибирск : СИБПРИНТ, 2010. – 176 с.
15. Палеева О. Л. Ценностная сфера культуры. Система ценностей современного общества. – Новосибирск : СИБПРИНТ, 2010. – 181 с.
16. Тульчинский Г. Л. Новая антропология : личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. – 2009. – № 4. – С. 41–56.
17. Федотова В. Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей модернизации» // Модернизации и национальные культуры. – М. : Горбачев-фонд, 1998.
18. Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Зна-

- ние. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/mezhuev/> (дата обращения: 28.12.2014).
19. Салихов Г. Г. Человек в глобализирующемся мире : социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2010. – 361 с.
20. Костюшев В. В. Идентификационный поиск в состоянии неопределенности // Философские науки. – 2010. – № 1.
- Bibliography**
1. Kotljарova V. V. Sovremennyy cennostnyj krizis i poisk obshhechelovecheskih cennostej // Gumanitarnye i socialnye nauki. – 2011. – № 2. – S. 86–95. URL: http://www.hses-online.ru/2011/02/09_00_13/10.pdf (data obrashhenija: 28.12.14).
 2. Rudenko A. M. Sociovitalnaja koncepcija smyslzhiznennoj intencionalnosti jekzistencii cheloveka : monografija. – Rostov-na-Donu : Izd-vo SKNC VSh JuFU, 2012. – 236 s.
 3. Kotljарova V. V., Jakunin A. A. Cennosti i zhiznennye strategii molodezhi v sovremennom socialno-gumanitarnom poznanii : monografija. – Shahty : JuRGUJeS, 2012. – 233 s.
 4. Drobnickij O. G. Problemy npravstvennosti. – M. : Politizdat, 1977. – 150 s.
 5. Tugarinov V. P. Marksistskaja filosofija i problema cennosti // Problemy cennosti v filosofii. – M., L. : Nauka. – 350 s.
 6. Vyzhlecov G. P. Aksiologija kultury. – SPb. : Izdatelstvo SPbGU, 1996. – 152 s.
 7. Vyzhlecov G. P. Duhovnye cennosti i sudba Rossii // Socialno-politicheskij zhurnal. – 1994. – № 3–6. – S. 16–32.
 8. Kagan M. S. Filosofija kultury. – SPb. : Petropolis, 1996. – 416 s.
 9. Rozov N. S. Cennosti v problemnom mire : filosofskie osnovanija i socialnye prilozhenija konstruktivnoj aksiologii. – Novosibirsk : Izdatelstvo Novosibirskogo universiteta, 1998. – 292 s.
 10. Shohin V. K. «Proekt» personologicheskoi antropologii i filosofija cennostej // Voprosy filosofii. – 2002. – № 6. – S. 112–118.
 11. Kotljарova V. V. Tradicionnye cennosti russkoj kultury // Kultura i vlast. – Penza : Privolzhskij Dom znaniy, 2010. – S. 78–80.
 12. Shubina M. M. Teoreticheskie refleksii i socio-kulturnye praktiki sovremennogo evropocentrizma : monografija. – Rostov-na-Donu : Izd-vo SKNC VSh, 2011. – 406 s.
 13. Losskij N. O. Uslovija absoljutnogo dobra. – M. : Politizdat, 1992. – 300 s.
 14. Vershilov S. A. Kultura voennoj bezopasnosti Rossii v vozmozhnyh scenarijah perezmen v jepohu globalizacii nachala XXI stoletija (socialno-filosofskij analiz). Nauka i sovremennost. – Novosibirsk : SIBPRINT, 2010. – 176 s.
 15. Paleeva O. L. Cennostnaja sfera kultury. Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. – Novosibirsk : SIBPRINT, 2010. – 181 s.
 16. Tulchinskij G. L. Novaja antropologija : lichnost v perspektive postchelovechnosti // Voprosy filosofii. – 2009. – № 4. – S. 41–56.
 17. Fedotova V. G. Pljusy i minusy modeli «dogonjajushhej modernizacii» // Modernizacii i nacionalnye kultury. – M. : Gorbachev-fond, 1998.
 18. Mezhuев V. M. Cennosti sovremennosti v kontekste modernizacii i globalizacii // Znanie. Poni-manie. Umenie. – 2009. – № 1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/mezhuev/> (data obrashhenija: 28.12.2014).
 19. Salihov G. G. Chelovek v globalizirujushhem-sja mire : socialno-filosofskij analiz : dis. ... d. filol. nauk : 09.00.11 / Bashkir. gos. un-t. – Ufa, 2010. – 361 s.
 20. Kostjushev V. V. Identifikacionnyj poisk v sostojanii neopredelennosti // Filosofskie nauki. – 2010. – № 1.

© Котлярова В. В., Руденко А. М.,
Шубина М. М., 2015

УДК 167.7

**ПАРАДИГМА ФОРМАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

О. В. Тиханычев *Кандидат технических наук, профессор,
Академия военных наук,
г. Москва, Россия*

**PARADIGM FORMALIZATION REALITY
IN THE INFORMATION SOCIETY**

O. V. Tikhanychev *Candidate of Technical Sciences, Professor,
Academy of Military Sciences,
Moscow, Russia*

Summary. Analyzed the problem of formalization of processes and phenomena and its influence on the development of modern society. It is concluded that the increasing influence of the formalization of the results of research. Formulated the thesis of the dangers of this process in the Information Society.

Keywords: formalization of reality; the development of science; information Society; mathematical simulation; danger virtualization.

Немногие задумываются о том, что лежит в основе успешного развития современной науки и техники. Порой кажется, что это развитие идет само по себе, путем случайного сочетания удачных опытов и эволюционного отсека не удачных. Но детальный анализ показывает, что поступательное развитие науки в первую очередь обеспечивается реализацией ряда закономерностей, выстраивающихся в единый ряд целенаправленных шагов по пути прогресса. Один из таких шагов, обеспечивающих развитие техногенного общества – отображение представления об окружающем мире в формализованном виде. Чем можно подтвердить это утверждение?

Историческим анализом развития человеческого общества. Этот анализ показывает, что с возникновением прототипа современного общества возникла потребность в исследовании окружающего мира, накоплении и передаче информации. Но, в связи с ограничен-

ными возможностями средств коммуникации, имеющихся у человека, обмениваться и фиксировать аналоговые образы предметов и явлений оказалось проблематично.

В результате человек, чтобы понять и описать явления окружающего мира, вынужден был создать формализованные аналоги предметов, явлений и событий, его составляющих. Примеров, подтверждающих этот тезис, множество:

- математические символы, числа, аналогов некоторым из которых в природе просто нет;
- буквы и слова, формально описывающие звуки и образы, соответствующие предметам и явлениям;
- звуки, формализованные нотами и ладами и т. п.

Незначительная на первый взгляд идея применения формализованного описания действительности на самом деле сыграла не меньшую роль в развитии нашей цивилизации, чем изобретение колеса. Формализация позволила

описать явления и процессы на понятном для всех языке, обмениваться получившимся формальным описанием для обеспечения совместной деятельности групп людей, передавать описание последующим поколениям для практического применения и развития.

Таким образом, формализация не просто позволила исследовать явления, которые без нее были бы непонятны человеческому разуму, но и обеспечила сохранение результатов исследований и обмен ими. В пору техногенного периода развития человечества, парадигма формализации, по сути, обеспечила поступательное развитие науки и техники.

Но, как показывает детальный анализ проблемы, существуют и минусы формального подхода: формализация существенно упрощает исследуемые объекты и явления, заменяя их символическими моделями. До поры до времени в этом ничего плохого. До и во время техногенного периода развития общества, в то время, когда человек исследовал окружающий мир самостоятельно, используя собственные органы чувств, последствия влияния формализации на познание были практически незаметны. Даже использование технических средств усиления сенсорных возможностей человека не усложняло ситуацию до критической – деформализацию и аналитическую обработку результатов все равно производил человек. Да и сами приборы, фиксирующие события, были в основном аналоговыми, отображающими свойства процессов и явлений без формального преобразования.

Но наступила эпоха информационной революции, человечество из индустриального этапа шагнуло в эру информационного общества, и ситуация изменилась. Устройства, усиливающие самые разные, в том числе познавательные, возможности человека, стали цифровыми, формализующими фиксируемые параметры не аналоговыми за-

висимостями, а наборами чисел или их диапазонов. Посредником между человеком и средствами сбора информации об окружающем мире все чаще становится компьютерная программа, в том числе наделенная функциями обработки данных и аналитическими функциями. Теперь все погрешности описания, порожденные формализацией, стали человеку не видны, и ситуация по восприятию окружающего мира им изменилась, иногда до опасного уровня.

Для пояснения сложности сложившейся ситуации обратимся к одному из примеров формализации окружающей действительности для обеспечения ее исследования – построение формальных моделей явлений, служащих основой такого метода научного познания, как моделирование. И не только потому, что в нем автор имеет определенный практический опыт [3; 4]. Просто математическое моделирование является собой наиболее наглядный пример преобразования аналогового по своей сути окружающего нас мира в формальную модель.

В настоящее время для исследования процессов и явлений используются натурные, полунатурные и математические модели. В связи с развитием электронно-вычислительной техники, наибольшее применение в процессе исследования окружающей действительности приобрели математические модели, являющиеся приближенным описанием какого-либо класса явлений внешнего мира, выраженным с помощью математической символики. Именно математические модели в последнее время чаще всего используются для прогнозирования поведения сложных технических и социальных систем. И проблема формализации исследуемых объектов и систем при их использовании имеет существенное влияние.

Известно, что математические модели за время своего существования прошли достаточно большой путь

развития: от простых моделей несложных явлений до систем и комплексов моделирования сложных социально-технических систем. И если при применении несложных моделей результаты моделирования могут логически контролироваться человеком, то крупные модели, а тем более полимодельные комплексы являются для пользователя «черным ящиком», принципы обработки информации внутри которого он понять не в состоянии. В дальнейшем, с ростом масштабов моделируемых явлений, оператор модели отстраняется не только от процесса моделирования, но и от операций обработки входной, а иногда и выходной информации модели.

Исходя из этого, именно использование крупных моделей и полимодельных комплексов, описывающих сложные социально-технические системы, является наиболее наглядным примером формализации исследуемых объектов и явлений.

Пример подобной сложной модели – так называемая «живая модель Земли» (living Earth simulator – LES), создаваемая интернациональной группой ученых. По заявлениям разработчиков, создаваемая модель способна отображать все, что происходит в мире: от погоды и эпидемий до международных финансовых процессов и заторов на дорогах [1; 2]. Проект, называемый FuturICT, возглавляет доктор Хелбинг (Швейцарский федеральный технологический институт). Разрабатываемая в рамках проекта программа призвана помочь пояснить процессы, происходящие на нашей планете: как поведение человека влияет на развитие общества, каким образом формируется окружающий мир и др.

С помощью модели LES предполагается получать прогнозы рисков возникновения различных ситуаций: прогнозировать распространение инфекционных заболеваний, определять методы борьбы с климатическими пе-

ременами, обнаруживать предпосылки к финансовым кризисам и т. п.

Для того, чтобы модель исправно функционировала, ее необходимо постоянно обеспечивать актуальными данными, включающими формализованную информацию об основных событиях, происходящих на планете. Для этого, например, в рамках проекта «Кожа планеты», осуществляемого под эгидой НАСА, создается сеть датчиков, собирающих климатическую информацию по состоянию атмосферы, литосферы и гидросферы. Кроме того, разработчики уже определили в сети Интернет более семидесяти источников других исходных данных для моделирования. В качестве технической основы модели предполагается использовать специально создаваемую сеть компьютеров высокой производительности, способную распределенно и оперативно обрабатывать большие массивы информации.

Важным этапом создания модели LES является разработка алгоритмов, позволяющих трансформировать огромный объем собираемой информации в систему исходных данных модели, то есть агрегировать и формализовать их. Для этой цели предполагается использовать технологии так называемой «семантической паутины», использующие неформализованные метаданные.

Анализируя сведения о назначении и принципах функционирования модели LES, можно сделать вывод, что при ее использовании исходные данные для моделирования собирают и вводят уже не операторы, а промежуточные программные системы и компоненты самой модели. Модель сама обрабатывает результаты моделирования, выдавая оператору уже агрегированную и дозированную информацию.

Но такой подход, с одной стороны, упрощая деятельность по мониторингу обстановки, с другой – все больше удаляет человека от работы с реальной

информацией, подменяя картину окружающего мира формализованной моделью, формируемой компьютерной программой. И любые искажения данных, в том числе обусловленные погрешностями формализации, пользователю уже не видны. Более того, он об их влиянии на результат может даже не догадываться.

В итоге информационная ситуация, складывающаяся при проведении исследований с применением сложных распределенных моделей типа LES, напоминает процесс, часто происходящий в медийном пространстве: намеренная или случайная модификация и фильтрация информации формирует у пользователей определенную картину мира, отличающуюся от реальной. Конечно, причины искажения при моделировании и использовании технологий информационного воздействия разные, а вот последствия и в том, и в другом случае могут быть одинаково опасны.

Отдаление пользователя от реальной действительности при использовании моделей типа LES является частным, но очень показательным случаем. Этот случай показывает тенденцию. И этот пример далеко не единственный, подобная тенденция наблюдается уже не только в научных исследованиях, но и на бытовом уровне. С углублением уровня информатизации общества указанная тенденция только нарастает.

И дело даже не в самом использовании формализации. В этом нет ничего порочного, пока пользователь понимает границы возможного. Проблема в том, что с нарастанием уровня информатизации общества сложными информационными продуктами начинают пользоваться все большее количество неспециалистов. А вот они, как раз, опасности формализации не видят и не понимают.

Таким образом, анализ применения парадигмы формализации в современном информационном обществе показывает, что все более широкое внедрение средств информатизации во все аспекты человеческой деятельности упрощает жизнь каждого человека и общества в целом, но одновременно удаляет их от реальности, ставя между человеком и окружающим миром все больше технических и программных средств, оперирующих формальными данными. Парадигма формализации, ставшая двигателем прогресса в техногенном обществе, начинает по-другому работать в обществе информационном. Не обращать внимания на отдельные аспекты ее применения становится просто опасно. И пора уже дать объективную оценку: куда приведет дальнейшее следование парадигме формализации – в виртуальный мир полной зависимости от помощников-машин или к гармоничному распределению функций между информационными системами и человеком? Ответ лежит в отношении к дальнейшему использованию созданной на заре развития человечества парадигмы формализации в современном мире.

Bibliography

1. Anthony Sebastian (December 6, 2011). Living Earth Simulator will simulate the entire world // Extreme Tech. Retrieved April 5, 2012.
2. Steven R. Bishop and Helen Susannah Moat speak about FuturICT – The Billion Europe Project : Leveraging New Technology for Social Advancement. April 18, 2012. Retrieved July 4, 2012.
3. Tikhanychev O. V. Decision-Making Support Systems : Prospects for Troops Control Automation // Military Thought. – Vol. 21 Issue 3, 2012. – P. 74–83.
4. Tikhanychev O. V., Vypasnyak V. I, Guralnik A. M. Combat Simulation : Past, Present and Future // Military Thought. – Vol. 23 Number 3, 2014. – P. 30–41.

© Тиханьчев О. В., 2015

Filologické vědy

УДК 811.133.1 (075.8)

К ВОПРОСУ ОБ УРБАНИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

З. Н. Афинская

*Кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

TO THE QUESTION OF URBAN DISCOURSE

Z. N. Afinskaya

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Moscow State University named
after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

Summary. The city is one of the most important attributes of the modern civilization, one of the essential elements of the generalized at the national and individual consciousness picture of the world. Based on the concept of motive – the topic will be presented to the experience of specification of the concept of the city. The study of texts of different genres of literature – guide to Paris, Paris «ville surréaliste», modern equipment of Bordeaux – to determine the discursive the specifics of these genres.

Keywords: motif; discourse; *ville*; M. de Serto; language and culture.

В языковой картине мира концепт город, аккумулируя языковой опыт разных этносов и национальных культур, занимает особое место, так как включает в себя эмоционально-чувственное отношение индивидуума и универсальный опыт человечества. В качестве лингвокультурологической категории концепт *город* интересен своей многоуровневой, сложной конструкцией, в которой соединено историческое, географическое, геополитическое, урбанистическое и художественное содержание. Его значение в лингвокультуре поддерживается также признаком транслируемости [3, с. 32] – его адекватно понимают в разных национальных культурах представители разных этносов.

Время и пространство в городе находятся в постоянном динамическом взаимодействии – дома перестраиваются, улицы меняют свой архитектурный и социальный облик (иногда переименовываются), жители переезжают из одного городского района в другой. Пространство города, очерченное на картах, представляется цельным образованием, но для каждого его жителя оно воплощено в образе родного квартала, где он родился, провёл детство и проживает настоящую жизнь. В городе отдельный индивид приобретает социальные навыки, осознаёт свою национальную и культурную идентичность («La ville est le lieu grâce auquel la vie des gens s'organise, se relie à celle des autres et

acquiert un caractère social. La ville est le lieu grâce auquel la socialisation travaille les identités... »)¹ [11, с. 21]. Динамика пространства и времени, отражённая в истории и актуальной жизни города, обеспечивает этому концепту устойчивые позиции в языковой картине мира, что даёт основание утверждать: «вторым после человека приоритетным правом на образ обладает город» [1, с. 316].

В свете теории языковой личности справедливо проводить анализ текста с помощью единиц когнитивного статуса; «эти искомые аналитические единицы, будучи принадлежностью текстов... должны обладать когнитивной природой, то есть нести новое знание... Перечисленным условиям отвечают единицы, которые:

а) извлекаются из текстов;

б) структурируются в соответствии с концептуальным статусом» [4, с. 177] ключевого слова. Концепт, таким образом, слагается из минимальных единиц знаний о мире когнем, согласно Ю. Н. Караулову, которые представлены непосредственно в тексте. Когнему в этом ракурсе возможно, как представляется, сопоставить с понятием *мотива*, разрабатываемым Ф. Растье, П. Кадью, И.-М. Визетти, Ж. Лонги и др. Обе категории позволяют составить более объёмное представление о том или ином концепте, который эксплицирует мотивацию языковой личности. Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем рассматривать мотив как необходимый, психологически и семантически мотивированный компонент концепта. Мотивы не заданы заранее, вне конкретного текста, а «опознаются в виде эффективной гаммы употреблений» –

¹ «Город – место, благодаря которому жизнь индивидов организуется, объединяется с жизнью других людей и приобретает общественный характер. Город – это место, благодаря которому социализация вырабатывает идентичность...» – пер. З. А.

пер. З. А. («reconnaisables sous la vérité effective des emplois») [8, с. 103].

Дискурс о городе, или «урбанистический дискурс», должен содержать, по концепции М. де Серто, три основных аспекта:

1) город постоянно создаёт, согласно рациональным принципам, собственное пространство;

2) город постоянно замещает традиционную культуру синхроническими потребностями общества;

3) город создаёт анонимные субъекты, постоянно нивелирует индивидуальность [5, с. 191].

Чтобы осмыслить значимость постулатов М. де Серто, обратимся к разным в стилистическом плане образцам урбанистического дискурса.

Сначала рассмотрим такой жанр, как «книги о Париже». Чтобы представить себе более объёмно содержание концепта *город* (Париж), попытаемся «собрать» его из нескольких мотивов.

Наиболее устойчивыми среди них являются *местоположение (река), основатели, исторические события (войны), политическая и экономическая жизнь, актуальное значение*.

1. Река, на берегах которой возник город, и мосты: *La Seine, la rive gauche de la Seine; Pont Alexandre III, Pont Neuf*.

2. Личности, сыгравшие большую роль в истории города: *les Gaulois, les Romains, les rois, la dynastie, les protagonistes d'évènements importants, ses fondateurs*.

3. Войны и революции как исторические события, влияющие на жизнь города: *la révolte, la guerre civile, l'occupation, des désordres des ravages, les guerres de religion, la ville assiégée, la chute de la royauté, des révoltes les plus sanglantes, des désordres*.

4. Центр политической, экономической и культурной жизни страны: *un petit centre urbain, Lutèce, une véritable capitale, ce premier noyau, résidence, ses plus splendides moments, les pages les*

plus tristes, centre culturel et politique, superbe Hôtel de ville, de nombreux monuments, son urbanisme, sa culture.

5. Процессы, способствовавшие развитию города: *Changer le cours d'histoire, construire, faire construire, se transporter en, fonder une dynastie, s'agrandir, habiter, s'enrichir, élever la colonne, un développement progressif, la construction, les travaux, une lente mais continuelle expansion, la restructuration urbaine* [10, с. 3–4].

Примечательно то, что в таких путеводителях отсутствует описание улиц за исключением *Champs-Élisées*, но упоминаются площади *Place de la Concorde, Place des Vosges, Place Vendôme* и др., так как относятся к городским объектам, обладающим сильной структурообразующей функцией.

В этом перечне мотивов город выглядит достаточно обширным пространством, в котором значимы только исторические монументы, памятники культуры мирового значения, – всё то, что представляет интерес иностранных туристов. Однако в таких текстах невозможно определить ту точку, с которой обозревается панорама Парижа, что свидетельствует об отсутствии личного восприятия города. Поэтому их предпочтительно рассматривать не как дискурс, содержащий концепты как «переживаемое пространство», по Ю. С. Степанову [6], а в качестве образца определённого жанра, не предполагающего личностное восприятие. В этом тексте, который можно условно назвать «книга для туристов», не прописан ни конкретный адресат, с которым не предусмотрены в рамках этого стиля коммуникативные связи, ни личностное участие автора. В целом возникает вопрос о том, насколько возможно рассматривать этот текст в качестве дискурса, поскольку в нём отсутствует отклик на языковой опыт собеседника – автор текста никого не убеждает, не спорит, не возражает, не соглашается.

Отсутствие собеседника выводит этот текст из сферы коммуникации, из обычного языка в область литературного стандарта, для которого характерны строгие грамматические и лексические нормы (употребление *Passé simple*, существительных со значением процесса и др.). В таких текстах отсутствуют также показатели модальности, те коммуникативные единицы, которые обеспечивают дискурсивный статус фрагменту текста. Однако этот тип текстов интересует нас потому, что в них содержится определённый набор стереотипных ситуаций, которые как бы задают модель описания любого города.

В сфере экономики для мотива город (г. Бордо) значимы такие аспекты, как урбанизм и обустройство территории, хотя архитектура, исторические памятники и географическое расположение также могут находиться в фокусе внимания журналистов, но в качестве элементов градостроительной политики.

1. Река и её берега: *la Garonne, les berges, le fleuve, le parc des Berges, les quais:*

– *Bordeaux s'est réconcilié avec la Garonne;*

– *Il n'y a plus de coupure entre ce coeur de la ville et la Garonne;*

– *Les rives du fleuve sont devenues un espace clef de la ville.*

2. Архитектура и достопримечательности: *Les belles façades XVIII-e, le quartier Saint-Pierre, La place de la Bourse.*

3. Представители городских органов управления: *ex-maire Alain Juppé, la municipalité et la communauté urbaine, Michel Corajoud:*

– *La municipalité et la communauté urbaine ont choisi de limiter drastiquement le trafic de transit;*

– *L'ère Juppé a été marquée par le tramway.*

4. Синхронное состояние города: *être situé, être coupé, séparer, concentrer, border:*

- *Cette reconquête de la ville;*
- *L'aménagement confié au paysagiste Michel Corajoud;*
- *Les berges sont peu à peu rendues à la population.*

5. Процессы, изменившие облик города, выражены глаголами: *redevenir, alterner, parachever, devenir, installer.*

Город постоянно отвоёвывает для себя пространство у окружающей местности, в городе постоянно происходит стирание диалектных особенностей речи, замещение этнокультуры городским образом жизни. Эти урбанистические тенденции нашли своё радикальное отражение в панораме сюрреалистических мотивов Парижа. Характерные черты мотивов Парижа, созданные сюрреалистами, – интерес к бытовой стороне обыденной жизни во всех её проявлениях, отказ от описания великолепия архитектуры в пользу рационального воздействия на городскую среду. Интерпретация городских мотивов в ракурсе эстетики сюрреализма была заложена поэтом Андре Бретоном, автором манифеста сюрреалистов (*Manifeste du Surréalisme*, 1924), и развивалась многими поэтами и писателями [7]. Один из наиболее значительных образов города был создан Жюльеном Гракком в его эссе «Форма города» («*La forme d'une ville*»). Он рисует портрет города-мифа, в котором присутствуют мотивы, навеянные художниками, писателями, поэтами разных времён. Миф в том смысле, как его понимал Ролан Барт: «поскольку миф – это слово, то мифом может стать всё, что покрывается дискурсом» [2, с. 265]. Ценно не так называемое объективное изображение, а личностное отношение к окружающему миру: «*Toute société, comme tout paysage, ne prend vie et animation qu'à partir d'un point de vue*»² [9, с. 158]. Не случайно в тексте Гракка можно на-

² «Любое общество, как и любой пейзаж, становится живым существом только в чьих-то глазах» – пер. З. А.

блюдать эпитеты оценочного значения. Следуя избранной модели исследования урбанистического дискурса, отметим в нём следующие мотивы:

1) освоение окружающего пространства:

– *Une ville tenacement infiltrée par la campagne...* [9, с. 192].

– *Quelque zone verte, à l'époque toujours plus ou moins lépreuse, en lisière de la ville* [9, с. 42].

2) изменение названий улиц как непременный способ существования города:

– *Il y a peu de villes où les municipalités successives aient profité de façon aussi éhontée qu'à Nantes du privilège qu'elles détiennent de débatiser et de rebatiser à leur gré places et avenues...* [9, с. 202].

3) улицы, архитектура, памятники предстают в своём утилитарном образе, в своей повседневности:

– *Où partout maintenant «blocs» et résidences...* [9, с. 55].

– *Le clocher de St-Félix – une des plus laides églises d'une ville qui n'en compte pas peu...* [9, с. 68].

– *Sur la route de Paris tout était ennui et banalité, tout nous paraissait second-rate (второсортное – англ.)* [9, с. 56].

– *De mornes, d'interminables boulevards* [9, с. 46].

4) город как пространство формирования личности и городской лицей как модель общества, место социализации и формирования личности:

– *C'était une ville où, contre elle, selon elle, mais toujours avec elle, je m'étais formé* [9, с. 197].

– *Si je regardais Nantes, au-delà de ce modèle réduit d'une société qu'était pour moi le lycée...* [9, с. 155].

– *Ordre, uniformité, hiérarchie, discipline restaient les maîtres mots* [9, с. 150].

5) город – напряжённая социальная среда:

– *Ce qui fait de la ville un milieu sous tension, ce n'est pas tellement la concentration de l'habitat, l'état de friction latente et continue qui électrise les rapports,*

la multiplicité des *possibles* ouverts à l'existence individuelle... [9, с. 199].

б) старинные названия улиц как хранилище языковой региональной идентичности:

– Les anciens noms qui ont échappé à l'exportation électoraliste n'en deviennent que plus amis de l'oreille et de la fréquentes en *ière*, en *eau* ou en *ais*, si bien accordées à la toponymie rurale de la région... [9, с. 202].

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что город – один из важнейших атрибутов современной цивилизации, один из существенных элементов обобщённой в национальном и индивидуальном сознании картины мира. Концепт город сопряжён с разнообразными мотивами, каждый из которых, в свою очередь, конкретизируется непосредственным контекстом, сопоставимым по своему дискурсивному значению с профилями, согласно концепции Кадьо-Визетти. Эксплицирование мотивов концепта город позволяет обозначить различную тематику, которая меняется в зависимости от профилирования мотивов: город-«туристический объект», город-«благоприятная среда проживания в результате продуманной экономической политики», город-«миф». Город обретает очертания структурированного в языковой картине пространства, только в качестве дискурса, «одушевлённого» присутствием человека с его обыденным существованием.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999.
2. Барт Р. Мифологии. – М., 2010.
3. Карасик В. И. Этноспецифические концепты. Гл. 1. Иная ментальность. – М., 2005.
4. Караулов Ю. Н. Русский парадоксальный человек в парадоксальном мире Достоевского

го / Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности. – М., 2008. – С. 176–183.

5. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина и др. – СПб.: Изд-во Европейск. ун-та в СПб. – М., 2013.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.
7. Энциклопедический словарь сюрреализма. – М., 2007.
8. Cadot P., Visetti Y.-M. Pour une théorie des formes sémantiques : motifs, profils, thèmes. – Paris : PUF, 2001.
9. Gracq J. La forme d'une ville. – Paris, 1985.
10. Tout Paris. – Florence : EB Bonechi, Italie, 1995.
11. Isin E. F. La ville comme lieu du social // Droit de cité. – 2009. – № 1.

Bibliograficheskij spisok

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. – 2-e izd., ispr. – М., 1999.
2. Bart R. Mifologii. – М., 2010.
3. Karasik V. I. Jetnospecificheskie koncepty. Gl. 1. Inaja mentalnost. – М., 2005.
4. Karaulov Ju. N. Russkij paradoksalnyj chelovek v paradoksalnom mire Dostoevskogo / Rossija i russkie v vosprijatii inokulturnoj jazykovej lichnosti. – М., 2008. – С. 176–183.
5. Serto M. de. Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat / per. s fr. D. Kalugina i dr. – SPb. : Izd-vo Evropejsk. un-ta v SPb. – М., 2013.
6. Stepanov Ju. S. Konstany: Slovar russkoj kultury. – 3-e izd., ispr. i dop. – М. : Akademicheskij Proekt, 2004.
7. Jenciklopedicheskij slovar sjurrealizma. – М., 2007.
8. Cadot P., Visetti Y.-M. Pour une théorie des formes sémantiques : motifs, profils, thèmes. – Paris : PUF, 2001.
9. Gracq J. La forme dune ville. – Paris, 1985.
10. Tout Paris. – Florence : EB Bonechi, Italie, 1995.
11. Isin E. F. La ville comme lieu du social // Droit de cité. – 2009. – № 1.

© Афинская З. Н., 2015

УДК 82.81.6/83

**ФУНКЦИИ КАТЕГОРИЙ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ»
ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ О ВОЙНЕ****Т. М. Бессонова***Магистрант,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия***ON THE FUNCTIONS OF THE CATEGORIES «TIME» AND «SPACE»
IN FICTIONAL DOCUMENTARY PROSE ON WAR****T. M. Bessonova***Undergraduate student,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. The article investigates the basic functions of the categories «space» and «time» realized in the fictional-documentary prose. It also deals with the time-and-space correlation and their role in the described type of prose.

Keywords: chronotopos; time and space relations; documentary; fictional time and space.

Источник документального образа – реальность. В отношении к образу-персонажу – это известная историческая фигура или малозаметный участник исторического процесса. Обобщенные образы (образы времени, среды, пространства) состояются из ряда компонентов, отражающих эти понятия. Время имеет конкретное выражение в развитии исторических событий, в движении жизни автора-повествователя, в приметах быта, культуры, психологии людей определенной эпохи. Образ среды проступает в судьбах, взаимоотношениях современников автора. Пространство в документальной литературе о войне – подлинные географические пункты, топография реальных мест, интерьеры существовавших или существующих зданий. Возможность убедиться в этом дает любой документальный текст о войне.

Как известно, термин «хронотоп» был введен М. М. Бахтиным для обозначения «существенной взаимосвязи временных и пространственных отно-

шений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 213]. Важно отметить, что пространственно-временные координаты литературной действительности обеспечивают целостное восприятие художественного произведения и организуют его композицию. Другой аспект – традиционность форм хронотопа, наследуемых литературой от фольклора и мифа. И. В. Роднянская подчеркивает тот факт, что в литературно-художественных (и шире – культурных) моделях мира точкой приложения осмысляющих сил издавна являются такие традиционные пространственные ориентиры, как «дом» (образ замкнутого пространства), «простор» (образ открытого пространства), «порог», «окно», «дверь» (граница между тем и другим), так или иначе сохраняющиеся и в современной литературе [6, с. 1175].

Пространственно-временные отношения и их организация в произведении играют существенную роль в осознании истории и характера. «Войдя в мир художественной правды,

пространственная и временная перспективы становятся ее константами, составляющими содержания, особыми величинами художественной формулы» [4, с. 277].

Отличительным свойством пространственно-временных отношений в «литературе факта» является документальность, которая сообщает повествованию черты летописи. Писатель точно определяет время и место событий. Взяв факт, автор размыкает локальные рамки события и соотносит его с прошлым и настоящим. Время открыто, исторично.

Документализм, историзм, временная открытость свойственны времени биографическому. Особенность всех жизнеописаний составляет рассказ о том, как история вторгалась в судьбы людей, а люди делали историю. Угроза войны, а затем и сама война повернули жизненные дороги людей. Капитаном дальнего плавания мечтал стать Александр Маринеско («Капитан дальнего плавания» А. Крона), речником на Печоре начал свою трудовую деятельность будущий контр-адмирал Сергей Ворков («Севастопольская хроника» П. Сажина), лечить людей и воспитывать детей хотела Валентина Владимировна Тимофеева («Разные дни войны» К. Симонова). Но все меняется с началом войны: А. Маринеско и С. Воркова призывают во флот. Писатель говорит от имени поколения, что характерно для литературного процесса в целом. «Мы, участники войны, очень медленно стряхиваем ее прах со своих ног, – пишет В. Быков, – угли пожара по сей день жгут наши сердца» [3, с. 4].

Особенность документальных жанров заключается в стремлении преодолеть забвение, а это стремление принимает пространственно-временное выражение. Речь идет, прежде всего, о тяготении к историко-аналитическому типу мышления.

Уже в 1960-е годы В. Закруткин, П. Лукницкий, Б. Полевой пытаются отразить средствами «литературы факта» не только событие, но и характер человека. Проявившаяся в романах о войне тенденция к пространственно-временной панорамности нового художественного качества нашла свое отражение и в документальной прозе И. Вергасова, Б. Полевого, К. Симонова.

В каждом отдельном случае пространственно-временная панорама выполняет свою идейно-художественную функцию: в книге К. Симонова «Разные дни войны» она позволяет охватить войну, которая была «такая длинная и разная», во всей ее сложности; в произведении белорусских писателей «Я из огненной деревни...» – дает представление о размерах трагедии народа и его нравственной силе. В повести Д. Гранина «Клавдия Вилор» панорама помогает обрисовать героический характер женщины-политрука. В «Крымских тетрадах» И. Вергасова через панораму осуществляется синтез времен, отдельные факты и поступки людей соотносятся с общим ходом событий, раскрывается «механизм» партизанской войны в горах Крыма, создается эффект присутствия.

Выражая концепцию войны 1941–1945 годов как войны священной и всенародной, писатели-документалисты соотносят пропорции эпохального и частного, чтобы человеческая судьба не затерялась, а, напротив, высветилась в своем значении. Не случайно И. Вергасов, Б. Полевой, К. Симонов и многие другие писатели ограничивают рассказ определенными временными рамками – «Эти четыре года» или «Разные дни войны», вставляют в него целую новеллу о всей жизни героя.

Одним из способов решения задачи сопряжения частного и общего является синтез панорамного обзора с принципом «Я это видел, я это

слышал». Примеры реализации такого подхода к изображению очень разнообразны даже в рамках одного произведения.

Панорамное видение предполагает сопряжение времен, а следовательно, общественных оценок и проблем, сохранение исторической перспективы и соблюдение принципа историзма. Опорные моменты таковы: широта обзора – выразительность детали (фрагмента), обобщающая глубина выводов. Интересен опыт К. Симонова, придающего пространственно-временным перспективам особую емкость. В повести «Разные дни войны» панорамные картины сообщают подлинно эпический размах повествованию, позволяют ставить философские проблемы, а также вопрос о характере ответственности каждого перед народом.

Пространственно-временные отношения в произведении служат средством для осознания ценности человеческой жизни. Для реализации гуманистических идей возникает необходимость в пространственно-временной панораме особого рода. В частности, организация художественного времени в повести «Я из огненной деревни...» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника такова, что позволяет видеть событие в объективных хронологических рамках и в индивидуальном восприятии его протяженности и отдаленности. Точная датировка: год 1941, 1942, 1943, 1944, указывающая на длительность и регулярность злодеяний, совершаемых гитлеровскими захватчиками, – выступает в качестве характеристики двух противоборствующих сил: фашизма, несущего смерть, – и народа, защищающего свою Родину, жизнь, достойную человека. Создавая это произведение, писатели объехали 35 районов Белоруссии, побывали в ста сорока семи населенных пун-

ктах, встретились более чем с тремястами жителями деревень, разделивших участь Хатыни, записали их рассказы. В произведении сохранена не только лексика, стиль рассказов, но и смысловые и эмоциональные акценты, отступления от главного рассказа, оговорки и замечания, которые в чем-то дополняют образы рассказчиков, помогают читателю увидеть прошлое глазами очевидцев. Создавая произведение, авторы систематизировали материал, представили его как многоликое, живое отражение исторической действительности, в которой проявилась трагедия белорусского народа. Рассказы представлены писателями в продуманной смысловой связи по принципу образных ассоциаций, дополнены авторскими комментариями, наблюдениями. Факты, описания событий и лиц выражают предельную правду, сугубо личностное отношение к жизни, эта правда вырывается из рамок своего исторического времени, из рамок частных значений и выступает как трагическая правда века.

Пространственно-временные отношения, субъективно отраженные в индивидуальном сознании и памяти, придают пережитому яркую эмоционально-экспрессивную окраску: для одних это «черный и длинный день», для других – «далекая страшная сказка», для третьих – такое близкое, будто все произошло вчера. Понятие «панорамности» усложняется: во-первых, это разворачивание событийных картин, во-вторых, «панорамность души современного человека, ее надежд, тревог и заблуждений» [7, с. 22]. Сосредоточенность лишь на внутреннем мире героя не раскрывает человека и его эпоху, для этого необходим выход в широкое пространство истории.

В художественно-документальной прозе о войне присутствуют разные

типы пространственно-временных соотношений – исторических, биографических и т. п., – взаимодействуя друг с другом и с иными элементами целостной структуры (сообщениями, приказами, инструкциями и т. п.), они составляют сюжет, в котором событие становится образом. В частности, в книге «Я из огненной деревни...» статистические данные, сливаясь с рассказами о многократно повторяющейся трагедии, дают возможность охватить внутренним взором масштабы народного бедствия и героического сопротивления «новому порядку», увидеть образ борющейся Белоруссии и человека конкретной судьбы.

Раскрывая мысль о хронотопе как «преимущественной материализации времени в пространстве» и «центре изобразительной конкретизации», М. М. Бахтин приходит к выводу: «Все абстрактные элементы романа – философские и социальные обобщения, идея, анализы причин и следствий и т. п. – тяготеют к хронотопу и через него наполняются плотью и кровью, приобщаются к художественной образности» [1, с. 399]. Сделанный М. М. Бахтиным вывод также справедлив по отношению к художественно-документальному тексту, для которого характерен тон военной хроники. В качестве примера приведем произведения Р. Кармена («Рядом с солдатом»), Ю. Виноградова («Рубеж прикрытия»), В. Дельвой («Два года перед войной») и др.

В художественно-документальных произведениях О. Берггольц, Б. Горбатова, П. Сажина, С. Смирнова художественное пространство, объединяя разные поколения защитников русской земли, связывает современность с героическими и революционными событиями прошлого. Оно наделяется памятью, что характеризует особенность исторического видения современного человека, для которого

природный мир – это свидетель и хранитель воинской славы, героических и трагических страниц из жизни Родины. Местность – реки, горы, озера – все это представляет собой ассоциативный толчок к ретроспекциям. Прошлое вызывает, обязывает. В художественно-документальной прозе о войне пространство и время часто обладают «топографическим» эффектом. Микрособытие концентрирует в себе сущность масштабного события: «Качается люлька в разбитой хате. Качается люлька от взрывной волны, а в люльке лежит мертвый ребенок, весь в крови, и лицо его рассечено осколком, и осколок застрял в голове, как топор» [5, с. 405]. Факт вырастает в метафорический образ фашизма, который метит в самое дорогое – жизнь.

Будучи непосредственно связанным с действительно происшедшим, отражение пространственно-временных связей становится средством познания сущности человека, проявившейся в подвиге комиссара («Комиссар незримых баррикад» А. Палажченко, «Политрук Клочков» В. Осипова, «Клавдия Вилор» Д. Гранина), руководителей восстания в блоке Маутхаузена («Последний бой смертников» С. Смирнова), партизан Крыма («Крымские тетради» И. Вергасова), защитников высот Кавказа («Тайна Марухского ледника» В. Гнеушева и А. Попутько), летчиков блокадного Ленинграда («Огненное небо» А. Бурова), – и глубины падения предателей народа («Каратели» А. Адамовича).

Художественно-документальная проза, охватывая малые и большие пространства, что отразилось в названиях – «Разные дни войны» К. Симонова, «Была война» А. Лесина, «По тылам врага» М. Лукашева, «Два рейда» И. Бережнова, – ведущее место отводит образу дороги, который тоже ориентирован на точность факта и на его образное воспроизведение.

Таким образом, художественно-документальная проза охватывает малые и большие пространства. Художественное время и пространство в художественно-документальной прозе о войне играют сюжетобразующую и изобразительную роль. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что документальный сюжет – это не только плод авторского вымысла. Однако автор такого произведения, оставаясь творцом художественного целого, преобразуя материал жизни, раскрывает суть и логику ее течения, стремится к объективному отражению действительности в пространственно-временных связях, но не пренебрегает субъективной стороной дела: часто объективное содержание познается в результате пересечения восприятия многих людей.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 543 с.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб., 2000. – 304 с.
3. Быков В. Помнить // Литературная газета. – 1984. – 11 июля. – С. 4.
4. Гей Н. К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. – М. : Наука, 1975. – 471 с.
5. Капиев Ф. Записные книжки. – М., 1956. – 416 с.
6. Роднянская И. Б. Художественное время и художественное пространство // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001. – С. 1175.
7. Топер П. Новое искусство рождается с новым человеком // Вопросы литературы. – 1978. – № 12. – С. 6.

Bibliografickij spisok

1. Bahtin M. M. Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatelnosti // Literaturno-kriticheskie stati. – M., 1986. – 543 s.
2. Bahtin M. M. Jepos i roman. – SPb., 2000. – 304 s.
3. Bykov V. Pomnit // Literaturnaja gazeta. – 1984. – 11 ijulja. – S. 4.
4. Gej N. K. Hudozhestvennost literatury. Pojetika. Stil. – M. : Nauka, 1975. – 471 s.
5. Kapiev F. Zapisnye knizhki. – M., 1956. – 416 s.
6. Rodnjanskaja I. B. Hudozhestvennoe vremja i hudozhestvennoe prostranstvo // Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij. – M., 2001. – S. 1175.
7. Toper P. Novoe iskusstvo rozhdaetsja s novym chelovekom // Voprosy literatury. – 1978. – № 12. – S. 6.

© Бессонова Т. М., 2015

УДК 811.161.1

**ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ДИНАМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СЛОЖНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Н. В. Пятаева

*Доктор филологических наук, доцент,
Башкирский государственный университет,
филиал в г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан, Россия*

**PRINCIPLES AND METHODS OF DYNAMIC STUDY
OF COMPLEX LEXICAL SYSTEMS**

N. V. Pyataeva

*Doctor of Philological Sciences,
assistant professor,
Sterlitamak Branch of Bashkir State University,
Sterlitamak, the Republic of Bashkortostan, Russia*

Summary. The article considers the principles of synergetics and cultural linguistics to synchronous and diachronic study and description of complex lexical systems – lexical nest and lexical fields.

Keywords: synergetics; cognitive linguistics; cultural linguistics; lexical system; lexical nest.

Лексические гнезда (ЛГ) как когнитивные и лингвокультурные единицы призваны хранить знания о действительности в особой форме: вокруг корня иерархически располагаются словообразовательные и семантические производные, отражающие способность языка с помощью набора морфем модифицировать семантическую структуру корнеслова и образовывать новые имена предметов, признаков, действий и явлений, которые, тем не менее, в своем ядерном значении тесно связаны с семантикой непроемкой вершины гнезда. Другими словами, национальная языковая картина мира особым образом кодируется и структурируется в ЛГ, поэтому чрезвычайно важная роль в понимании ценностных ориентаций того или иного этноса принадлежит словообразованию, раскрывающему особенности видения и прочтения мира тем или иным народом и являющемуся

своеобразным ориентиром в его освоении. Такое положение дел диктует необходимость параллельного использования в современных научных исследованиях принципов и методов системно-структурной и антропоцентрической лингвистики, что позволит обеспечить планомерное развитие науки о языке и осуществить более комплексное, объемное, разностороннее рассмотрение языковых явлений.

Синергетическое **понятие самоорганизации** и вытекающий из него принцип кругообразности в организации живого играют важнейшую роль в понимании организации и функций языка как естественной (ментально-биологической) знаковой системы. По мнению А. Е. Кибрика, «в настоящее время лингвистика вплотную подходит к рубежу, когда автономный описательный подход себя изживает. С одной стороны, следуя прогнозируемому Буденом принципу (*исследуемые языки*

должны подвергаться поэлементному анализу во всех возможных направлениях) и создав-таки творение XX века – лексикологию, современная лингвистика обнаружила, что с описательной точки зрения даже одно отдельно взятое слово является не элементарным атомом, а целым космосом, требующим своего поэлементного анализа» [5, с. 103–104].

Структура человеческого знания о мире, которое системно по самой своей природе, отражается в семантических отношениях между лексическими единицами. Подход к словарному составу языка как явлению системному можно считать традиционным для русской лексикологии. Одним из первых лингвистов, кто обратил внимание на системные связи в лексике, был Н. В. Крушевский, сформулировавший в качестве основного принципа развития языка закон «соответствия мира слов миру понятий» [7, с. 345]. А. А. Потебня [9] стремился объяснить причины семантических изменений особенностями всей языковой системы и реалиями общественно-исторического развития народа как создателя и носителя языка. Эти идеи не получили развития в структурной лингвистике первых двух третей XX века, отвлекавшейся и от «мира понятий», и от языкового развития и сосредоточившейся на внутренних закономерностях системы знаков, однако в наши дни они, высказанные более ста лет назад, оказываются очень современными как в свете антропоцентрической, так и синергетической парадигм. Развивая мысли предшественников, М. М. Покровский поставил вопрос о закономерностях семантических изменений слов [8]. Им подняты такие проблемы, как влияние семантического контекста на значение слова, как пути наполнения слов новым содержанием в зависимости от синтаксической конструкции, в которой слово реализует то или иное свое значение, а также воздей-

ствии морфологических и словообразовательных закономерностей на семантику слова. М. М. Покровский также неоднократно подчеркивал, что необходимо изучать семантическую судьбу не отдельного слова, а ряды слов, связанные семантически друг с другом, системе в целом.

В ноябре 1945 года на научной сессии в ЛГУ академик В. В. Виноградов прочитал доклад «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования» (впервые полностью опубликованный в книге «История слов» [3, с. 5–38]), который стал одной из программных работ в теории лексикологии и сохранил свою актуальность в наши дни. Сформулированные в нем **принципы исторического изучения лексики** оказались настолько глубоки и жизнеспособны, что прошедшие шестьдесят лет «ни на йоту не сдвинули ее в область истории» [1, с. 34]. В общем лексикологическом учении можно выделить два взаимосвязанных тезиса, которые отличают виноградовскую философию языка:

1) «строй языка определяется взаимодействием его грамматики и лексики» [3, с. 5];

2) «так же, как принято говорить о грамматическом строе языка, следует говорить о его <...> лексической системе, свойственной тому или иному периоду в развитии языка» [там же], которая в целом складывается из более мелких лексических систем – «семантически замкнутых» рядов слов, элементы которых объединены общностью значения и поэтому подвержены действию одинаковых исторических закономерностей. В середине XX века много внимания вопросам систематизации лексики на современном и древнерусском материале уделял Ф. П. Филин [12]. В основе его классификации лежат отношения между словами, объединенными в группы: тематические, которые строятся только на внешних отношениях

между понятиями, и лексико-семантические, обусловленные историческим развитием языка. В настоящее время идею системности лексики можно считать общепризнанной.

Современная лексикология изучает лексику языка как систему систем на основе следующих теоретических положений, вытекающих **из принципов антропоцентрической и синергетической парадигм** современно-го научного знания.

1. Словесный состав современного русского литературного языка представляет собой исторически сложившуюся естественную систему со всеми принадлежащими такой системе характеристиками: это сверхсложная, открытая, нелинейная, иерархическая, самоорганизующаяся система с эмерджентными признаками. Именно такая система динамично отражает языковую картину мира народа, точно соответствуя каждому синхронному срезу в историческом развитии его социального устройства и культуры.

2. Основной единицей (голоном) лексической системы языка является слово-лексема, элементарной единицей – лексико-семантический вариант.

3. Принцип взаимозависимости лексико-семантической системы и среды проявляется во внутренней форме лексической единицы как способе представления в языке внеязыкового содержания, она является выражением определенного видения мира, свойственного тому или иному народу.

4. Принцип иерархичности применительно к лексико-семантической системе языка отражает следующую зависимость: чем развитее язык, тем более дифференцированными и разветвленными лексико-семантическими системами он обладает. В них закрепляется все богатство наблюдений над многообразием явлений действительности и связей между ними – результаты творческой познавательной

и классифицирующей работы человеческого мышления. Словарный состав языка представляет собой достаточно четко очерченную целостность, состоящую из ряда участков, имеющих свою собственную организацию и взаимодействующих друг с другом по определенным законам и в то же время подчиняющихся системе в целом. Каждый участок системы (подсистема) образуется словами, сгруппированными в собственно лексические классы, предстающие в виде разветвленного древа с ветвями, расходящимися от вершины к основанию. Такая систематизация основывается на последовательном включении единиц более низкого уровня в классы единиц иерархически более высокого уровня; другое проявление системности лексики – широко представленные в ней отношения синонимии, антонимии, конверсии, словообразовательной деривации.

5. Ю. Н. Караулов сформулировал закон семантической непрерывности словаря, соответствующий принципу незамкнутости системы: «в языке нет и не может быть слов, изолированных в семантическом отношении. Каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других. <...> Понятие непрерывности является для словаря основополагающим: словарь (и, прежде всего, словарь в голове человека) существует до тех пор, пока сохраняется непрерывность» [4, с. 75–76].

6. Одна из основных особенностей лексико-семантической структуры, отражающая синергетический принцип дополнительности, состоит в том, что через одну и ту же лексему в процессе истории языка, в различных диалектах одного языка, а также в пределах близкородственных и неблизкородственных языков могут проходить различные семантические континуумы (особенно в связи с различной внутренней

формой слов в отдельных языках), а один и тот же семантический цикл может одновременно разворачиваться в пределах нескольких слов, находящихся как бы в дополнительной дистрибуции друг к другу.

7. Принцип множественности описания системы состоит в том, что любое слово можно рассматривать или в системе языка, или в речевом потоке. В первом случае слово есть член лексической парадигмы, а во втором – оно является средоточием определенных сочетаемостных потенций.

8. Лексическая система живет по законам, общим для любой живой естественной системы: она активно функционирует и при этом находится в постоянном развитии, в конечном счете, определяемом жизнью ее подсистем и их взаимодействием, изменения, происходящие на том или ином участке системы прямо или косвенно обязательно сказываются на всей организации и стимулируют происходящие в ней процессы. На протяжении веков и десятилетий менялась не сама система, а определенные участки (точки бифуркации) внутри нее и отношения между этими участками. Именно таков характер пополнений и утрат, тенденций развития лексики, отмечаемых для отдельных периодов в жизни языка. Причем лексикологами отмечаются различные темпы изменений в составе лексико-семантических групп и в семантической структуре отдельных слов, составляющих эти группы. Исследования на материале различных языков, результаты которых приведены в статье В. П. Конечной [6], опровергают теорию глоттохронологии М. Сводеша [10], согласно которой основной словарный фонд изменяется и обновляется с одинаковым темпом. Несостоятельность этого положения подтверждается действием синергетического принципа сбалансированности устойчивых и неустойчивых элемен-

тов в любой системе (динамический хаос) – одинаковый темп изменения этих элементов привел бы к дисфункции или распаду системы.

9. Принцип гомеостатичности проявляется в том, что лексическая система, как всякая исторически сложившаяся естественная целостность, обладает высокой степенью стабильности: основной словарный запас, наиболее активно употребляемый во всех стилях современного литературного языка, сложился довольно давно в разные моменты и периоды в истории языка (в индоевропейскую, праславянскую и древнерусскую эпохи). Стабильность лексической системы реализуется и воспринимается через посредство определенных условий, сформулированных Н. Ю. Шведовой [13, с. 4]:

1) ступенчатый и постепенный характер процесса словообразования, когда словообразовательные дериваты образуются поэтапно в соответствии с узусом, а ЛГ формируется на протяжении достаточно длительного времени;

2) регулируемый (а в некоторых случаях и контролируемый) характер языковых контактов и заимствований;

3) семантическая устойчивость, четкость семантических границ и соответствие речевой практики словарным описаниям;

4) очевидный характер стилистической стратификации.

Следует, однако, отметить, что эти условия, имея не абсолютный, а относительный характер, могут нарушаться в зависимости от внешних причин, поэтому степень стабильности лексической системы на разных этапах языковой эволюции бывает разной. Так, например, русский язык XVIII и начала XXI веков демонстрирует низкий уровень стабильности лексической системы.

10. Принцип неустойчивости состоит в том, что лексическая система языка, как и языковая система в целом,

не является абсолютно устойчивой и неподвижной, даже если речь идет о рассмотрении отдельных синхронных срезов. Подвижность лексической системы отражается в наличии в ней «слабых» звеньев (непродуктивные модели словообразования, изолированные формы, «периферийные» значения слов, малоупотребительные слова и т. п.) и в существовании вариативных явлений. Наличие подобных энтропийных явлений, когда «слабые» звенья подпадают под влияние «сильных», одни из вариантов утрачиваются, другие – закрепляются в системе, приводит к постепенному изменению всех уровней языковой системы. Таким образом возникает новое синхронное состояние языка, поэтому можно говорить о том, что в каждом данном состоянии язык находится в динамическом равновесии: он представляет собой единство устойчивого и подвижного, статического и динамического. На лексическом уровне баланс между динамикой и статикой проявляется в том, что эволюция словарного состава не затрудняет выполнение языком его основных функций.

Помимо уже указанной выше (во втором пункте) основной единицы лексико-семантической системы языка – слова-лексемы – лексикология исследует и **крупные группировки слов – поля**, которые образуются парадигматическими и синтагматическими отношениями на основе формальных или содержательных признаков. На основе формальных признаков выделяют деривационные классы, словообразовательные и морфемные гнезда, аллитерации, мотивационные поля. На основе содержательных (семантических) признаков выделяют лексико-семантические парадигмы и поля, лексико-стилистические классы, парадигматические и деривационно-семантические поля, семантико-символические парадигмы. Совокупность парадигматических и синтагматических признаков лежит

в основе ассоциативных, тематических и функционально-семантических полей, отображающих определенные сферы внеязыковой действительности.

Системность на уровне формы и содержания отражается, прежде всего, в словообразовательных связях, поэтому одним из способов группировки лексики как объекта системного изучения является ЛГ, компоненты которого объединяются по формально-содержательному признаку. Это понятие в современной лингвистике раскрывается неоднозначно. Так, О. С. Ахманова относит к лексическим гнездам «группы слов, происходящих от одного корня, или объединяемых современными морфологическими или семантическими связями» [2, с. 109], и включает в состав ЛГ, помимо словообразовательных и этимологических, еще и синонимические ряды и парадигмы. Более распространенным является понимание ЛГ как совокупности лексических единиц, смысловая общность которых определяется принадлежностью их к одному корню и отношениями производности [11, с. 167; 14, с. 467].

Лексические гнезда состоят из слов и, будучи совокупностью слов, обладают всеми свойствами, характерными для слова. Слова в них взаимодействуют на базе своих лексических значений. Все однокоренные слова во всех своих лексико-семантических вариантах образуют лексическую структуру гнезда. Гнездо входит в систему лексических единиц языка и участвует в системной организации лексики, являясь частью семантического поля. В лексике оно выступает также как средство, упорядочивающее системные отношения производных слов – антонимические, синонимические, омонимические и др. Как и другие единицы языка, гнезда однокоренных слов имеют свою стилистическую характеристику, которая определяется стилистическими свойствами входящих в них слов, поэтому гнездо

является стилистически многослойной единицей языка.

Необходимо учесть и тот факт, что языковая система – это сложная, самоорганизующаяся, открытая система, по отношению к которой понятие внешняя среда должно рассматриваться двояко: во-первых, как системно-языковая или парадигматическая среда (то есть множество языковых элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым эта система выполняет свою функцию); во-вторых, как речевая среда (то есть контекст, речевая ситуация, окружение данной единицы в речи и, шире, в картине мира национального языка – дискурс). Поэтому ЛГ, компоненты которого являются одновременно и лексическими, и грамматическими единицами, можно считать основным структурным звеном лексико-семантической системы языка.

Особо следует отметить, что деривационные связи, на которых строится ЛГ, являются особым типом системных отношений, присущих только лексике. Эти отношения реализуются и на уровне лексем как собственно словообразование, и на уровне значений слова как семантическая деривация, и на уровне лексико-семантических вариантов как вариативность.

В. В. Виноградов писал, что «в разграничении, сочетании и дроблении лексических гнезд ярко обнаруживаются и те социально-исторически обусловленные процессы, которые приводят к обособлению тех или иных слов от лексического гнезда или, напротив, к объединению, сцеплению некогда далеких лексических цепей, а также общие тенденции семантического развития языка – в *его историческом движении* – в связи с развитием общества» [3, с. 85]. Из этого следует, что исследование лексических гнезд актуально и в синхронном, и в диахроническом планах.

Обобщая наши наблюдения, можно **заклЮчить следующее:**

1) лексические гнезда кодируют и структурируют национальную языковую картину мира;

2) в лексических гнездах наглядно отражаются системные словообразовательные и семантические связи, свойственные языку в определенный момент его исторического развития;

3) лексические гнезда отражают не только современное состояние лексической и морфемно-словообразовательной системы языка, но, что особенно важно, и ее диахронический аспект, причем не только в пределах одного языка, но и группы близкородственных языков.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки русской культуры, 1995.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : URSS, 2004.
3. Виноградов В. В. История слов. – М. : Наука, 1999.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М. : Наука, 1976.
5. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. – СПб. : Алетейя, 2003.
6. Конецкая В. П. Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 22–37.
7. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. – СПб. : Издательство Императорской Академии наук, 1883.
8. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1959.
9. Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. – М. : Наука, 1963.
10. Сводеш М. К вопросу о повышении точности в лексико-статистическом датировании // Новое в лингвистике. I. – М. : Прогресс, 1960. – С. 53–87.
11. Тихонов А. Н. Стилистическое расслоение лексического гнезда в современном русском языке // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М. : Наука, 1996. – С. 167–180.

12. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. – М. : Наука, 1984.
13. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // ВЯ. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
7. Krushevskij N. V. Oчерk nauki o jazyke. – SPb. : Izdatelstvo Imperatorskoj Akademii nauk, 1883.
8. Pokrovskij M. M. Izbrannye raboty po jazykoznaniju. – M. : Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1959.
9. Potebnja A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 3. – M. : Nauka, 1963.
10. Svodesh M. K voprosu o povyshenii tochnosti v leksiko-statisticheskom datirovanii // Novoe v lingvistike. I. – M. : Progress, 1960. – S. 53–87.

Bibliograficheskij spisok

1. Apresjan Ju. D. Izbrannye trudy. V 2-h t. T. 2. Integralnoe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. – M. : Jazyki russkoj kultury, 1995.
2. Ahmanova O. S. Slovar lingvisticheskikh terminov. – M. : URSS, 2004.
3. Vinogradov V. V. Istorija slov. – M. : Nauka, 1999.
4. Karaulov Ju. N. Obshhaja i russkaja ideografija. – M. : Nauka, 1976.
5. Kibrik A. E. Konstanty i peremennye jazyka. – SPb. : Aletejja, 2003.
6. Koneckaja V. P. Aksiomy, zakonomernosti i hipotezy v leksikologii // Voprosy jazykoznanija. – 1998. – № 2. – S. 22–37.
11. Tihonov A. N. Stilisticheskoe rassloenie leksicheskogo gnezda v sovremennom russkom jazyke // Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Urovni jazyka. – M. : Nauka, 1996. – S. 167–180.
12. Filin F. P. Istoricheskaja leksikologija russkogo jazyka. – M. : Nauka, 1984.
13. Shvedova N. Ju. Teoreticheskie rezultaty, poluchennye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovarom» // VJa. – 1999. – № 1. – S. 3–16.
14. Jazykoznanie. Bolshoj jenciklopedicheskij slovar / Gl. red. V. N. Jarceva. – M. : Bolshaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998.

© Пятаева Н. В., 2015

УДК 10.02.19

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ НА -СЯ
КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ВЕРБАЛИЗАЦИИ**

Д. М. Базарбекова *Кандидат филологических наук, доцент,
Жезказганский университет
имени О. А. Байконурова,
г. Жезказган, Казахстан*

**SENTENCES WITH THE VERBSENDING ON -СЯ
AS ALTERNATIVE MODEL OF VERBALIZATION**

D. M. Bazarbekova *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Zhezkazgan Baykonurov University,
Zhezkazgan, Kazakhstan*

Summary. Sentences are considered as one of methods of extralinguistic situation presentation in the article. The chosen cognitive approach to the triad «thinking – language – reality» is considered as different ways of the situations representations.

Keywords: cognitive linguistics; cognitive semantics; proposition; semantic syntax; verbalization.

Предметом семантики (и когнитивной семантики в том числе) «является не реальный мир, а концептуализация мира. Каждый язык располагает средствами интерпретировать одну и ту же ситуацию множеством разнообразных способов». Основной задачей лингвистики является изучение этих средств и их функций. Говорить о том, что те или иные различия – это «всего лишь различия концептуализации, значит, забывать или не хотеть признать, что первостепенным и наиболее существенным предметом лингвистики является именно концептуализация... Язык отражает мир только косвенным образом. Он отражает непосредственно нашу концептуализацию мира» [2, с. 47].

«Модный в настоящее время взгляд, согласно которому явные грамматические категории – семантически пустые и поверхностные явления, а какое бы ни было отношение к семантике (или к лежащим в ее основе ментальных

структур) имеют лишь скрытые категории, представляет собой весьма парадоксальный итог поисков скрытых языковых категорий. Современная лингвистика (в особенности трансформационная грамматика) убедительно продемонстрировала реальность и значимость скрытых категорий. Но можно ли так категорично утверждать, что в большинстве случаев только скрытые категории действительно реальны, что языки могут обременять говорящих сотнями явных категорий, лишенных какой бы то ни было семантической значимости. Целесообразнее полагать, что скрытые категории функционируют в языке наряду с явными (в связи с недостаточностью последних) для целей человеческой коммуникации.

Есть весьма существенная разница между взглядом, согласно которому морфология представляет собой единственно надежную опору для проникновения в лежащую в основе структуру,

и взглядом, по которому морфология вовсе не является какой бы то ни было опорой» [5, с. 26].

Говорящие обычно и регулярно предпочитают лишь один из имеющихся в каждом языке разных способов выражения, оставляя другие почти без употребления, но «этот факт остается, во-первых, ими самими совершенно не осознанным и, во-вторых, сам выбор как бы почти и не имеет места» [5, с. 147].

В связи с этим «язык в целом служит планом выражения для семиотической системы, так как оказывается планом выражения более широкой знаковой системы, основанной на языке, но имеющей своим содержанием неявный уровень индивидуальной, коллективной и национальной психики и культуры» [6, с. 97].

В теоретико-лингвистическом и семиотическом понимании осуществление некоторого выбора знакового обозначения определяется как стилистика, в отличие от области литературного языка, где этот термин понимается как учение о выразительных средствах языка.

Именно так понимает стилистику Ю. С. Степанов: «Стилистика – это такое явление, когда в языке имеется несколько разных способов для выражения в общем одной и той же мысли, а говорящий выбирает один из них [6, с. 21].

В доказательство того, что семантика находит выражение в категоризации, которая отражается в языковой системе языка, Л. С. Бархударов приводит следующий пример. Известно, что стандартное членение суток на временные отрезки, зафиксированное в русском языке, отличается от членения суток, принятого в немецком и английском языках. Автор отмечает, что в этих языках нет особого слова для обозначения понятия «сутки». Если в русском языке сутки членятся на четыре отрезка (*утро, день, вечер, ночь*), то в немецком представлены пять временных разграничений: *Morgen* «утро», *Vormittag* букв. «предполуденное время», *Nachmittag*

букв. «послеполуденное время», *Abend* «вечер», *Nacht* «ночь». Членение суток, представленное в английском языке, отличается от русского и немецкого. Говорящие по-английски делят сутки на три части: *morning* «утро», *afternoon* «послеполуденное время», *evening* «вечер». «Что касается слов *day* и *night*, то они обозначают уже иное деление суток, не на три, а на две части: светлую (*day*) и темную (*night*)» [1, с. 89–90].

Итак, изучая глубинные механизмы устройства и функционирования языка, мы изучаем в определенном аспекте закономерности функционирования нашего интеллекта. Как заметил Г. В. Лейбниц, «язык – это поистине лучшее зеркало человеческого духа и... путем тщательного анализа значений слов, мы лучше могли бы понять деятельность разума» [4, с. 338].

Для языкового отражения мира «характерна сложная диалектика субъективно-объективного начала». Глубинные, фундаментальные проблемы отражения мира в языке являются поэтому не только лингвистическими, но и философскими, гносеологическими проблемами, связанными с соотношением субъективного и объективного в наших знаниях и представлениях о мире.

Роль синтаксической системы языка в интерпретации окружающего мира довольно специфична и сложна. Синтаксис сообщает не столько о том, какие составные элементы окружающего мира человеком познаны, сколько о том, как они между собой связаны. Более того, основная сущность предложения в различных языках мира состоит в раскрытии различных качественных и процессуальных признаков интересующего нас предмета или явления. Синтаксическая система показывает, с какими словами эти признаки связаны и в какие отношения входят они с другими словами. Слова, будучи взяты изолированно, этих отношений не выражают.

Нами предпринята попытка описана пропозициональная структура (описания пропозициональной структуры – А. К.) предложения с точки зрения когнитивной лингвистики, представлена классификация предложений с глаголом на -ся в сфере высказываний о человеке с учетом аспектов проявления личности и охарактеризованы основные и альтернативные модели предложений как способы реализации пропозиции.

Глаголы на -ся как обширная группа глаголов с характерным формальным признаком всегда были в поле зрения лингвистов. Они являлись предметом исследования в теории диатез, залога, функциональной грамматики и типологическом языкознании. Глаголы на -ся нами рассматриваются как узел когнитивных, которым обозначается процесс концептуализации и/или категоризации объектов реального мира. Описание пропозициональной структуры предложений с глаголом на -ся проведено в трех аспектах: как участок семантической сети; как один из способов представления внеязыковой ситуации; как способ языкового выражения национального мировосприятия.

Остановимся подробнее на описании альтернативные модели предложений как способы реализации пропозиции (альтернативных моделей предложений как способов реализации пропозиции – А. К.). Описывая альтернативные модели, мы руководствуемся тем, что альтернативность является значимым свойством моделей познания, релевантных для языковой способности и речевой деятельности. «Когнитивные модели динамически развиваются и измеряются в филогенезе, онтогенезе и социогенезе, но в каждом конкретном случае оказывается востребованной одна определенная модель. При этом изменчивость и гибкость когнитивных моделей предполагает и их разрастание», – пишет Г. Г. Гиздатов [3, с. 16].

В ходе анализа предложений с глаголом на -ся в сфере высказываний о самом себе нами выделены следующие группы альтернативных моделей.

1. Предложения с глаголом на -ся, представляющие физическое «я».

В этих предложениях субъектный аргумент устраняется, и действие изображается как возникающее само по себе. Все группы предложений, выражающих физическое «я», представлены и альтернативными моделями.

1. Предложения с глаголом на -ся, в которых предикат имеет значение «воздействие субъекта на объект»: *Но «князь» не уходил. Мешок снова **развязывался**, сундук опять **оттирался*** (П. Успенский); *Но куда все оканчивалось одним обдумыванием; **изгрызало**сь перо, являлись на бумаге рисунки, и потом все это **отодвигалось** на сторону, **бралась** на место того в руки книга и уже не выпускалась до самого обеда* (Н. Гоголь); *С хлопаньем **открываются** и **закрываются** пюпитры, **увязываются** веревками книги и тетради, которые нужно взять с собою, а ненужные как **попа**ло **швыряются** и **втискиваются** в ящик* (А. Куприн). В этих предложениях находит выражение только объект, претерпевающий изменения в результате воздействия на него субъекта.

2. Предложения, сообщающие о передвижении субъекта, например: *Через полчаса Наталья **посылается** за водкой и закуской* (А. Чехов).

3. В особую группу выделяются альтернативные модели предложений, в значении которых передается процесс создания, приготовления чего-нибудь. «Специфическая особенность человеческой деятельности заключается в том, что она сознательна и целенаправлена. В ней и через нее человек реализует свои цели, объективизирует свои замыслы и идеи в преобразуемой им действительности. Значение деятельности в том прежде всего и заключается, что в ней

и через нее устанавливается действенная связь между человеком и миром, благодаря которой бытие выступает как реальное единство и взаимопроникновение субъекта и объекта».

Например: ***Берутся**, например, шесть конских волос одинаковой длины, **выравниваются** в толщине, **завязываются** на конце обыкновенным узлом, **разделяются** поровну и **сучатся** и **вьются**... до самого конца волос; потом опять **завязываются** в обыкновенный узел: это называется коленцем. Коленцы **связываются** между собой уже двойным рыбацким узлом, **затягиваются** как можно крепче, коротенькие кончики **подстригаются** довольно плотно, и вот вам готова леса какой угодно длины (К. Аксаков); Для вашего убийства **брался** обыкновенный наган, из патрона **вынималась** пуля, а все свободное пространство **забивалось** паклей или ватой (А. Макаренко); Если же полагалось в вас произвести несколько выстрелов, то по указанному адскому рецепту **приготавливался** целый барабан (А. Макаренко); Дом как дом. **Строился** для губернатора. Каменный, с балконом (А. Чехов).*

Предложения со значением «активное физиологическое воздействие». Они не представлены альтернативными моделями. Это связано с их значением: активное физическое действие обычно предполагает активный субъект, выраженный номинативом.

Альтернативные модели предложений данной группы представлены пассивными конструкциями. В большинстве своем это – двучленные страдательные конструкции, не включающие в себя формы со значением субъекта действия. Эти конструкции не просто «перевернутый» актив, а особая форма представления объективной действительности, в которых говорящий акцентирует свое внимание на действии, а его субъект, неизвестный или ненужный, устраняется.

II. Предложения с глаголом на -ся, представляющие социальное «я».

В этих предложениях глагол на -ся имеет значение «взаимоотношения субъекта в обществе». Субъектный аргумент в предложениях данной группы устраняется, и акцент делается на действии.

1. Предложения, описывающие поведение и поступки субъекта, не представлены альтернативными моделями, так как в них субъект является носителем тех или иных характеристик, поэтому он не может быть отодвинут на второй план или устранен.

2. Предложения, характеризующие межличностные отношения, имеют альтернативные модели: *Зиновьев **выводится** из состава редколлегии «Большевика», вместо него **вводится** товарищ Таль (А. Рыбаков); Долго **обсуждалось** меню, азиатское и европейское. Вызвал продолжительную дискуссию вопрос о спиртных напитках (И. Ильф, Е. Петров); На вечер 18 мая **назначался** бал у французского посла Монтебелло (И. Ильф, Е. Петров).*

3. Предложения, характеризующие отношения между субъектами: *Ивашкин сразу посерьезнел, снова проникся сознанием исключительности своей профессии: в Богучанах **затева-лась** типография, а наборщиков нет, они везде дефицит (А. Рыбаков); Уже первого июля «Правда» и другие газеты опубликовали статьи, среди них статьи Зиновьева и Радека, в которых эти события **расценивались** как конвульсия фашистского режима, предвещающая его неизбежный крах (А. Рыбаков); Однако в школе дела любовные **третировались** как недостойные настоящих комсомольцев (А. Рыбаков).*

4. Предложения, характеризующие субъект по роду деятельности: *В Семи-речье **командировался**, собственно говоря, я один: в качестве уполномоченного по области от реввоенсовета фронта (Д. Фурманов); За наруше-*

ние порядка в общественном месте вы **оштрафовываетесь** на 25 рублей (Ю. Бондарев); Потом молодые удаляются в каюту, а на другой день к каюте **приставляется** часовой, и княжне объявляют, что она арестована (Н. Зощенко); Вечером Михаила вызвали в колхозную контору, и Денис Першин объявил: **назначаешься бригадиром** (Ф. Абрамов). Альтернативные модели предложений данной группы представлены двучленными конструкциями. В них на первый план выступает само действие, а его производитель устраняется.

5. Предложения, характеризующие бытие, существование субъекта: **Мне хорошо жилось** (М. Шолохов); **Гаврюше-то очень даже горько живется** (Ф. Гладков); **Впрочем, это единственное место, где мне легче живется** (Ф. Гладков). А предложения с глаголом на -ся, характеризующие человека как биологический организм, типа **Боль в душе притупилась, но дышалось почему-то со стоном – жалобно и горько** (В. Распутин); **И в зале дышится легко** (К. Симонов).

Альтернативные модели этих предложений представлены дативными конструкциями. Представляя ту или иную ситуацию объективной действительности, говорящий выдвигает на первый план сам факт существования, бытия субъекта, при этом субъект обладает пониженной степенью активности и выражается формой дательного падежа.

III. Предложения с глаголом на -ся, представляющие интеллектуальное «я».

Пропозициональная структура этих предложений представлена глаголом со значением «восприятие окружающего мира субъектом». В предложениях данной группы – субъект пониженной степени активности, и процесс восприятия изображается как неконтролируемое, возникшее не по воле субъекта действие.

1. Предложения, описывающие процесс восприятия и познания, име-

ют такие альтернативные модели: **Мне почти не слышались ее (Матрены) утренние хлопоты** (А. Солженицын); **Сквозь морозный пар виднелись рабочие в полушубках, в мягких валенных сапогах, переходившие через рельсы загибающихся путей** (А. Рыбаков); **В чем же дело? Кто произнес те слова? Он, или мне только послышалось** (А. Чехов).

Восприятие не является простой суммой ощущений, это сложный целостный процесс, целенаправленное действие. Поэтому восприятие представляет собой нечто большее и иное, чем «простой агрегат ощущений»; оно всегда не только «сенсорная данность, но и осмысление объективного значения ощущений». «Восприятие является основным волевым актом, поднявшимся до уровня сознательного наблюдения».

2. Предложения, сообщающие о процессе мышления: **Вспомнился покос на Фетисовой речке, отчего-то желтый, ровно керосиновым фонарем высвеченной или лампадкой** (В. Астафьев); **И именно там особенно живо вспоминается Россия, и именно деревня** (Л. Толстой); **Замечательное время! Весна тридцать четвертого года надолго запомнилась Юре Шароку** (А. Рыбаков).

В них мышление представлено как «это опосредованное (основанное на раскрытии связей, отношений, опосредований) – и обобщенное познание объективной реальности».

Альтернативными моделями не представлены две подгруппы: предложения, сообщающие о речевой деятельности и о процессе приобретения знаний, поскольку в них субъект мыслится как активное лицо.

5. Предложения, сообщающие о предположениях, воображении субъекта, например: **Да, я непременно поеду, – отвечал Левин. Хотя мне показалось, что княгиня неохотно звала меня** (Л. Толстой); **Ей показалось,**

что в маму вселилось какое-то начало простонародности (Б. Пастернак) или Она довольно долго, ничего не отвечая, вглядывалась в него и, несмотря на тень, в которой он стоял, видела, или **ей казалось**, что видела, и выражение его лица и глаз (Л. Толстой); **Ему казалось**, что он первый открыл это удовольствие, и он наслаждался своим открытием (Ф. Достоевский).

Воображение в собственном, совсем специфическом смысле слова может быть только у человека. Только у человека, который как субъект общественной практики реально преобразует мир, развивается подлинное воображение. В процессе развития оно сначала – следствие, а затем и предпосылка той деятельности человека, посредством которой он реально изменяет действительность.

«Образы, которыми оперирует человек, не ограничиваются воспроизведением непосредственно воспринятого. Перед человеком в образах может предстать и то, чего он непосредственно не воспринимал, и то, чего вообще не было, и даже то, чего в такой именно конкретной форме в действительности и быть не может. Таким образом, не всякий процесс, протекающий в образах, может быть понят как процесс воспроизведения». Это демонстрируют следующие предложения: *Она шла и все смотрела, смотрела на противоположный берег... ей почудилось, что она только что, минуту назад, все выдумала, представила, как оно могло быть, и поверила* (В. Распутин); *На мгновенье Жене померещилось что-то дикое* (Б. Пастернак); *Ему мерещилось впереди служба в земстве, рациональное хозяйство, труды рук своих и прочие блага* (А. Чехов); *В его воображении рисуется путь, по которому он пойдет; ему чудятся звуки, которые издает харкающий вальдшнеп* (А. Чехов); *Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось,*

что учитель хотел ограбить его (А. Пушкин).

Все альтернативные модели предложений данной группы представлены дативными конструкциями, в которых акцент делается на самом процессе восприятия, познания или мышления. Субъект при этом не является активным, он представлен как пассивный наблюдатель.

IV. Предложения с глаголом на -ся, представляющие эмоциональное «я».

В этих предложениях глагол на -ся имеет значение «проявление субъектом эмоций». Активность субъекта в них понижена, на синтаксическом уровне он выражен косвенным дополнением.

Действуя, человек не только производит те или иные изменения в природе, в предметном мире, но и воздействует на других людей, и сам испытывает воздействия, идущие от них и от своих собственных действий и поступков, изменяющих его взаимоотношения с окружающими. Он переживает то, что с ним и им совершается, относится определенным образом к тому, что его окружает. Переживание этого отношения человека к окружающему и составляет сферу чувств и эмоций.

1. Предложения, характеризующие проявления эмоций, маркируются альтернативными моделями: *Сейчас ему нравится Лена* (А. Рыбаков); *Ему нравился дом Марасевичей, актеры, поток веселых, беззаботных и знаменитых людей* (А. Рыбаков); *В общем, предложение понравилось Шароку. И с Леной разрубается само собой* (А. Рыбаков); *Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне: две-три ивы, избушка перекособоченная, а по пруду плавали утки* (А. Солженицын); *А мне нравится это катанье, – говорит она красная. – Не проехаться ли нам еще раз* (А. Чехов); *Верочке тоже понравился вид* (А. Чехов); *Он восторгался вздернутым носом, вскрикиванием,*

визгливым смехом, жеманством, именно всем тем, что мне так в ней не нравилось (А. Рыбаков); Но княгине не нравилось это излишество, и еще более не нравилось то, что она чувствовала, Кити не хотела открыть ей всю свою душу (Л. Толстой).

Альтернативные модели данной группы также выражены дативными конструкциями. Субъект в них обладает пониженной степенью активности и представлен как носитель эмоций. «Интенсивное использование пассивных конструкций обусловлено экстралингвистическими условиями и спецификой этого события; пассивные конструкции оказываются очень удобным, адекватным средством передачи процессов с ослабленной динамичностью, благодаря наличию в них значения не только процессуальности, но и состояния».

Предложения, описывающие проявления эмоций как характеристику субъекта, и предложения, характеризующие эмоциональное отношение субъекта к определенной деятельности, жизненной ситуации, не представлены альтернативными моделями, так как субъект в них активно действующее лицо.

В различных типах синтаксических единицах отражаются различные стороны личности. Альтернативные модели предложений, выражающих физическое и социальное «я», представлены пассивными конструкциями, а предложения, выражающие эмоциональное и интеллектуальное «я», представлены дативными конструкциями.

Итак, предложения с глаголом на -ся определяются нами как основные и альтернативные модели. Особенностью альтернативных моделей в структуре представления знаний является их ориентированность на отображение в сознании человека интерпретированных ситуаций. Если в основных моделях

субъект мыслится как агенс, каузатор действий, то в альтернативных моделях субъект представлен как экспериенцер, пассивный носитель предикативного признака. Изучение предложения как номинативной единицы, денотатом которой является экстралингвистическая ситуация, вносит ясность в употребление тех или иных языковых форм в зависимости от намерений говорящего.

Библиографический список

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международ. отношения, 1975. – 239 с.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
3. Гиздатов Г. Г. Когнитивные модели в речевой деятельности: типология и динамика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы: Гылым, 1997. – 41 с.
4. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении // Сочинения. В 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – 686 с.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком., 1999. – 120 с.
6. Степанов Ю. С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 145 с.

Bibliograficheski spisok

1. Barhudarov L. S. Jazykiperevod: voprosy obshhej I chastnoj teorii perevoda. – M.: Mezhdunarod. otnoshenija, 1975. – 239 s.
2. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russoj grammatiki). – M.: Jazyki russoj kultury, 1997. – 576 s.
3. Gizdatov G. G. Kognitivnye modeli v rechevoj dejatelnosti: tipologija I dinamika: avtoref. ... dok. filol. – Almaty: Gylym, 1997. – 41 s.
4. Lejbnic G. V. Novye opyty o chelovecheskom razumenii // Sochinenija. V 4 t. T. 2. – M.: Mysl, 1983. – 686 s.
5. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii. – SPb.: Piter Kom., 1999. – 120 s.
6. Stepanov Ju. S. Semiotika. – M.: Nauka, 1971. – 145 s.

© Базарбекова Д. М., 2015

Pedagogické vědy

УДК 37.04

АКТУАЛЬНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОГО ВУЗА

В. Н. Володин
Д. С. Яковлев

*Кандидат педагогических наук, доцент,
кандидат педагогических наук,
Тюменское высшее военно-инженерное
командное училище (военный институт)
имени маршала инженерных войск
А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия*

THE RELEVANCE OF THE INDIVIDUAL APPROACH IN THE PROCESS OF PHYSICAL TRAINING OF CADETS OF THE MILITARY ENGINEERING UNIVERSITY

V. N. Volodin
D. S. Yakovlev

*Candidate of Pedagogical Sciences,
associate professor,
candidate of Pedagogical Sciences,
Tyumen higher military engineering command
school (the military Institute)
name of the Marshal of engineer troops A. I. Proshlyakov,
Tyumen, Russia*

Summary. In the article the author attempts to determine the importance of individual approach in the process of physical training of cadets of higher military engineering educational institutions. During the analysis the author comes to the view that an individual approach in the physical training of cadets is demand, but cannot be realized nowadays.

Keywords: individual approach; individuality; personality; cadet; physical training.

Проблема индивидуализации и индивидуального подхода в образовании в настоящее время становится все более актуальной, а методы применения данного подхода – все более востребованными. Вопросами применения, обеспечения индивидуального подхода в обучении, а также особенностями развития личности в системе данного подхода занимались такие авторы, как Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, К. К. Платонов, Д. Б. Эльконин,

П. Я. Гальперин, И. С. Кон, В. А. Крутецкий и др.

Одна из проблем заключается в том, что современная ориентация на личность, наделенную уникальными индивидуальными способностями, становится простой формальностью к существующим ранее знаниям, умениям и навыкам. Для работы с разными курсантами на данный момент нет полноценных условий.

Каждый курсант по-своему уникален и не похож на всех остальных. Он

наделен своеобразными индивидуальными особенностями (психическими, физическими и др.), которые важно учитывать в процессе его образования и, в частности, в процессе физической подготовки.

Проблема исследования индивидуального подхода в процессе физического воспитания курсантов высшего военно-инженерного учебного заведения связана с необходимостью перевода военного образования на современный качественный уровень, в ходе которого каждый курсант достигнет присущего только ему высокого показателя образованности, соответствующего требованиям Вооруженных сил Российской Федерации.

Следует заметить, что ученые данного профиля отмечают важность этого подхода и учета индивидуального характера адаптации организма курсантов к физическим нагрузкам [1; 2; 4] и связывают это с отсутствием четких показателей нагрузки, соответствующих предстоящей военно-профессиональной деятельности; недооценкой индивидуального характера восстановления организма курсантов после выполнения физической нагрузки; различием темперамента и др.

Вышесказанное лишь подтверждает тот факт, что проблема актуальна и не разрешена в корне по настоящее время.

Безусловно, индивидуальный подход – это комплексный подход, охватывающий плеяду множества изменений, происходящих с человеком на протяжении всей его жизни, и действительно, профессиональное педагогическое использование данного подхода в процессе физической подготовки курсантов позволит достичь значительных результатов и в ходе обучения, и в дальнейшей служебно-боевой деятельности.

Проблема заключается в том, что концепция индивидуального подхо-

да к обучению курсанта не работает в ее полном понимании. Есть много преград:

- непонимание глубинного смысла данного подхода педагогами, осуществляющими образовательную деятельность;

- применяя индивидуальный подход, учитывая некоторые особенности курсантов, педагог оказывает индивидуальное воздействие, придавая ему личные субъективные черты;

- индивидуальный подход скорее напоминает дифференцированный, с вырванными частями из контекста первого;

- индивидуальный подход, в рамках личностно-ориентированных технологий современного образования, требует значительных усилий и времени педагогов на его реализацию в условиях глобализации информационных потоков, что превышает личные возможности и приводит к истощению. В связи с этим происходит «ориентация на средний уровень обученности и развития способностей курсантов к учению и, следовательно, в результате курсант не способен реализовать свои потенциальные способности» [3].

Индивидуальный подход создает наиболее благоприятные возможности для развития познавательных сил, активности, склонностей каждого курсанта, но сама система подготовки курсантов не готова адаптироваться к данному подходу.

В заключение отметим: чтобы осуществить индивидуальный подход к курсанту или приблизиться к сути подхода, по нашему мнению, необходимо знать человека «от и до», нужно быть им самим. Ведь даже множество психолого-педагогических тестов, отражающих внутренние особенности курсантов, их действия, решения, проведенные на тысячах испытуемых, несут частицу субъективного самого исследователя и в результате искажают смысл исследуемого подхода.

Библиографический список

1. Бибяев В. Н. Технология применения индивидуального подхода к развитию физической выносливости у курсантов вуза ВДВ / В. Н. Бибяев // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2009. – № 5. – С. 15–19.
2. Ендальцев Б. В. Физическая культура, здоровье и работоспособность человека в экстремальных экологических условиях : монография / Б. В. Ендальцев. – СПб. : [б. и.], 2008. – 198 с.
3. Островский С. Н. Индивидуальный подход при обучении курсантов РВВДКУ / С. Н. Островский, Е. В. Кищенко // Современная педагогика. – 2015. – № 1. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/01/3197> (дата обращения: 12.01.2015).
4. Сущенко В. П. Физическая подготовка специальных подразделений : монография / В. П. Сущенко. – СПб. : [б. и.], 2005. – 215 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bibjaev V. N. Tehnologija primenenija individualnogo podhoda k razvitiyu fizicheskoj vynoslivosti u kursantov vuza VDV / V. N. Bibjaev // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. – 2009. – № 5. – S. 15–19.
2. Endalcev B. V. Fizicheskaja kultura, zdorove i rabotosposobnost cheloveka v jekstremalnih jekologicheskix uslovijah : monografija / B. V. Endalcev. – SPb. : [b. i.], 2008. – 198 s.
3. Ostrovskij S. N. Individualnyj podhod pri obuchenii kursantov RVVDKU / S. N. Ostrovskij, E. V. Kishhenko // Sovremennaja pedagogika. – 2015. – № 1. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/01/3197> (data obrashhenija: 12.01.2015).
4. Sushhenko V. P. Fizicheskaja podgotovka specialnyh podrazdelenij : monografija / V. P. Sushhenko. – SPb. : [b. i.], 2005. – 215 s.

© Володин В. Н., Яковлев Д. С., 2015

УДК 378.1

**ИННОВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА:
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ****Я. Л. Овчинников**
И. Н. Сычева*Кандидат технических наук, доцент,
доктор экономических наук, профессор,
Алтайский государственный
технический университет
имени И. И. Ползунова,
г. Барнаул, Россия***INNOVATIVE COMPONENT OF MODERN HIGHER EDUCATION
INSTITUTION: PROBLEMS OF TRAINING OF SPECIALISTS****Y. L. Ovchinnikov***Candidate of Technical Sciences,
assistant professor,***I. N. Sycheva***doctor of Economic Sciences, professor,
I. I. Polzunov Altai state technical university,
Barnaul, Russia*

Summary. In article problems of training of the university graduates capable to work in innovative sectors of economy are considered. Authors definite purposes and tasks of higher education institutions in system of training of highly qualified specialists. The model of pedagogical system of training of specialists for work in innovative sector of economy representing set of the purposes, tasks, the principles defining strategy of management in higher education institution is developed.

Keywords: the higher education; innovations; highly qualified specialists.

В России, вступившей на инновационный путь развития, объем всякого рода информации, знания, мотивация к их непрерывному обновлению, навыки, необходимые для этого, становятся решающим фактором развития общества и организации. Проблема состоит в том, что новая информация, знания и навыки очень быстро устаревают, требуя постоянного обновления. Все больше увеличивается дистанция на рынке труда между теми, кто постоянно обновляет, дополняет, пересматривает имеющиеся знания, и аутсайдерами, не успевающими за стремительно растущими профессиональными требованиями, не получающими знания в том объеме и той форме, которые необходимы для эффективного выполнения социальных ролей.

Достижения науки и своевременное их внедрение в реальный сектор экономики определяют динамику экономического роста отраслей народного хозяйства и отдельных предприятий, их положение в экономическом сообществе. Мировой опыт показывает, что вузы играют роль креативных центров общественного развития в достижении новых технологических уровней развития экономики, аккумуляторов передовой научной мысли, источников кадров высшей квалификации. В свете экономических преобразований последних лет и адаптации высшей школы к современным экономическим условиям, значительно возросла роль инновационной составляющей вуза наряду с традиционными – научным и образовательным – сегментами.

Однако потребители инновационной продукции вуза, к которым относятся идеи, проекты, опытно-конструкторские разработки и др., заинтересованы не только в инновации и ее коммерческой ценности, но и в кадрах, способных к ее внедрению, сводя к минимуму предпринимательские риски и снижая затраты на обучение персонала. В связи с этим важность первичной функции вуза – подготовки высококвалифицированных специалистов – приобретает новое звучание.

Сегодня вузу необходимо не только обеспечить выпускников прочными, системными, глубокими теоретическими знаниями и практическими умениями и навыками, но и воспитать кадры, способные к самостоятельной научной и инновационной деятельности, обладающие организаторскими способностями.

Развитие творческого, эвристического мышления молодежи – основная задача вуза на современном этапе. Неоригинальна мысль о том, что недовольство качеством образования имеет глобальный характер: удвоение совокупного объема знаний в мире в начале XX века происходило за 2 года, а в начале XXI века – за несколько месяцев [4]. Знания, которые студенты получают в аудитории, априори устаревают к моменту их выпуска. Поэтому формирование навыков решения учебных и профессиональных задач эвристическим, творческим способом поможет будущим специалистам быть востребованными в инновационном секторе экономики сразу после получения диплома.

Особенность творческой деятельности заключается в том, что она всегда проблемно обусловлена. Творческий поиск протекает с достаточной долей интенсивности только при наличии мощного стимулирующего фактора, способного перерасти в устойчивый

внутренний мотив, что означает создание, по крайней мере, на уровне факультета, педагогической системы, формирующей творческое мышление будущих специалистов на всех этапах обучения. Результатом деятельности будет являться специалист, подготовленный для работы в инновационном секторе экономики [1].

Целью такой системы может быть формирование комплекса условий для подготовки специалистов инновационного сектора экономики.

Формирование комплекса условий подразумевает подчинение поставленной цели всех направлений работы со студентами в вузе: учебного процесса, воспитательной работы, профессиональной (практической) подготовки, научно-исследовательской работы студентов. Так, учебный план факультета должен предусматривать спецкурсы, обучающие работе с информацией (в особенности – с ее электронной версией – контентом) в части ее поиска, обработки, систематизации и использования. В ходе учебного процесса необходимо обучать студента эвристическим приемам решения учебных и профессиональных задач. Воспитательная работа в вузе должна иметь приоритетом формирование творческой атмосферы как в учебном процессе, так и в научно-исследовательской работе. Организация научно-исследовательской работы студентов (НИРС) должна предусматривать такие формы работы, которые давали бы студенту возможность научиться планировать свои научные исследования, оформлять идеи и проекты, предоставляли бы возможность получить опыт внедрения результатов своих исследований во время практики или в учебном процессе.

Задачи, конкретизирующие поставленную цель, сводятся, таким образом, к следующему:

1) формирование в учебном процессе знаний, умений, навыков эвристического способа решения учебных и профессиональных задач;

2) формирование знаний, умений, навыков работы с информацией (контентом);

3) формирование учебно-творческой и научно-творческой атмосферы;

4) обеспечение профессиональной (практической) подготовкой на базе наукоемких производств и предприятий, осуществляющих инновационную деятельность;

5) совершенствование организационных форм научно-исследовательской работы студентов.

Определяющими принципами такой системы должны стать следующие:

– принцип проблемности и вариативности как основа выбора форм и методов обучения студентов;

– принцип координации, так как только при консолидации воспитательных воздействий всех элементов системы можно достичь максимальной эффективности работы;

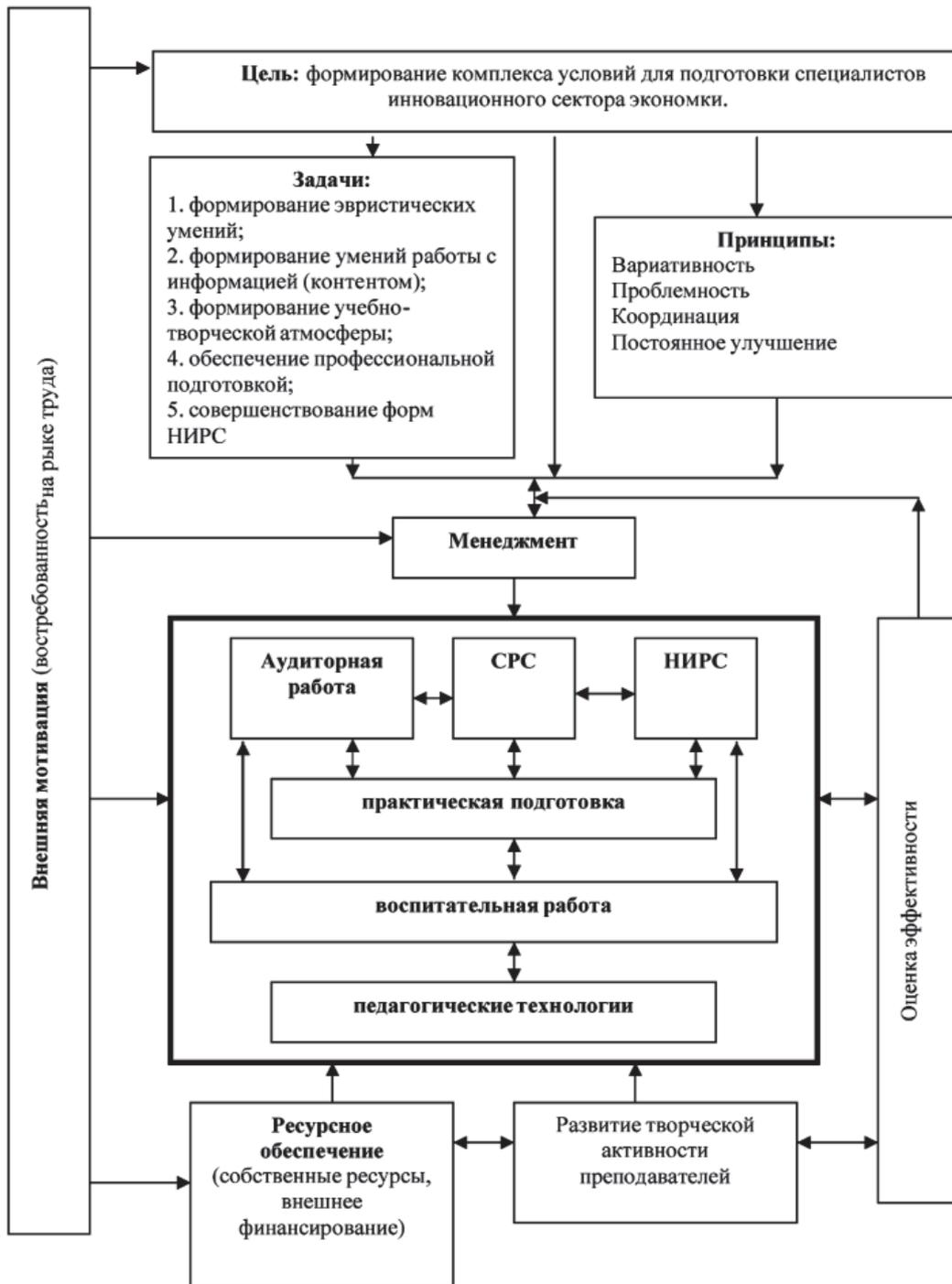
– принцип гибкости, которая может проявляться в любом элементе системы в зависимости от изменяющихся условий;

– принцип постоянного улучшения, которое предполагает наличие механизмов регулярного мониторинга результативности системы и внедрения мер по ее совершенствованию.

К условиям успешного функционирования педагогической системы следует отнести, прежде всего, наличие внешней, по отношению к вузу, мотивации; ориентации процессов менеджмента на достижение поставленной цели, достаточное ресурсное обеспечение, в том числе на основе реального участия бизнес-сообщества в решении этой задачи. В этой связи перспективным представляется развитие малых инновационных

предприятий (МИП) в научно-технической сфере, имеющих среди основных целей и задач повышение роли науки и образования в интересах инновационного развития хозяйствующих субъектов всех форм собственности; подготовку кадров для сферы научной и инновационной деятельности; развитие научно-инновационной деятельности студентов, аспирантов и молодых ученых. Таким образом, становится очевидным, что подготовка высококвалифицированных специалистов выступает как организационно-экономическая комплексная технология в системе инновационного развития регионов и отраслей. Особенно ценным в подготовке кадров для инновационного сектора экономики представляется выполнение в вузе разработок для малого наукоемкого бизнеса и формирование малых наукоемких предприятий инновационного характера деятельности [2].

При формировании в вузе педагогической системы подготовки специалистов для работы в инновационном секторе экономики необходимо учитывать немаловажный фактор – постоянное повышение квалификации преподавателей, развитие их собственной творческой, научной, инновационной активности. Таким образом, элементами подобной системы должны стать: учебный процесс, ориентированный на развитие творческого эвристического мышления; воспитательная работа, нацеленная на формирование свободного диалога между студентами и преподавательским составом, обеспечивающего беспрепятственный обмен идеями; профессиональная (практическая) подготовка на предприятиях инновационного сектора экономики; научно-исследовательская работа студентов; развитие творческой активности преподавателей.

Модель педагогической системы подготовки специалистов для работы в инновационном секторе экономики

Обязательным элементом педагогической системы подготовки специалистов для инновационного сектора экономики должен стать «технологический блок», объединяющий все методики обучения, организационные формы самостоятельной работы студентов, воспитательного процесса, НИРС, профессиональной (практической) подготовки и повышения квалификации преподавателей. Например: проблемное обучение, проектная методика, альтернативные способы отчетности студентов на зачете, экзамене в виде представления идей, проектов, докладов; создание временных творческих коллективов студентов с целью проведения научных исследований; учреждение внутривузовских грантов и премий за достижения в области инноваций; организация внутривузовских индивидуальных и коллективных конкурсов научных работ и опытно-конструкторских разработок, оформление стендов с информацией о студентах – победителях внутривузовских конкурсов и др.

Оценочный блок такой системы должен определять методы оценки, критерии и показатели ее эффективности.

Показателями достижения цели в такой системе могут быть: процент студентов, принимающих участие в научно-исследовательской работе; процент студентов, предложивших инновационные способы решения практических задач в ходе выполнения курсовых, дипломных работ, отчетов о практике; процент студентов, принявших участие в конкурсе на соискание премий и грантов в области инноваций; процент выпускников, работающих в инновационном секторе экономики и др.

Модель педагогической системы подготовки специалистов для работы в инновационном секторе экономики показана на рисунке [3].

Модель представляет собой совокупность цели, задач, принципов, определяющих стратегию менеджмента в вузе/на факультете, сформированных под воздействием внешних по отношению к вузу мотивов. Процессы менеджмента, ориентированные на выполнение цели и задач, управляют объединенными в один блок основными направлениями работы со студентами: аудиторные занятия, самостоятельная работа студентов (СРС), научно-исследовательская работа студентов (НИРС), профессиональная (практическая) подготовка, воспитательная работа, которые протекают параллельно во взаимосвязи. Единой цели, задачам и принципам подчинен также технологический блок, представляющий совокупность технологий обучения, форм воспитательной работы и НИРС, объединенных одним названием: педагогические технологии. Под педагогической технологией в данном случае понимается целостная прикладная дидактическая концепция преобразования содержания и процесса обучения, которая гарантирует достижение учащимися четко определенного уровня компетентности. Естественным и необходимым условием функционирования системы является ресурсное обеспечение.

Важным элементом системы является развитие творческой активности самих преподавателей – субъектов реализации представленной модели.

Оценочный блок системы представляет собой совокупность показателей достижения цели, методов и средств их измерения.

Вывод: предлагаемая авторами модель педагогической системы подготовки специалистов для работы в инновационном секторе экономики, представляющая собой совокупность целей, задач, принципов, должна определять стратегию и тактику менеджмента современного вуза.

Библиографический список

1. Девитайкин А. Г., Попов А. Н., Смоляренко В. Д. Мониторинг за деятельностью подразделений, входящих в инновационный кластер научной организации // *Инновации*. – 2006. – № 9. – С. 63–68.
2. Евстигнеев В. В., Максименко А. А., Новоселов С. В. Научно-образовательные инновационные программы АлтГТУ им. И. И. Ползунова в ползуновских традициях // *Ползуновский альманах*. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2005. – № 3. – С. 6–10.
3. Овчинников Я. Л., Сычева И. Н. Моделирование подготовки специалистов в инновационной экономике // *Гарантии качества профессионального образования : тезисы докладов международной научно-практической конференции*. – Барнаул, 2011. – С. 4–7.
4. Пенчук Е. С. Управление многоуровневой профессиональной подготовкой специалистов финансово-экономического профиля : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Барнаул, 2004. – 21 с.
5. Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. – М. : Наука, 1971. – 76 с.

Bibliograficheski spisok

1. Devitajkin A. G., Popov A. N., Smoljarenko V. D. Monitoring za dejatelnostju podrazdelenij, vhodjashhij v innovacionnyj klaster nauchnoj organizacii // *Innovacii*. – 2006. – № 9. – S. 63–68.
2. Evstigneev V. V., Maksimenko A. A., Novoselov S. V. Nauchno-obrazovatelnye innovacionnye programmy AltGTU im. I. I. Polzunova v polzunovskih tradicijah // *Polzunovskij almanah*. – Barnaul : Izd-vo AltGTU im. I. I. Polzunova, 2005. – № 3. – S. 6–10.
3. Ovchinnikov Ja. L., Sycheva I. N. Modelirovanie podgotovki specialistov v innovacionnoj jekonomike // *Garantii kachestva professionalnogo obrazovanija : tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. – Barnaul, 2011. – S. 4–7.
4. Penchuk E. S. Upravlenie mnogourovnevoj professionalnoj podgotovkoj specialistov finansovojekonomicheskogo profilja : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Barnaul, 2004. – 21 s.
5. Uemov A. I. Logicheskie osnovy metoda modelirovanija. – M. : Nauka, 1971. – 76 s.

© Овчинников Я. Л., Сычева И. Н., 2015

Psychologické vědy

УДК 340.11

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС: ПСИХОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Г. В. Брыжинская *Кандидат педагогических наук, доцент,*
Т. В. Худойкина *доктор юридических наук, профессор,*
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

THE NEGOTIATION PROCESS: PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS

G. V. Bryzhinskaya *Candidate of Pedagogical Sciences,*
associate professor,
T. V. Hudoykina *doctor of Law, professor,*
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Summary. The article deals with the organization and conduct of the negotiation process. Disclosed are advantageous characteristics of negotiation, identifies tactics. Identify and analyze the stage of the negotiation process.

Keywords: negotiations; the negotiation process; tactics.

Организация и ведение переговорного процесса являются профессиональным навыком многих специалистов. Но, в первую очередь, это прерогатива психологов и юристов.

Сложная современная ситуация особенно требует более углубленной ориентации студентов данных направлений подготовки на овладение теорией и практическими навыками ведения переговоров. Например, для студентов-юристов первоначальной базой внедрения в учебный процесс теории переговоров могли бы стать уже имеющиеся курсы: «Основы юридического конфликта», если ведётся в вузе; либо «Юридическая психология» (при изучении данной дисциплины студен-

ты должны получать больше сведений о примирительных (переговорных) процедурах – например, в разделе по гражданскому судопроизводству необходимо обращать их внимание на мастерство судьи в организации переговоров на стадии досудебного рассмотрения с целью урегулирования спора). Преподавание должно строиться на интенсивных тренингах либо в рамках данных курсов, либо специального курса по альтернативному разрешению правовых споров, либо самостоятельной учебной дисциплины о переговорном процессе.

Переговоры не влекут каких-либо серьёзных затрат и, самое главное, не нуждаются в государственном

санкционировании и правовом регулировании, требуются только активность и опытная квалификация лиц, участвующих в их организации и проведении (исключением является трудовая сфера, в которой институт коллективных переговоров имеет сегодня основательное нормативное закрепление).

Переговорный процесс как взаимное общение с целью достижения совместного взаимоприемлемого решения, в отличие от других примирительных процедур, имеет свои преимущественные характеристики. Стороны непосредственно взаимодействуют между собой; контролируют различные аспекты своего коммуникативного взаимодействия [1, с. 038–041]; самостоятельно устанавливают временные рамки и пределы обсуждения, влияют на процесс переговоров и на их результат, определяют рамки соглашения; имеют возможность заключить соглашение, которое удовлетворяло бы каждую сторону; специфика взаимодействия сторон в ходе переговоров позволяет сохранить конфиденциальность.

Анализ и сравнительная характеристика психологической и юридической литературы по существу понятия переговоров показывают, что категории «переговоры» и «переговорный процесс» утвердились в научных исследованиях, учебных пособиях как синонимы. Очевидно, что переговоры и переговорный процесс – это определённые взаимоотношения между сторонами. Поэтому существуют субъекты этих отношений – спорящие стороны и/или их представители. Их предметом обычно являются интересы. Главной же целью переговорных процессов можно считать учёт и сбалансированность интересов основных его субъектов.

Использование различных тактических приёмов предопределяет построение хода переговоров. В целях

достижения примирения сторон можно применять следующие тактические приёмы. Нельзя нападать на позицию оппонента; нападение на себя переводить в атаку на проблему; уделять внимание интересам, а не позициям; уважать изложенные мнения и точки зрения противной стороны; во избежание «тупика» в ходе переговорного процесса, в определённых случаях необходимо приостановить рассмотрение трудных проблем и отложить их решение до более удобного времени; выдвигать требования тогда, когда оппонент наиболее подготовлен к их восприятию; положительную роль иногда может играть подача всех требований полным комплектом; направлять ход переговоров в сторону принятия взаимовыгодных вариантов решения проблемы; обоснование решений правовыми нормами; не применять тактические хитрости и выявлять факт их использования другой стороной, что поможет не совершать противоправные действия.

В переговорном процессе условно можно выделить три основные стадии:

- 1) подготовка к переговорам;
- 2) непосредственный процесс их ведения;
- 3) анализ и оформление результатов переговоров (формализация соглашения – стороны должны формально его признать и лучше в письменном виде, т. е. заключить договор).

Самой трудной является вторая стадия. Она должна включать выявление и уточнение позиций сторон, проверку их на соответствие правовым нормам, диагностику личностных характеристик оппонента для выработки дальнейшей тактики поведения, обсуждение и обоснование собственных предложений, совмещение законных интересов, взаимные уступки, согласование позиций и выработку вариантов достижения соглашения.

Недобропорядочными субъектами часто используется двойное толкование той или иной правовой нормы, которое закладывается в договоре с тем, чтобы позднее толковать установления в своих интересах. Поэтому все договорные формулировки до их принятия следует анализировать и проверять на соответствие точному, единому пониманию законов. В этом плане во многих случаях важно приглашать на переговоры юристов в качестве представителей сторон [2, с. 13–16].

Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо сказать, что переговоры на сегодняшний день являются наиболее простым и в большинстве случаев достаточно эффективным способом достижения соглашения о выполнении взаимных обязательств, которое желательно выразить в письменной форме в виде договора. Знание аспектов порядка ведения переговоров позволит сторонам согласовать свои по-

зиции и найти выход из сложившихся спорных отношений.

Библиографический список

1. Усманова Е. Ф., Брыжинская Г. В. Специфика коммуникативного взаимодействия в профессиональной юридической деятельности // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 55. – С. 037–042.
2. Hudoykina T. V., Evteeva S. G. The free qualified legal aid in Russia: theoretical and practical problems // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 6. – № 1. – С. 11–17.

Bibliografickij spisok

1. Usmanova E. F., Bryzhinskaja G. V. Specifika komunikativnogo vzaimodejstvija v professionalnoj juridicheskoj dejatel'nosti // Sborniki konferencij NIC Sociosfera. – 2013. – № 55. – S. 037–042.
2. Hudoykina T. V., Evteeva S. G. The free qualified legal aid in Russia: theoretical and practical problems // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. – 2013. – T. 6. – № 1. – S. 11–17.

© Брыжинская Г. В., Худойкина Т. В., 2015

Sociální vědy

УДК 39 (571.1)

**ПРОЯВЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ
В МИРОВОЗРЕНИИ ОБСКИХ УГРОВ**

**Т. Г. Харамзин
Т. М. Алгадьева**

*Доктор социологических наук, профессор,
кандидат социологических наук, доцент,
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Россия*

ABORIGINAL WORLDVIEW: TRADITION AND INNOVATION

**T. G. Haramzin
T. M. Algadeva**

*Doctor of Sociological Sciences, professor,
candidate of Sociological Sciences,
Ob-Ugric Institute of Applied Studies and Research,
Khanty-Mansiysk, Russia*

Summary. This article presents a theoretical analysis of the approaches of foreign and domestic scientists involved in the study of the traditional worldview of indigenous peoples of the North. Based on this analysis, the authors identify which ideas are the basis of the perception of the world and man in the cultures of this type. Authors on the empirical evidence shows that the hallmark of the traditional culture of the indigenous peoples of the North is a strict adherence to perceived from previous generations patterns of behavior – the customs, rituals, methods and techniques of activity.

Keywords: traditional culture; religion; customs; ceremonies.

Социально-экономические преобразования последних десятилетий привели к усложнению перспектив развития народов Севера России в целом и Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в частности. На территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры проживают около 30 тысяч представителей коренных малочисленных народов Севера (обских угров) – 2 % от общего количества жителей. Их трудоспособное население составляет около 50 %. В сельской местности проживают порядка 17 тысяч человек, в том числе 3600 – на территориях родовых угодий [6]. Не смотря на проводимые

меры по оказанию помощи северным народам обостряются проблемы жизнеобеспечения, сохранения и развития культуры.

Актуальными остаются мировоззренческие проблемы, среди них наиболее важной является проблема сохранения уникальности способов их жизнеобеспечения в глобализирующемся мире, поскольку обские угры располагают меньшими возможностями для самозащиты и саморазвития. Коренные малочисленные народы Севера – важная часть этнокультурного многообразия мировой цивилизации. В современном мире практически нет

однациональных государств, везде существуют анклавы малочисленных народов, вносящих свой неповторимый вклад не только в региональное, но и общемировое развитие [8].

На традиционное мировоззрение обских угров оказали негативное влияние трансформации традиционного образа жизни XX века. Наиболее негативным оказалось интенсивное освоение нефтегазовыми ведомствами северных территорий в 1970-е годы. На протяжении всего века традиционное мировоззрение ханты и манси претерпело изменения, например, изменились представления пантеоне богов, о шаманах, о количестве душ у человека, были запрещены Медвежья игрища и другие сакральные действия, уничтожены шаманы (служители культа), являвшиеся хранителями фольклорного богатства ханты и манси. Не смотря на это обские угры сумели сохранить фольклор, верования, большую часть традиций, обрядов и обычаев, которые в значительной степени являются фундаментом их сохранения и развития как самостоятельных этносов [1].

Изучение современного состояния и содержания традиционного мировоззрения ханты и манси проходило в два этапа. На первом этапе был проведен теоретический анализ идей, лежащих в основе восприятия мира и человека в традиционных культурах, к которым авторы относят и представителей исследуемых этносов. На втором этапе анализировались результаты анкетного опроса ханты и манси Белоярского, Березовского, Кондинского и Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа. В опросе приняло участие 415 человек, среди них 246 ханты, 161 манси, 8 – другие народы Севера.

На первом этапе исследование традиционного мировоззрения северных народов потребовало выявления идей, лежащих в основе восприятия

мира и человека в культурах данного типа. Анализ традиционного мировоззрения предполагает определение понятия «традиция». Так, согласно позиции П. Штомпки, традиция должна включать в себя непрерывное существование прошлого в настоящем, которое может принять две формы: материальную и идеальную, или объективную и субъективную. Под традицией в первом, более широком смысле, он предлагает понимать совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, т. е. это все то, что не было уничтожено, разбито, выброшено или забыто. В более узком смысле слова, под традицией он понимает только те фрагменты наследия, которые не просто сохраняются в настоящем, но и тесно переплетаются с ним. Что касается идей (включая верования, символы, нормы, ценности и др.), то они должны влиять на мышление и поведение людей, подчеркивая их связь с прошлым, давней историей [10].

Исследуя мировоззрение обских угров, рассматриваются и особенности восприятия мира в традиционных культурах. Анализ картины мира позволяет увидеть специфические особенности формирования духовной культуры исследуемых народов; определить, какие структурообразующие элементы участвуют в формировании их традиционной культуры и комплекса их воззрений [2–4]. М. Хайдеггер считает, что благодаря науке мир вообще становится картиной только в современную эпоху, потому что происходит «опредмечивание сущего» в представлении. «Через научное производство проект предметной сферы впервые встраивается в сущее». Если же сущее не истолковывается в этом смысле, то и мир не может войти в картину, не может быть картины мира [5].

Рассмотрим соотношение картины мира с мировоззрением. Например, Э. Кассирер считает, что философия соединяется с отдельными отраслями знания не только по причине общего ко всем наукам методологического требования, но и вследствие общей судьбы культуры. Требование моральной ответственности ведет к тому, что науки подвергаются мировоззренческой интерпретации и отражаются на духовно-историческом опыте [3, с. 115]. По М. Хайдеггеру, представление мира как картины становится возможным тогда, «когда скоро позиция человека понимает себя как мировоззрение», а именно, позиция человека посреди сущего [5, с. 51].

Отличительной чертой традиционной культуры коренных народов Севера является неукоснительное следование обычаям, традициям, способам и приемам деятельности, которые усваиваются с детства от представителей старших поколений. Традиционной культуре присущ высокий уровень нормативности, которая не только охватывает все стороны жизни людей, но и устанавливает различного рода запреты – табу. Индивид зависит от сакральных предписаний, священных, божественных установлений. Религиозно-мифологические представления, освещающие обычаи и образцы поведения, – необходимый компонент традиционной культуры [9]. Далее представлены конкретные факты, подтверждающие наличие указанных компонентов в традиционной культуре ханты и манси.

Принято считать, что культура ханты, манси, ненцев и других народов неразрывно связана с традиционными формами природопользования. Ранние исследования авторов традиционных форм хозяйственной деятельности северных этносов позволяют утверждать, что в основе традиционной культуры лежит принцип деятельности. Таким образом, тради-

ционное общество является локальным и представляет собой замкнутую самостоятельную экономическую систему с непрерывным циклом воспроизводства, опирающимся на определенный вид или виды, деятельности (оленоводство, рыболовство, охота и т. д.) и окружающую природу [7].

На втором этапе был проведен анкетный опрос, представим результаты эмпирического исследования. Первый вопрос позволил оценить состояние традиционного мировоззрения. На вопрос «Какие местные духи известны респондентам?», каждый третий респондент ответил: «Золотая женщина»; каждый пятый – «Обской старик»; каждый шестой – «Духи вогулов».

Духи северных остяков и Духи Конды известны менее восьми процентам респондентов. В настоящее время респондентам знакомы с лесным духом (27,6 % опрошенных), духами неба (20,4 %), водяными духами (17,8 %), духами нижнего мира (14,3 %). Духи болезни, демоны и другие духи известны трем процентам опрошенных. Выявлено, что примерно равное число респондентов приносят или не приносят дары духам (49,4 % и 50,6 % соответственно). На вопрос «Посещаете ли Вы священные места?» 27,0 % опрошенных ответили положительно, при этом 67,6 % их не посещают, остальным «это не интересно» [9].

В традиционном мировоззрении ханты и манси отводится важная роль родовым и местным духам – помощникам и защитникам. В настоящее время 34,5 % опрошенных знают о существовании родовых и местных духов, не знают об их существовании 61,9 %, остальным «это не интересно». Наиболее распространенными родовыми и местными духами являются: старик святого городка, Сосьвинский старик, духи Конды, *Обской старик*.

Священные деревья занимают отдельное место в мировоззрении ханты

и манси, с ними обращаются иначе, чем с остальными. На одном месте встречается иногда несколько священных деревьев. Священными деревьями, по мнению ханты и манси, являются береза, лиственница, кедр, ель, пихта, сосна, реже – крушина, черемуха, рябина, осина. Священное дерево – носитель пожертвований, используется для привязывания жертвенного животного, служит для хранения или прикрепления изображений духов, а также служит местом пребывания духа во время жертвоприношений [8].

Другой блок вопросов анкеты позволил выявить степень знакомства респондентов с теми или иными обрядами, связанными с традиционным мировоззрением, а, если знакомы, то соблюдают ли они их. Анализ ответов показал, что респонденты знакомы с Медвежьим праздником, с обрядами погребения умершего и обрядами после погребения. Меньше известны свадебные обряды и обряды, связанные с рождением ребенка. Среди опрошенных выделяется устойчивая группа (от 5,4 до 7,4%), которая не проявляет интерес к обрядам своего народа [9].

Для ответа респондентам в анкете был предложен перечень из пяти обрядов, а также была предусмотрена возможность написать обряды, не отмеченные в списке. Анализ ответов позволил выявить, что респондентам из числа коренных народов известны обряды, связанные со сватовством, с новосельем, охотой и рыбалкой, жертвоприношением животных, вороньим днем. Отметим, что многие из них не только знают обряды, но и соблюдают их. Рассмотрим ответы респондентов на данный вопрос в зависимости от их места жительства.

Выявлено, что респонденты, проживающие в Березовском районе, соблюдают чаще обряды своего народа, связанные с погребением умершего

и Медвежьим праздником, но реже выполняют свадебные обряды и обряды, связанные с рождением ребенка. Большинство респондентов Кондинского района не соблюдают обряды своего народа. Лишь незначительная часть из них (от 5,6 до 13,2%) соблюдает некоторые обряды.

Исследования авторов показали, что у ханты и манси сохраняется традиционное мировоззрение, они продолжают оживотворять природу, ее объекты и явления. В соответствии с этим определяется их поведение к природе, ее дарам: осторожное, уважительное отношение, страх перед гневом стихий, стремление задобрить объекты природы. Коренные народы Севера являются этнической общностью, у которых сохраняются традиционные формы природопользования и традиционная культура как основа жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение в системе духовной культуры коренных народов Севера : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Тюмень, 2006.
2. Арутюнов С. А. Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 4.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 163–212.
4. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 44–48.
6. Хайруллина Н. Г. Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в северном регионе: дис. ... д-ра социол. наук. – Тюмень, 2001. – 314 с.
7. Хайруллина Н. Г. Этническая идентификация коренных малочисленных народов Тюменского Севера (результаты социологического исследования) // Нефть и газ. – 2000. – № 3. – С. 117–121.
8. Хайруллина Н. Г., Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение в этнокультуре ханты и манси // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 31–34.

9. Харамзин Т. Г., Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение обских угров. – Ханты-Мансийск : НИИ ЮГУ, 2010. – 183 с.
10. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 90–91.
5. Hajdegger M. Vremja i bytie: Stati i vystuplenija. – М. : Respublika, 1993. – С. 44–48.
6. Hajrullina N. G. Sociologičeskaja diagnostika jetnokulturnoj situacii v severnom regione: dis. ... d-ra sociol. nauk. – Tjumen, 2001. – 314 s.

Bibliografičeskij spisok

1. Algadeva T. M. Tradicionnoe mirovozzrenie v sisteme duhovnoj kultury korennyh narodov Severa : dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.06. – Tjumen, 2006.
2. Arutjunov S. A. Adaptivnoe značenie kulturnogo polimorfizma // Jetnografičeskoe obozrenie. – 1993. – № 4.
3. Kassirer Je. Filosofija simvoličeskikh form. Vvedenie i postanovka problemy // Kulturologija. XX vek. Antologija. – М. : Jurist, 1995. – С. 163–212.
4. Markarjan Je. S. Teorija kultury i sovremennaja nauka. – М. : Mysl, 1983.
7. Hajrullina N. G. Jetničeskaja identifikacija korennyh malochislennyh narodov Tjumenskogo Severa (rezultaty sociologičeskogo issledovanija) // Neft i gaz. – 2000. – № 3. – С. 117–121.
8. Hajrullina N. G., Algadeva T. M. Tradicionnoe mirovozzrenie v jetnokulture hanty i mansi // Sociologičeskie issledovanija. – 2007. – № 7. – С. 31–34.
9. Haramzin T. G., Algadeva T. M. Tradicionnoe mirovozzrenie obskih ugrov. – Hanty-Mansijsk : NII JuGU, 2010. – 183 s.
10. Shtompka P. Sociologija socialnyh izmenenij / Per. s angl. pod red. V. A. Jadova. – М. : Aспект Press, 1996. – С. 90–91.

© Харамзин Т. Г., Алгадьева Т. М., 2015

Empirický a aplikovaný výzkum

Technické vědy

UDC 66.002 8(5751)

SELECTING THE COMPOSITION WARM GOSSYPOL CONCRETE MIXTURE WITH GOSSYPOL PITCH (BY RUBBER) (TAR) (ROSIN)

R. O. Dushanov

I. K. Togaev

*Candidate of Technical Sciences,
Tashkent Automobile and Road Institute,
Chief engineer,
UzYulMashService Plant,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. In this article the composition of warm gossypol concrete mixture with gossypol pitch and its physical and chemical qualities and components, its usage purposes in the Republic of Uzbekistan are discussed. Furthermore, gossypol with its qualities is close to bitumen and obviously it could be used as bitumen or with bitumen in gossypol concrete composition and in producing other materials. Together with the transition to a market economy of Uzbekistan, when the problem of the scarcity of imported raw materials increasingly affects the sphere of production, it is necessary to use local raw materials and waste products. So, this article mainly focuses on the above mentioned issues and its possible solutions.

Keywords: Bitumen; composition; gossypol concrete; positive temperature; resin; mineral powder; limestone; asphalt-concrete; three-dimensional.

Selecting the composition providing material given to factors, one of the most responsible problems to technologies production of asphalt concrete. Criteria while selecting the compositions of gossypol concrete are only those indexes, allowing approximate to judge about behavior of the material under high temperature of summer, as well as partly about its corrosion proof. In base of applicable at present methods lies the principle of the selecting the composition, asphalt concrete under positive temperature. But from consideration characteristic of gossypol concrete becomes clear that top strength

feature under positive temperature far from always corresponds to required deformability of this material under lowered temperature. Designing the composition of gossypol concrete on method Soyuz Dor NII is produced on following scheme, selection and test source material, selecting the correlations mineral material (crushed stone, sand, mineral powder) depending on their grain-size composition, determination optimum amount gossypol of the resin for selected mineral mixture, test checking sample.

Composition of gossypol concrete follows to design on base of the technical

requirement, in which are indicated type gossypol concrete, purpose and condition of the using, feature mineral and binding material.

Selection of structure which provides material specified parameters is one of the most important tasks of production technology. Criteria at selection of structure of gossypol concrete are only those parameters allowing approximately to judge about behavior of a material at high summer temperatures, and also partially about its corrosion stability. On the basis of using now methods lays the principle of selection of structure, asphalt-concrete at positive temperatures. But from consideration of properties gossypol concrete becomes clear, which to the best strengthening to the characteristics at positive temperatures not always correspond necessary deformation ability of this material at the lowered temperatures [1]. The designing of structure gossypol concrete on a method of SDNII is made under the following circuit: selection and test of initial materials: selection of ratio of mineral materials (road metal, sand, mineral powder) depending on them grain-size of structure: definition of optimum amount gossypol resin for the picked up mineral mix: test of control samples [2]. The structure gossypol concrete should be projected on the basis of the technical project, in which it are specified a type gossypol concrete, purpose and conditions of application, characteristic of mineral and knitting materials.

At selection of structure it is necessary to pay the special attention to use of the local checked up materials lowering cost of asphalt-concrete. [3] Initial materials selected depending on a type and purpose gossypol concrete. The special attention thus should be paid that the chosen materials provided not only good parameters of mechanical durability, but also sufficient heat and corrosion stability gossypol concrete. All used initial materials have tested according to GOST (State Standard). Their final suitability establishes by re-

sults of tests skilled gossypol concrete of mixes. A mix of mineral materials selected so that she had optimum density. For the data grain-size of structure of available mineral materials by a settlement way selected a mix, which structure was in limits specified in the GOST. Grain-size structure of a mix is represented graphically. Received curve was smooth, without sharp crises and was stacked between limiting curves of optimum density. If the curve satisfies to these requirements, the picked up mix checked by practical consideration. Volume weight of matching mineral mix was greatest.

At definition of optimum quantity gossypol resin for detailed gossypol concrete of a mix four mixes with the different contents gossypol resin nominated in limits, specified in the appropriate to GOST (with an interval 0,5%) prepared.

Mineral material previously dried and heated up to temperature 160°C, and gossypol resin desiccated by evaporation and heating to same temperature.

From the received mixes made standard cylindrical samples for tests. For each mix was defined volume of water saturation and resistance to compression at temperatures 50 and 20°C.

The quantity of gossypol resin contained in a mix, which has the best results of tests and which appropriate to the technical requirements, is considered optimal. After an establishment of optimum quantity gossypol resin from the chosen mix control samples prepared, subjecting their all-round tests, according to the requirements of GOST. On the basis of results of tests have established final structure gossypol concrete and its conformity to the technical project.

The selection of a mineral part of gossypol concrete on curves of optimum density enables quickly to define suitability of a material on grain-size to structure. It allows considerably speeding up the process of selection at the expense of reduction of number of laboratory tests. At selection of

structure gossypol concrete alongside with technical it is necessary to take into account and economic parameters.

The picked up structure is necessary for modifying on gossypol concrete factory depending on features of hashing of a mix in used amalgamators. During preparation of gossypol concrete mix the established structure is necessary also to correct depending on features of used materials and results of the current tests of samples. A technique of selection of structure cold gossypol concrete same, as for mixes used in a warm condition. Grain-size the structure is selected according to the requirements of GOST. In this case as a reason of smaller viscosity with gossypol resin of amount of fine fractions (particles of 0,071 mm) larger than in mixes used in a condition. For reception of a covering having the sufficient roughness, recommends in a mix 40–50 % of particles of firm crystal breeds.

At use crushed limestone the additive of sand or granite of seed enables to vary in selection grain-size of structure of a mix. The lack of a mix of particles more finely 0,071 mm is compensated by a mineral powder.

The optimal quantity of GR for cold gossypol concrete is defined not only proceeding from reception necessary physical-mechanical parameters, but also from a condition of reception of a mix capable to remain long time in a friable condition. As it was already specified, mixes having this property and being at the same time steady enough in a covering, should contain gossypol resin on 20 % less quantities appropriate to the maximal durability of samples on compression.

When selecting the composition it is necessary to pay earnest heed on use local checked materials, that reducing the cost of the asphalt concrete. Source material selected depending on type and purposes of gossypol concrete, Emphases under this follows to include this chosen material supplied not only good indicators to mechanical toughness, but also sufficient heat

and corrosion stability of gossypol concrete. All applicable source material tested in accordance with acting GOST's. Final their fitness installs on the result of the test experienced gossypol concrete mixtures, Mixture mineral material selected so as it had optimum density, As of grain-size composition consisting mineral materials by accounting way selected mixture, which composition was within, mentioned in GOST, Grain-size composition mixture is expressed graphic. Have gotten graph was fluent, without cutting fracture and packed between limiting crooked optimum density. If curve satisfies these requirements that selected mixture checked by practical consideration. Three-dimensional mass selected mineral mixture was most.

At determination optimal amount of gossypol by resin for detailed gossypol concrete mixture prepared four mixtures with miscellaneous by contents gossypol-resins assignable in redistribution, specified in corresponding to GOST (with interval 0,5 %). Mineral material beforehand dried and warmed before the temperature 160°C, but gossypol resin dehydrated by evaporations and heating before the same temperature.

From obtained mixtures prepared the standard cylindrical sample for test. For each mixture was defined three-dimensional water saturating and resistance compression at temperature 50 and 20°C.

Amount of gossypol resins, kept in mixture, which has a best result of the test, corresponding to specifications, considered optimum, after determination optimum amount gossypol resin from chosen mixture prepared checking sample, subjecting to their all-round test, according to requirements GOST. On the ground of results of the tests have installed final composition of gossypol concrete and its correspondence to technical requirement.

Selecting the materiel of gossypol concrete on crooked optimum density enables quickly to define fitness of the material on grain-size composition. That allows vastly

accelerating process selection to account of the reduction of the numbers of laboratory tests. When selecting the composition of gossypol concrete alongside with technical necessary the economic indicators are also should taken into account.

Selected composition required the correction at gossypol concrete plant depending on particularities blending mixture in utilized mixer, In process of the preparation of gossypol mixture it is necessary also to correct stated composition depending on particularities applicable material and result of the current test sample. Methods of the selecting the composition cool gossypol concrete same, as for mixtures, applicable in heat condition. Grain-size composition having selected in accordance with requirements of GOST. In this instance, relationship with smaller viscosity and gossypol by resin amount small faction (particles 0,071 mms) provided big, than in mixture, applicable in conditions. For reception of the cover, possessing sufficient roughness, is recommended in mixture 40–50 % particles of the hard crystalline sorts.

When use crushed limestone additive of sand or granite seeding gives the opportunity of modifying in selection of

grain-size composition mixture. Defect in mixture of the particles small 0,071 mms having compensated with mineral powder.

Optimum amount GS for cool gossypol concrete is defined not only coming from reception necessary physic-mechanical indicators, but also from condition of the reception mixture, capable to remain long time in friable condition. As already mentioned, the mixture, possessing this characteristic and appearing in ditto time it is enough firm in covering, must contain gossypol resin on 20 % amount less, corresponding to maximum toughness sample on compression.

Bibliography

1. Grushko I. M., Zolotarev V. A., Glushenko N. F. Experiment of road construction materials. – Moscow : Transport, 1985. – P. 119.
2. Dushanov R. O., Abdullayev Sh. A. Gossypol concrete new compositional material for the covering of automobile roads and city streets. – «Compositional materials». – 2001. – № 1. – P. 17–19.
3. Dushanov R. O., Abdullayev Sh. A., Abdullayev M. About physical features of gossypol concrete. – «Uzbek chemical magazine». – 2002. – № 3. – P. 31–35.

© Dushanov R. O., Togaev I. K., 2015

Ekonomika

УДК 336.02

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ФИНАНСОВ

Г. О. Ахраменко

*Студент,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
филиал в г. Калуга, Россия*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF STATE AND MUNICIPAL FINANCE

G. O. Ahramenko

*Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Kaluga Branch, Kaluga, Russia*

Summary. The article analyzes the statistics of the consolidated budget of the Russian Federation, identified the problems and prospects of development of state and municipal finances at the present stage.

Keywords: budget; fiscal policy; state and municipal finance; finance.

Государственные и муниципальные финансы представлены тремя уровнями: федеральным, региональным и местным.

Исследуем изменения основных статистических показателей консолидированного бюджета Российской Федерации в период с 2009 по 2013 годы.

Основными источниками доходов консолидированного бюджета, как и прежде, остаются налоговые поступления, страховые взносы на социальное страхование и внешнеэкономическая деятельность государства. Среди налогов наибольший удельный вес занимают НДС – 2499,05 млрд рублей в 2013 году, налог на добычу полезных ископаемых – 2575,78 млрд рублей, НДС – 1868,50 млрд рублей, налог на прибыль организаций – 2071,89 млрд рублей.

Сравнивая объем налоговых поступлений в 2011–2013 годах, хочется отметить, что значительных колебаний в величине доходов не происходило, однако роль некоторых федеральных налогов в общем объеме налоговых поступлений постепенно увеличивается. Примерами могут служить НДС, величина которого увеличилась более чем на 25% в 2013 году по сравнению с 2011 годом, а также акцизы по подакцизным товарам. Объем этих налогов за последние два года вырос на 57,7%.

Как показал анализ, значительная доля доходов бюджета муниципального образования города Калуги представляет собой межбюджетные трансферты. Их доля в общем объеме доходов составляет около 30–35%.

Так, удалось выявить некоторые проблемы в управлении государственными и муниципальными финансами:

1. Отсутствие устойчивости и несбалансированность федерального бюджета.
2. Проблема низкой эффективности бюджетных расходов.
3. Отсутствие правовой основы системной организации процесса стратегического планирования.
4. Отсутствие методических рекомендаций по разработке и реализации государственных программ субъектов РФ, муниципальных программ.
5. Устаревание системы межбюджетных отношений [3, с. 2].

Опыт Калужской области показывает необходимость разработки принципиально новой концепции развития межбюджетных отношений в стране. На протяжении 8 лет на территории Калужской области последовательно проводится политика создания стабильного и благоприятного инвестиционного климата. В то же время, как показало проведенное ранее исследование, в регионе за период 2008–2012 годов государственный долг на душу населения вырос вдвое – с 8,39 тыс. рублей до 16,37 тыс. рублей [2, с. 221]. Несмотря на огромное количество различных трудностей, были достигнуты соответствующие результаты. К примеру, объем валового регионального продукта Калужской области в 2013 году составил 314 млрд руб. Это на 5,1% больше, сравнивая с показателем предыдущего года. Промышленное производство в сопоставимой оценке выросло приблизительно в 2 раза.

По итогам проведенного исследования можно сделать несколько важных выводов.

1. Важнейшими статистическими показателями финансово-кредитной системы являются консолидированный бюджет РФ и состояние системы кредитных организаций; выявлено ежегодное увеличение размеров доходов

и расходов консолидированного бюджета и бюджетов ГВБФ.

2. Отмечается значительное увеличение доли налоговых поступлений в структуре доходов консолидированного бюджета.

3. Главные направления расходования средств – социальная политика, национальная оборона, образование.

4. Дефицит консолидированного бюджета РФ имел место в 2009, 2010 и 2013 годах, профицит – в 2011 и 2012 годах.

Таким образом, выявлены следующие проблемы: отсутствие устойчивости и несбалансированность федерального и региональных бюджетов, проблема низкой эффективности бюджетных расходов; устаревание системы межбюджетных отношений; проблемы в долговой политике. Решением же данных проблем может стать разработка необходимых мер, направленных на диверсификацию российской экономики, ответственное и эффективное управление финансами на государственном и муниципальном уровне.

Библиографический список

1. Аветисян И. А. Бюджетный процесс как инструмент управления государственными и муниципальными финансами // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 1 (19). – С. 121–135.
2. Балынин И. В. Комплексный анализ долговой политики в рамках рейтинговой оценки субъектов Российской Федерации по уровню риска несбалансированности региональных бюджетов // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 5–1. – С. 217–222.
3. Бабуринов В. С. Опыт Калужской области показывает необходимость разработки новой концепции развития межбюджетных отношений // Парламентская газета. – 2014. – 25 марта. – С. 2–3.
4. Каюров Е. А. Конституционно-правовое регулирование государственных (муниципальных) финансов в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 2. – С. 48–62.
5. Кондрашова А. С. Программно-целевой метод как фактор повышения эффективности

- управления государственными и муниципальными финансами // Молодой ученый. – 2014. – № 8–2 (67). – С. 25–27.
6. Макарова С. Н. Теоретические аспекты программного бюджетирования в сфере государственных и муниципальных финансов // Финансы и кредит. – 2013. – № 48. – С. 7–14.
 7. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: minfin.ru.
 8. Официальный сайт Федерального Казначейства. URL: roskazna.ru.
 9. Сергеев Л. Проблемы регионального государственного финансового менеджмента // Общество и экономика. – 2013. – № 10. – С. 112–124.
 10. Торья Р. А. Повышение эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации // Финансовое право. – 2012. – № 3. – С. 6–10.
- Bibliografickij spisok**
1. Avetisjan I. A. Bjudzhetnyj process kak instrument upravlenija gosudarstvennymi i municipal'nymi finansami // Jekonomicheskie i social'nye peremeny : fakty, tendencii, prognoz. – 2012. – № 1 (19). – С. 121–135.
 2. Balynin I. V. Kompleksnyj analiz dolgovoj politiki v ramkah rejtingovoj ocenki subektov Rossijskoj Federacii po urovnju riska nesbalansirovannosti regional'nyh bjudzhetov // Jekonomika i predprinimatel'stvo. – 2014. – № 5-1. – С. 217–222.
 3. Baburin V. S. Opyt Kaluzhskoj oblasti pokazyvaet neobhodimost' razrabotki novoj koncepcii razvitija mezhhjudzhetnyh odnoszenij // Parla-mentskaja gazeta. – 2014. – 25 marta. – С. 2–3.
 4. Kajurov E. A. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennyh (municipal'nyh) finansov v Rossii // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2013. – № 2. – С. 48–62.
 5. Kondrashova A. S. Programmno-celevoj metod kak faktor povyshenija jeffektivnosti upravlenija gosudarstvennymi i municipal'nymi finansami // Molodoj uchenyj. – 2014. – № 8–2 (67). – С. 25–27.
 6. Makarova S. N. Teoreticheskie aspekty programmno bjudzhetirovanija v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh finansov // Finansy i kredit. – 2013. – № 48. – С. 7–14.
 7. Oficial'nyj sajt Ministerstva finansov Rossijskoj Federacii. URL: minfin.ru.
 8. Oficial'nyj sajt Federal'nogo Kaznachejstva. URL: roskazna.ru.
 9. Sergeev L. Problemy regional'nogo gosudarstvennogo finansovogo menedzhmenta // Obshhestvo i jekonomika. – 2013. – № 10. – С. 112–124.
 10. Torija R. A. Povyszenie jeffektivnosti mezhhjudzhetnyh odnoszenij i kachestva upravlenija gosudarstvennymi i municipal'nymi finansami v Rossijskoj Federacii // Finansovoe pravo. – 2012. – № 3. – С. 6–10.

© Ахраменко Г. О., 2015

УДК 338.2

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ:
МНОГООБРАЗИЕ МОДЕЛЕЙ И ПОДХОДОВ**

Т. В. Кузнецова

*Студентка,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
филиал в г. Калуга, Россия*

**ECONOMIC GROWTH:
THE VARIETY OF MODELS AND APPROACHES**

T. V. Kuznetsova

*Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Kaluga Branch,
Kaluga, Russia*

Summary. The article analyzes the different models, approaches, theories and trends of economic growth. Particular attention is paid to the neoclassical and Keynesian, as well as certain aspects of economic development of the country and the region.

Keywords: economic growth; economic development; model evaluation; regions.

Теория экономического роста развивалась по двум основным направлениям: неоклассическому и кейнсианскому. Проведя анализ этих направлений, получаем ряд различий неоклассического и кейнсианского направлений.

1. Время появления моделей. Кейнсианские методики оценки экономического роста появились в 40-х годах XX столетия [1, с. 233]. В то же время, модели экономического роста неоклассического типа возникли на 10–20 лет позже.

2. Общая характеристика моделей. Так, представители кейнсианского направления занимались разработкой проблем динамического равновесия и связывали экономический рост с процессами накопления. В свою очередь, представители неоклассического направления в ходе исследования сосредоточили внимание на факторах экономического роста и анализе производственных функций.

3. Отношение моделей к государственному регулированию. Так, представители кейнсианства активно поддерживали государственное регулирование, необходимое для формирования и накопления капитала на протяжении длительного периода времени и на основе этого способствуя достижению высоких темпов роста национального дохода того или иного государства. Представители неоклассического направления выступали за оптимальность рыночной системы, которая во многом строилась на саморегуляции, что, по их мнению, позволяло более эффективно использовать имеющиеся факторы производства не только конкретному субъекту экономики, но и всей экономике государства в целом.

В настоящее время разработано очень много методик оценки как отдельных аспектов социально-экономического развития государства или регионов (конкурентоспособность

отдельных отраслей экономики [6], эффективности кооперации малых форм хозяйствования [4], оценка влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие региона [5]), так и комплексных (оценка эффективности управления инновационным развитием региональных экономических систем [9] или комплексная оценка социально-экономического развития региона [3]), что говорит о развитии экономической мысли в вопросе достижения экономического роста.

1. Основой исследования общества и экономики является система познанных законов статики и динамики. Проведя анализ литературы, мы выделили основные характеристики этих законов, выяснили, что теория экономического роста относится к теории экономической динамики.

На основе ряда определений предлагаем собственное определение экономического роста.

2. Обзор литературы показал, что нет единой классификации типов экономического роста. Современное производство сочетает в себе факторы экстенсивного и интенсивного порядка. На наш взгляд, нельзя говорить о преимуществе того или иного типа, следует учитывать то, какой способ преобладает в производстве.

Существует другая классификация типов экономического роста: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный типы роста, – в основе которой лежит зависимость от факторов производства, играющих главную роль в обеспечении экономического роста.

3. В зависимости от того, какой признак положен в основу, выделяют несколько классификаций. Попов подразделяет макроэкономические показатели на 3 группы, а Анисимов выделяет в качестве наиболее важного макроэкономического показателя ВВП.

4. Проведя сравнительный анализ неоклассических моделей экономического роста Льюиса, Солоу и кейнсианских моделей Харрода, Домара, мы выявили существенные отличия в рамках каждого направления экономической мысли.

5. Ряд принципиальных отличий лежит в основе неоклассического и кейнсианского направлений экономической мысли.

6. Систематизированы условия функционирования моделей экономического роста в рамках общетеоретических подходов к экономическому анализу. На наш взгляд, целесообразно проводить смену моделей экономического роста в зависимости от того, на какой фазе экономического цикла находится экономика.

Таким образом, на основании проведенного исследования нужно сделать вывод о многообразии подходов и моделей к обеспечению экономического роста. При этом целесообразно проводить смену моделей экономического роста в зависимости от того, на какой фазе экономического цикла находится экономика и какие ее сферы требуют приоритетного внимания.

Библиографический список

1. Агапов Т. А., Серегина С. Ф. «Макроэкономика»: учебник / год общей редакцией д. э. н., проф. А. В. Сидоровича / МГУ имени М. В. Ломоносова. 6-е изд., стереотип. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2004. – 448 с.
2. Андреева Е. Г., Сухова А. Н. Экономический рост. Модели экономического роста // Омский научный вестник. – 2011. – № 6 (102). – С. 46–50.
3. Балынин И. В. Комплексная оценка социально-экономического развития Калужской области // Мировое сообщество: проблемы социально-экономического и духовно-политического развития: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л. С. Андрияновой. – Пенза, 2013. – С. 289 – 298.
4. Банникова Н. В., Милаевская С. С., Пупынина Е. Г. Методика оценки эффективности

- кооперации малых форм хозяйствования в картофелеводстве // Вестник АПК Ставрополя. – 2011. – № 1 (1). – С. 59–62.
5. Гольская Ю. Н. Методика оценки влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие региона // Транспортная инфраструктура Сибирского региона. Т. 2. – 2014. – С. 114–118.
 6. Завьялова Т. А. Конкурентоспособность экономики : от оценки к методике // Креативная экономика. – 2011. – № 9. – С. 10–15.
 7. Некипелов А. Д. К вопросу об экономическом росте и экономическом развитии // Журнал экономической теории. – 2013. – № 4. – С. 10–11.
 8. Силка Д. Н. Комбинирование методов управления экономическим ростом // Интернет-журнал «Науковедение». – 2013. – № 2 (15). – С. 19.
 9. Строева О. А. Методика оценки эффективности управления инновационным развитием региональных экономических систем // Регион : системы, экономика, управление. – 2011. – № 1. – С. 115–121.
- Bibliograficheskij spisok**
1. Agapov T. A., Seregina S. F. «Макроэкономика» : учебник / Pod obshhej redakciej d. je. n., prof. A. V. Sidorovicha / MGU imeni M. V. Lomonosova. 6-e izd., stereotip. – M. : Izdatelstvo «Delo i Servis», 2004. – 448 s.
 2. Andreeva E. G., Suhova A. N. Jekonomicheskij rost. Modeli jekonomicheskogo rosta // Omskij nauchnyj vestnik. – 2011. – № 6 (102). – S. 46–50.
 3. Balynin I. V. Kompleksnaja ocenka socialno-jekonomicheskogo razvitija Kaluzhskoj oblasti // Mirovoe soobshhestvo : problemy socialno-jekonomicheskogo i duhovno-politicheskogo razvitija : sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Pod red. L. S. Andrijanovoj. – Penza, 2013. – S. 289 – 298.
 4. Bannikova N. V., Milaevskaja S. S., Pupynina E. G. Metodika ocenki jeffektivnosti kooperacii malyh form hozjajstvovaniya v kartofelevodstve // Vestnik APK Stavropolja. – 2011. – № 1 (1). – S. 59–62.
 5. Golskaja Ju. N. Metodika ocenki vlijaniya transportnoj infrastruktury na socialno-jekonomicheskoe razvitie regiona // Transportnaja infrastruktura Sibirskogo regiona. Т. 2. – 2014. – S. 114–118.
 6. Zavjalova T. A. Konkurentosposobnost jekonomiki : ot ocenki k metodike // Kreativnaja jekonomika. – 2011. – № 9. – S. 10–15.
 7. Nekipelov A. D. K voprosu ob jekonomicheskom roste i jekonomicheskom razvitii // Zhurnal jekonomicheskoi teorii. – 2013. – № 4. – S. 10–11.
 8. Silka D. N. Kombinirovanie metodov upravlenija jekonomicheskim rostom // Internet-zhurnal «Naukovedenie». – 2013. – № 2 (15). – S. 19.
 9. Stroeва O. A. Metodika ocenki jeffektivnosti upravlenija innovacionnym razvitiem regionalnyh jekonomicheskikh sistem // Region : sistemy, jekonomika, upravlenie. – 2011. – № 1. – S. 115–121.

© Кузнецова Т. В., 2015

УДК 004.94

МЕТОДЫ ПОИСКА ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ИНТЕГРАЛА ШОКЕ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ОБРАБОТКИ СТОХАСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ТЕОРИИ ЭКОНОМИКИ АКТИВНОГО КОННЕКТА

О. В. Лавриченко

*Кандидат экономических наук,
Концерн «Моринформсистема-Агат,
г. Москва, Россия*

SEARCH METHODS EXTREME VALUES CHOQUET INTEGRAL AND ITS APPLICATION FOR PRELIMINARY DIGITAL PROCESSING OF STOCHASTIC PROCESSES IN THE THEORY OF THE ECONOMICS OF THE ACTIVE CONNECT

O. V. Lavrichenko

*Candidate of Economic Sciences,
Concern Morinformсистема-Agat,
Moscow, Russia*

Summary. Author is considered the basics of the theory of the economics of the active connect. The study tested the existing approaches to the problem of optimizing Choquet integral and its application in decision-making to address the disparity in the distribution of innovative resources between objects of the innovation.

Keywords: innovative resources; economy of the active connect; anthropogenic succession; innovative self-organizing business forming technology; Choquet integral.

Информационные и когнитивные технологии входят в перечень критических технологий современной России, определенный в Указе Президента России № 899 от 7 июля 2011 года, а также являются приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники согласно «Прогнозу научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года».

К информационным технологиям относятся и инновационные самоорганизующиеся бизнесобразующие технологии (ИСБОТ), являющиеся эндогенной основой авторской научной концепции сбалансированного распределения инновационных ресурсов между объектами инноваций.

Простые инновационные бизнесобразующие технологии были рас-

смотрены нами в ранее опубликованных работах [1], были определены не только как алгоритм действий по внедрению идеи, но и как технологии общения между участниками процесса реализации инновационной стратегии развития промышленного предприятия, методики обмена и структурирования информации между ними. Это способ общения и формирования не только инновационных стратегий, но и информационного сознания. Их можно описать как в виде сокращенного алгоритма, в виде элементарной понятийной схемы, состоящей из минимального количества элементов, так и создать в подробнейшем самосовершенствующемся мультимедийном формате. Идеальная инновационная бизнесобразующая технология –

это самосовершенствующийся цифровой организм, интерактивная модель в структуре интеграционной модели реализации инновационной стратегии развития [2].

Основы авторской теории экономики активного коннекта

В современных условиях экономического развития России, характеризующихся усиливающимися санкционными мерами стран ЕС и США, особую роль приобретают технологии более высокого уровня – уровня самоорганизации. Характерной чертой самоорганизующейся инновационной бизнесобразующей технологии (ИСБОТ) является капитализация интеллектуального «сырья» в виде идей и действий, которые необходимо совершить для получения новых инноваций или нового знания, то есть они призваны не только отвечать на вопросы, но и формировать их, отправляя импульсы организаторам инновационных процессов на промышленном предприятии. Участники, включенные в процесс реализации инновационных стратегий развития, совместно принимают решение, а также вносят необходимые изменения в раздел инновационных бизнесобразующих технологий, за который они отвечают. Путем обмена информацией происходит принятие управляющего решения. Инновационные самоорганизующиеся бизнесобразующие технологии (ИСБОТ) как средство корпоративного общения и технологии обмена информацией способны создавать новое знание постоянно, да еще и в полуавтоматическом режиме.

Таким образом, в инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих технологиях (ИСБОТ) отражены все возможные модели и алгоритмы действий по созданию объектов инноваций, их брендингу, производству и выводу на рынок. То есть это системообразующий многоуровневый гипертекст,

заключенный в форму четкой и понятной интерактивной инструкции.

Как нами было уже неоднократно сказано, новая экономика – это не просто экономика информации или экономика коммуникаций (от латинского – «делаю общим», «контакт», «связь», то есть подразумевает линии как материального, так и информационного обеспечения того или иного объекта). Это уже экономика коннекта (коннект в переводе с английского означает: «соединять», «устанавливать взаимоотношения», «налаживать контакты», «связываться, соединяться, ассоциировать», то есть ставить в причинную связь, быть согласованными, устанавливать непосредственную связь и т. д.).

Таким образом, концепция самоорганизующихся инновационных бизнесобразующих технологий (ИСБОТ) потребовала от нас своего исследования не только в ином направлении экономической мысли, но и выявила необходимость разработки данного направления как самостоятельной области экономических знаний – экономической теории активного коннекта (эконоконнекта).

Термин «теория экономики активного коннекта» впервые был введен автором и до сих пор пока не применялся, однако в современной экономической науке потребность в нем имеется уже давно, и его необходимо воспринимать как изменение в современных российских условиях не только характера труда, но и всего социума.

Теория экономики активного коннекта – это целостная, развивающаяся система знания, исследующая хозяйственную деятельность человека, которая предусматривает широкое применение информационных и когнитивных технологий в процессах производства, распределения и потребления общественных благ.

Актуальность авторского подхода – в возможности снизить действие неопределенности антропогенных

факторов как основных факторов устойчивости аддитивных моделей и алгоритмов. За счет чего? За счет увеличения инвестиций на разработку саморазвивающихся инновационных бизнесобразующих технологий (ИС-БОТ), одной из целей которых является эконономирование антропогенных факторов, так как транзакционные издержки не должны превышать размер выгод от решения проблем внешних воздействий на аддитивные модели и алгоритмы.

Новизна авторского подхода заключается в необходимости учета транзакционных издержек длительности и интенсивности информационного активного коннекта между сотрудниками всех уровней и на всех итерациях процесса реализации интеграционной модели на основе инновационных самоорганизующихся бизнесобразующих технологий (ИСБОТ). Источник этих транзакционных издержек – асимметричность информационного активного коннекта между разработчиками интеграционной модели и ее реализаторами на всех итерациях.

Основную идею теории экономики активного коннекта (эконоконнекта) мы определяем как эндогенный информационно-коннектный подход к поведению сотрудников предприятия при реализации ими интеграционной модели реализации инновационной стратегии устойчивого развития с целью достижения им конкурентноспособности и возможности максимизации стоимости предприятия.

Фундаментальная характеристика теории экономического коннекта – антропогенные факторы, влияющие прямо или косвенно на эффективность процессов формирования, реализации и саморазвития инновационных бизнесобразующих технологий. Антропогенные факторы опосредуются через кадровые ресурсы, задействованные в интегрированной модели реализации инноваци-

онной стратегии устойчивого развития промышленного предприятия.

Результат негативного влияния антропогенных факторов – антропогенные сукцессии. Для ограничения их влияния необходима разработка мониторинга или их эконономирование, которое автор предложил осуществлять в рамках концепции сбалансированного распределения инновационных ресурсов между объектами инноваций.

Данный аспект проблемы автор уже рассматривал с позиций многомерных структур неоднородной совокупности на основе случайных выборок и отношения Парето.

На наш взгляд, задачи принятия решений для оптимального распределения инновационных ресурсов между объектами инноваций перспективно рассматривать, применяя методы поиска экстремальных значений интеграла Шоке.

Интеграл Шоке в задачах принятия решений

Существующие подходы к задаче оптимизации интеграла Шоке в современных исследованиях.

До настоящего времени основная часть исследований по оптимизации интеграла Шоке была посвящена решению многокритериальных версий задач комбинаторной оптимизации. Так, например, в статье Л. Галанда и его коллег [5] рассматриваются задачи минимального покрывающего дерева в поисках кратчайшего пути в графах, где каждое ребро имеет несколько весов. Получающееся в результате дерево (путь) таким образом характеризуется некоторым вектором. Для того чтобы выбрать из различных вариантов наилучший, авторы предлагают использовать интеграл Шоке для агрегации таких векторов в интегральные оценки. Таким образом, задача формулируется как задача минимизации интеграла Шоке на дискретном множестве. Авторы предлагают метод ветвей и границ,

где верхняя грань вычисляется с помощью следующего свойства:

$$C(v, f) \leq \langle p, f \rangle; p \in \text{Core}(\bar{v}),$$

где $C(v, f)$ – интеграл Шоке по некоторой емкости v ; $f = \{f_1, \dots, f_n\}$ – функции весов; \bar{v} – емкость, сопряженная к v , то есть $\bar{v}(A) = 1 - v\left(\frac{N}{A}\right)$; $\forall ACN$, и

$$v(A \cup B) + v(A \cap B) \leq v(A) + v(B) \forall A, B \subset N.$$

Расширение данного подхода было предложено Д. Дюбуа [3], где авторами представлен метод вычисления нижней границы без введения предположения о субмодулярности емкости и продемонстрировано его применение к многокритериальной задаче о кратчайшем пути в графе. Еще одно приложение интеграла Шоке в задачах комбинаторной оптимизации было представлено в работе [6]. Авторами решается задача программирования в ограничениях. Анализируемая проблема содержит три критерия, агрегация которых производится с помощью интеграла Шоке. Целью задачи является нахождение подмножества допустимого множества, на котором значение интеграла лежит в некотором заданном варианте:

$$C(v, f(z)) \in [y, y^h].$$

Интересен подход М. Тимонина к рассмотрению задачи максимизации интеграла Шоке без предположений о характере емкости и для произвольных вогнутых функций ценности, а также к задаче робастного программирования для случая, когда предпочтения лиц, принимающих решения, не позволяют однозначно определить выбор [9].

Авторский метод поиска экстремальных значений интеграла Шоке и его применение в задачах принятия решений.

Фундаментальным вопросом теории экономики активного коннекта является

$\text{Core}(\bar{v})$ – ядро, которое (как уже было упомянуто ранее) определяется как множество вероятностей p таких, что

$$p(A) \geq v(A); \forall A \in 2^N;$$

$$p(N) = v(N).$$

Авторы рассматривают только случай 2 – чередующейся (субмодулярной) емкости (то есть

ся задача построения корректного отображения бинарных отношений (так называемых «предпочтений») при выборе инновационных ресурсов предприятия на некотором абстрактном множестве объектов инноваций между элементами множества R . Математически данная задача может быть сформулирована как задача построения гомоморфизма между структурой, состоящей из абстрактного множества X и некоторого числа отношений на этом множестве, и структурой, состоящей из подмножества множества действительных чисел R , и привычных отношений, таких как «+» и др. Решение данной проблемы опирается на два основных класса теорем. Утверждения теорем представимости связывают определенные фундаментальные характеристики исходной структуры с принципиальной возможностью построения гомоморфизма. Утверждения теорем единственности описывают множество гомоморфизмов, связывающих характеризованную аксиомами структуру $\langle X, \geq, \dots \rangle$ с одной и той же структурой $\langle R, \geq, \dots \rangle$.

Важным классом задач принятия решений являются задачи принятия решений по сбалансированному распределению инновационных ресурсов между объектами инноваций в условиях неопределенности инновационной деятельности промышленных предприятий.

В ряде работ, опубликованных в 30–50-х годах прошлого века, дается достаточно точный ответ на этот вопрос. Если предпочтения менеджеров предприятия, принимающих решения, согласуются с рядом фундаментальных свойств (аксиом), то возможно отображение этих предпочтений с помощью так называемой ожидаемой полезности (то есть аддитивной модели).

Введем формальное определение задачи принятия решений в условиях неопределенности, которым будем называть «ансамбль» (S, X, F, \geq) , где S – множество состояний баланса инновационных ресурсов между объектами инноваций; X – множество исходов выбора объектов инноваций; F – множество действий функции из S на X ; \geq – отношение предпочтения на F .

Таким образом, при условии, что предпочтения менеджеров, принимающих решения устранения диспаритетности баланса распределения инновационных ресурсов между объектами инноваций, характеризуются «ансамблем», решение принимается так, как если бы существовало некоторое вероятностное распределение или субъективная вероятность, описывающее насколько возможно возникновение того или иного исхода, а наиболее предпочтительное решение при этом максимизирует ожидаемую полезность.

Вторым классом задач принятия решений данного характера являются многокритериальные задачи. Первым этапом является отбор объектов инноваций на основе Парето-оптимальности, то есть их поиск с недоминированными векторами оценок. Содержание данного этапа нами было рассмотрено в ранее опубликованных работах.

Многокритериальной задачей принятия решения будем называть «ансамбль» (N, X, \geq) , где N – множество критериев параметризации баланса распределения инновационных ресурсов предприятия между объектами

инноваций; $X_i, i \in N$ – множество значений критериев; $-$ множество «альтернатив» выбора объектов инноваций; \geq – отношение предпочтения выбора инновационных ресурсов на X .

Теперь становится возможным привести теорему, характеризующую модель с аддитивной функцией ценности для случая не менее трех критериев:

$$x \geq y \leftrightarrow \sum_{i=1}^n v_i(x_i) \geq \sum_{i=1}^n v_i(y_i). \quad (1)$$

Частным случаем аддитивной модели является взвешенное арифметическое среднее:

$$x \geq y \leftrightarrow \sum_{i=1}^n w_i(x_i) \geq \sum_{i=1}^n w_i(y_i). \quad (2)$$

Неоспоримым преимуществом аддитивной модели является ее простота. В статье американского ученого Л. Саваж [8] впервые была предложена аксиоматизация принятия решений в условиях неопределенности, предпочтения, согласующиеся с упомянутыми аксиомами, были названы рациональным поведением. Такая характеристика вызвала значительную критику, одним из наиболее известных примеров которой является так называемый парадокс Д. Эллсберга [4].

В многокритериальных задачах можно говорить о «взаимодействии» критериев: взаимодополнении, взаимозамещении, корреляции и т. д. В то же время, в задачах принятия решений в условиях неопределенности, нарушения аксиомы независимости в задачах, характеризующихся недостаточной информацией, например, в случаях, когда возможное развитие событий описывается не одним, а несколькими возможными вероятностными распределениями.

Для разрешения проблем, связанных с интенциональными условиями аксиомы независимости, Д. Шмейдлер [7] предложил ослабить аксиоматику аддитивной модели, заменив независимость на так называемую комонотонную

независимость, которая имеет следующий вид:

$$f \geq g \leftrightarrow (C) \int_S u(f) dv \geq (C) \int_S u(g) dv, \quad (3)$$

$$C(v, (g_1, \dots, g_n)) = \sum_{i=1}^n (g_i - g_{(i-1)}) v(j | G(i) \geq g_i). \quad (4)$$

Данная модель предстает непосредственным обобщением аддитивной модели. С одной стороны, присутствие независимости подразумевает также и комонотонную независимость, а с другой – вероятность является частным случаем аддитивной емкости, а интеграл Шоке в данном случае совпадает с интегралом Лебега.

Результаты, полученные Д. Шмейдлером, позволили найти средства для решения проблем, моделирование которых в рамках классических моделей было невозможным. Таким образом, был расширен сам язык моделирования задач принятия решений. В частности, неотображаемый в аддитивных моделях феномен «уклонения от неопределенности» возможно смоделировать с помощью интеграла Шоке.

Интеграл Шоке стал применяться также и в многокритериальных задачах принятия решений, а в последние годы получает все более широкое распространение. Так же как и в случае с задачами принятия решений в условиях неопределенности, и даже в многокритериальных задачах интеграл Шоке позволил существенно расширить язык моделирования предпочтений менеджеров промышленных предприятий, принимающих решения по оптимизации распределения инновационных ресурсов между объектами инноваций.

Отсутствие аддитивности при моделировании процесса оптимизации распределения инновационных ресурсов между объектами инноваций несколько затрудняет анализ в интерпретации модели. Вместо «весов» критериев, то есть

где $(C) \int_S u(g) dv$ – интеграл Шоке,

а дискретным интегралом Шоке является:

значений меры на единичных элементах, в неаддитивном случае необходимо также учитывать все подмножества множества N , в которые входит интересующий нас критерий. Для проведения такого анализа, как правило, применяется широко известный в теории кооперативных игр вектор Шепли. Значения вектора Шепли лежат в интервале от 0 до 1, а сумма всех значений равняется 1. Для анализа взаимодействия критериев индекс Шепли был обобщен на подмножества N произвольного размера и получил название индекса взаимодействия.

В таких условиях естественным критерием в многокритериальных задачах является Парето-доминирование: если некоторый элемент множества решений имеет значения по всем критериям не худшие, чем у некоторого другого элемента, и превосходит его хотя бы по одному, то первый элемент является более предпочтительным. Аддитивные модели обеспечивают выполнение данного свойства. Однако в неаддитивных моделях, учитывающих взаимодействие между критериями, может возникнуть ситуация, при которой два элемента будут иметь равную оценку, при том что один из них Парето-доминирует.

В результате исследования выявлено несколько методов, позволяющих обеспечить соблюдение принципа Парето-доминирования при использовании интеграла Шоке:

– выбрать из множества оптимальных вариантов распределения инновационных ресурсов между объектами

инноваций Парето-оптимальный. Поскольку $g \rightarrow C(v, f) \geq C(i, g)$, то среди максимизаторов всегда найдется Парето-оптимальное решение.

– установить X_0 равным множеству Парето-оптимальных точек, то есть задача максимизации интеграла Шоке будет являться задачей уточнения решения среди Парето-оптимальных вариантов. Во многих прикладных задачах такой переход может быть осуществлен сравнительно легко. Например, в задаче с ограничением распределения инновационных ресурсов предприятия между объектами инноваций $\sum_{i \in Nz_i} \leq B$ достаточно перейти к множеству $\sum_{i \in Nz_i} \leq B$;

– уточнение емкости «ансамбля». Для случая, когда предпочтения менеджеров предприятия удовлетворяет не одна, а несколько емкостей, предложены методы, которые позволяют уточнить емкость «ансамбля», с тем чтобы Парето-доминирование соблюдалось как можно сильнее.

Выводы

1. Независимость бинарных отношений инновационных ресурсов и объектов инноваций не выполняется в подавляющем большинстве практических задач по исследованию диспаритетности баланса распределения ресурсов. Ослабление данной аксиомы является необходимым условием для построения корректных моделей в задачах по принятию решений менеджерами предприятий для сбалансированного распределения инновационных ресурсов между объектами инноваций.

2. Интеграл Шоке позволяет отражать предпочтения менеджеров предприятий, нарушающие независимость «ансамбля» альтернатив их выбора. Его применение существенно расширяет возможности решений менеджеров, являющихся как многокритериальной задачей, так и задачей принятия реше-

ний в условиях неопределенности, позволяя моделировать, с одной стороны, разнообразные виды взаимодействия между критериями параметризации баланса распределения инновационных ресурсов, а с другой – ситуации принятия решений в условиях недостаточной информации для выбора объектов инноваций с целью оптимизации баланса распределения инновационных ресурсов.

3. На сегодняшний день методы поиска экстремальных значений интеграла Шоке и их применение в задачах принятия решений недостаточно исследованы, опубликованные работы обладают существенными ограничениями. Поэтому развитие данного направления исследования и создание более эффективных методик и алгоритмов на основе интеграла Шоке перспективно как в практическом, так и в теоретическом плане.

Библиографический список

1. Лавриченко О. В. Инновационные бизнесобразующие технологии как эндогенная основа инновационной системы промышленного предприятия: монография. – М.: Изд-во «Социум», 2014. – 136 с.
2. Лавриченко О. В. Интенциональность научной концепции сбалансированного распределения инновационных ресурсов промышленного предприятия между объектами инноваций // Молодой ученый. – 2014. – № 4 (63). – С. 565–570.
3. Dubois D., Fargier H. Capacity refinements and their application to qualitative decision avaluation [Электронный ресурс]. URL: http://www.dx.doi.org/10.1007/978-3-642-02906-6_28 (дата обращения: 14.06.2014).
4. Ellsberg D. Risk, ambiguity and the Savage axioms // The Quarterly journal of economics. – 1961. – Vol. 75. – № 4. – P. 643–669.
5. Galand L., Parny P., Spanjard O. A branch and bound algorithm for Choquet optimization in multicriteria problems // Multiple criteria decision making for sustainable energy and transportation systems. – 2010. – P. 355–365.
6. Fouchal H., Gandibleux X., Le Huede F. Preferred solutions computed with alabal setting algorithm based on Choquet integral for multi-objective

- shortest paths // *Symposium on computational intelligence in multicriteria decision-making*. – 2011. – P. 76–78.
7. Le Huede F., Grabish M., Labrenche C., Saveaut P. MCS – a new algorithm for multicriteria optimization in constant programming // *Annals of operational research*. – 2006. – Vol. 147. – P. 143–174.
 8. Savage L. J. The theory of statistical decision // *Journal of the American statistical association*. – 1951. – Vol. 46. – № 253. – P. 55–67.
 9. Timonin M. Robust optimization of the Choque integral [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165011412001856> (дата обращения: 14.06.2014).

Bibliograficheskiy spisok

1. Lavrichenko O. V. Innovacionnye biznesobrazujushhie tehnologii kak jendogennaja osnova innovacionnoj sistemy promyshlennogo predpriyatija : monografija. – M. : Izd-vo «Socium», 2014. – 136 s.
2. Lavrichenko O. V. Intencionalnost nauchnoj koncepcii sbalansirovannogo raspredelenija innovacionnyh resursov promyshlennogo predpriyatija mezhdru ob#ektami innovacij // *Molodoj uchenyj*. – 2014. – № 4 (63). – S. 565–570.
3. Dubois D., Fargier H. Capacity refinements and their application to qualitative decision avaluation [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.dx.doi.org/10.1007/978-3-642-02906-6_28 (data obrashhenija: 14.06.2014).
4. Ellsberg D. Risk, ambiguity and the Savage axioms // *The Quarterly journal of economics*. – 1961. – Vol. 75. – № 4. – P. 643–669.
5. Galand L., Parny P., Spanjard O. A branch and bound algorithm for Choquetoptimization in multicriteria problems // *Multiple criteria decision making for sustainable energy and transportation systems*. – 2010. – P. 355–365.
6. Fouchal H., Gandibleux X., Le Huede F. Preferred solutions computed with alabal setting algorithm based on Choquet integral for multiobjective shortest paths // *Symposium on computational intelligence in multicriteria decision-making*. – 2011. – P. 76–78.
7. Le Huede F., Grabish M., Labrenche C., Saveaut P. MCS – a new algorithm for multicriteria optimization in constant programming // *Annals of operational research*. – 2006. – Vol. 147. – P. 143–174.
8. Savage L. J. The theory of statistical decision // *Journal of the American statistical association*. – 1951. – Vol. 46. – № 253. – P. 55–67.
9. Timonin M. Robust optimization of the Choque integral [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165011412001856> (data obrashhenija: 14.06.2014).

© Лавриченко О. В., 2015

УДК 330.322

**ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

Д. И. Хахалин

*Студент 2-го курса,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
филиал в г. Калуга, Россия*

INVESTMENT ATTRACTION OF KALUGA REGION

D. I. Khakhalin

*2nd year student,
Kaluga Branch Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Kaluga, Russia*

Summary. This article examines the investment attractiveness of the Kaluga region. In connection with the international situation reduced investment investments in Kaluga region and the Russian Federation as a whole. Let us analyze the attractiveness of the region at the beginning of reducing investment.

Keywords: investment attraction; Kaluga region; SWOT-analysis; fixed capital.

Существует разница между понятиями «инвестиционный климат» и «инвестиционная привлекательность». Инвестиционный климат – это объективная оценка инвестиционного комплекса, а инвестиционная привлекательность, в свою очередь, характеризуется субъективизмом. Инвестиционная привлекательность включает в себя факторы, которые играют для инвесторов важную роль в плане выгоды реализации проекта именно в этом регионе. Эти факторы, соответственно, складываются из уже сложившегося инвестиционного потенциала и рисков, которые могут каким-либо образом повлиять на реализацию инвестиционного проекта.

В конечном счете, «инвестиционный потенциал региона можно определить как совокупность возможностей эффективного инвестирования в экономику региона» [6]. Именно риски могут помочь определить вероятность потери инвестиций и доходов от них. Под определением инвестиционного риска принято понимать такие

негативные ситуации, при которых возникает опасность потери инвестиций или же неполучения от них полной отдачи. Также есть опасность обесценения вложений.

В свою очередь инвестиционная активность региона проявляется в изменение качественных и количественных показателей инвестиций в различные структуры, такие как физический капитал, человеческий капитал, технологический капитал. Инвестиционный потенциал напрямую связан с инвестиционной активностью, ведь именно эта активность позволяет оценить уровень использования потенциала в целом.

Вопросы инвестиционной привлекательности регионов рассматривается во многих публикациях. Так, например, Балынин И. В. при комплексной оценке социально-экономического развития Калужской области особое внимание уделяет определению инвестиционного и инновационного потенциала. При этом автор отмечает, что «Калужская область – один из крупнейших инно-

вационных и инвестиционных центров Российской Федерации» [2, с. 289].

Для анализа инвестиционной привлекательности и инвестиционной ситуации в Калужской области мы рассмотрим инвестиции в основной капитал, инвестиции в основной капитал на душу населения, составим сводную таблицу SWOT-анализа и рассмотрим

таблицу индекса физического объема инвестиций в основной капитал в период с 2008–2012 гг.

Рассмотрим факторы внешней среды, которые влияют на инвестиционную привлекательность региона. Одними из важнейших факторов являются внешняя и внутренняя среда, а также угрозы и возможности.

Таблица 1 [5]
Анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз (SWOT-анализ)

Внутренняя среда	Внешняя среда
Сильные стороны	Возможности
1) крупнейший рынок сбыта – Московский регион; 2) близость к человеческим, финансовым и транспортным потокам; 3) расположение в створе транспортных потоков; 4) близость к международным аэропортам; 5) развитая сеть промышленных парков, включая транспортно-логистическую инфраструктуру; 6) высокий научный и инновационный потенциал; 7) благоприятный инвестиционный климат; 8) сплоченная команда руководителей региона; 9) благоприятная экологическая обстановка	1) общий экономический рост России; 2) близость к «инвестиционному центру» Российской Федерации – г. Москве; 3) рост товарных потоков и вывод распределительных центров товаров из города Москвы; 4) изменения в системе расселения и миграционные потоки из депрессивных регионов России; 5) растущая динамика спроса на «локальные» путешествия в 2–3 часах езды от г. Москвы и повышающийся интерес к памятникам истории и культуры; 6) новые требования к качеству среды проживания
Слабые стороны	Угрозы
1) отток трудовых ресурсов в г. Москву; 2) дисбаланс развития территорий; 3) отсутствие собственных электрогенерирующих мощностей; 4) высокий износ энергопроводящей сети; 5) дисбаланс трудовых ресурсов «белых» и «синих» воротничков; 6) кадровый дефицит; 7) низкая производительность труда; 8) изношенность промышленной инфраструктуры.	1) негативные последствия вступления во Всемирную торговую организацию для предприятий, работающих на внутренний рынок; 2) ухудшение используемого пакета ресурсов (низкая стоимость рабочей силы, пониженные тарифные ставки); 3) высокая привлекательность московской агломерации для талантливой молодежи; 4) старение населения; 5) мировой финансовый кризис; 6) закрытие производства ведущих заводов; 7) угроза высоко уровня безработицы в связи санкциями и приостановки производства заводов.

Исходя из данных SWOT-анализа (табл. 1) можно сделать следующие выводы о социально-экономической ситуации в Калужской области. Одной из больших проблем, но в тоже время

одной из самых перспективных возможностей для развития и наращивания инвестиционного потенциала является Московский регион. Данный рынок очень перспективен и огромен.

На него поставляются товары и услуги со всей России, однако, именно Калужская область может пользоваться таким удачным географическим положением. Но чем это плохо? Главный минус – это при-

влекательные условия для молодых специалистов, которые стремятся получить большую заработную плату за свой труд. В этой связи происходит мощный отток интеллектуального капитала области.

Таблица 2 [8]

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования

	2009	2010	2011	2012	2013
	Миллионов рублей				
Инвестиции в основной капитал – всего	38082,0	46988,3	41492,0	69326,7	66227,6
в том числе по источникам финансирования:					
собственные средства	9194,8	16761,4	17383,8	24330,4	30100,3
из них:					
прибыль	5377,3	7362,4	5426,2	4955,4	4249,7
амортизация	3659,9	7223,4	9841,6	15386,6	16228,5
привлеченные средства	28887,2	30226,9	24108,2	44996,3	36127,3
в том числе:					
кредиты банков	16274,1	8424,3	3248,7	9653,8	8749,1
заемные средства других организаций	2030,5	4504,1	3304,5	17780,1	8355,3
бюджетные средства	5650,6	6665,8	6912,4	7109,0	7084,3
в том числе					
средства федерального бюджета	2834,2	4413,5	3549,6	4387,8	4153,5
средства областного и местных бюджетов	2816,4	1672,6	3362,8	2721,2	2930,8
средства внебюджетных фондов	56,5	1496,9	67,4	86,2	154,4
прочие	4875,5	9135,8	10575,2	10367,2	11784,2

По статистическим данным, представленным в табл. 2, можно сделать следующие выводы об объемах инвестиций и их источниках. По данным таблицы отчетливо видно, что 2013 год демонстрирует уменьшение потока инвестиций в основной капитал. Проблемой, которая так отрицательно влияет на инвестиционную си-

туацию, возможно, является ситуация на Украине и введенные против РФ санкции. Что касается источников инвестирования, то из года в год видно, что привлеченных финансовых вложений, чем собственных средств. Это дает понять, что инвесторы рассматривают наш регион как перспективный в инвестиционном плане.

Таблица 3 [3]

**Инвестиции в основной капитал на душу населения
в фактически действовавших ценах**

		2009	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	рубль	55 860,2	64 068	77 193	87 891	92 369
Центральный федеральный округ	рубль	50 344,3	54 697	63 866	76 709	84 836
Калужская область	рубль	59 439,6	73 599	76 686	95 312	89 396

Исходя из данных, представленных в табл. 3, можно сделать следующие выводы. На фоне увеличения численности населения в целом по Российской Федерации идет уменьшение объема инвестиций, что является подтверждением уменьшения объема инвестиций, которое можно было увидеть в табл. 2.

Калужская область имеет неплохие стартовые возможности, которые необ-

ходимы для успешной реализации задач пространственного развития. Прежде всего, это связано с перспективами расселения московской агломерации. Именно это предоставляет возможность вовлечения в активную деятельность тех территорий, которые не значились в числе экономических лидеров на фазе индустриально-промышленного роста [7].

Таблица 4

**Индекс физического объема инвестиций в основной капитал
в период с 2008–2012 гг. (в % к пред. году) [9]**

		2008	2009	2010	2011	2012	Ср. темпы роста 2008–2012 гг.
Российская Федерация (РФ)	процент	109,9	83,8	106,3	110,8	106,8	103,52
Центральный федеральный округ (ЦФО)	процент	106,9	80,1	104,4	107,2	112,9	102,3
Калужская область	процент	159,9	81,5	116,4	95,8	117,3	114,18
Тамбовская область	процент	118,8	103,3	109,9	119,1	116,7	113,56
Воронежская область	процент	120,2	90,2	125,3	112,3	112,6	112,12
Брянская область	процент	101,9	104,2	149,5	101	98	110,92
Тульская область	процент	130,1	104,9	112,8	103,3	100,7	110,36
Курская область	процент	117,2	100,9	111,9	114,1	107	110,22
г. Москва	процент	102,5	77,8	95,8	106,6	133,1	103,16
Московская область	процент	100,8	63	98,9	104,5	107	94,84

Исходя из данных табл. 4, можно сделать следующие выводы. Калужская область в последние годы является одной из самых динамично развивающихся областей РФ в ЦФО. По средним темпам роста инвестиций в экономику

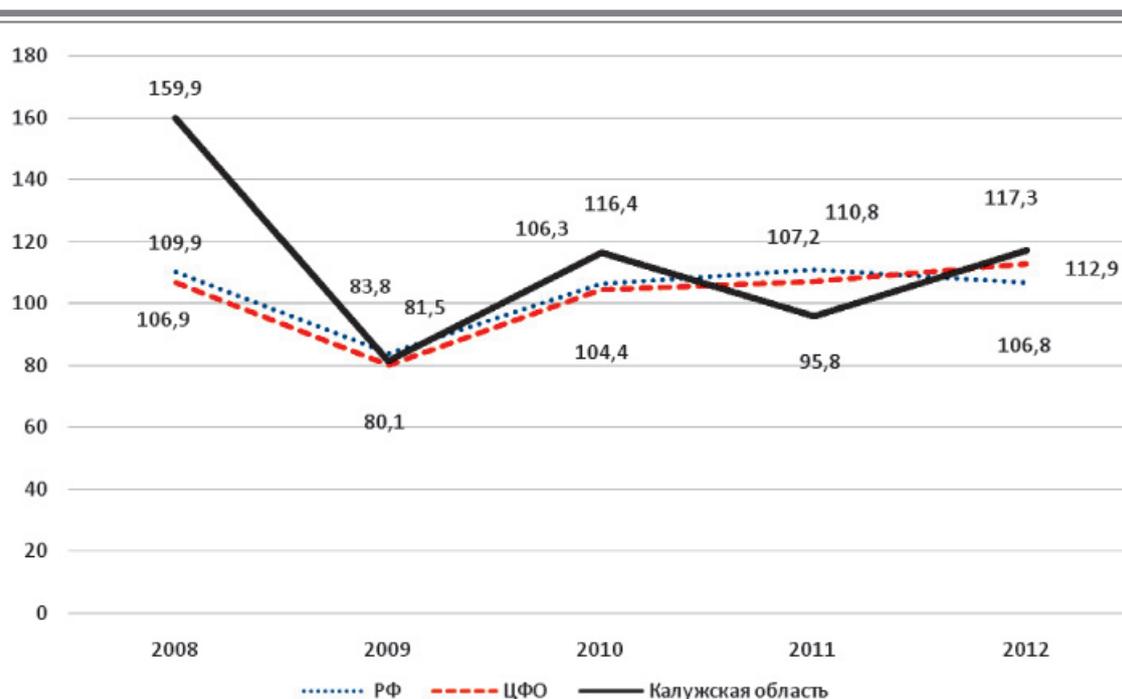
за период 2008–2012 гг. Калужская область занимает первое место. Однако на рисунке видно, что поступление инвестиционных средств в Калужский регион увеличивается не стабильно, как это демонстрирует график объема инвести-

ций в целом по Российской Федерации и Центральному Федеральному округу, а рывками.

Необходимо обратить внимание на то, что реализуемая инвестиционная политика приводит к ухудшению ряда

социально-экономических показателей Калужского региона. Так, проведенное ранее исследование выявило, что в Калужской области государственный долг на душу населения вырос вдвое – с 8,39 до 16,37 тыс. руб. [1, с. 221].

Индекс физического объема инвестиций в основной капитал в период с 2008–2012 гг. (в % к пред. году)

Таким образом, по итогам проведенного исследования следует сделать следующие выводы:

1. Калужская область имеет выгодное географическое положение. Близкое расположение с Московской областью является выгодным для инвесторов в плане сбыта их услуг и продукции. В частности, именно эта возможность является наиболее привлекательной для инвесторов.

2. В ближайшее время будет наблюдаться тенденция к уменьшению

инвестирования извне, в частности от иностранных инвесторов. Это связано с вводом антиросийских санкций и ответными санкциями от РФ. Все это уменьшает привлекательность нашего региона в частности и страны в целом и ставит под угрозу работоспособность уже построенных иностранных заводов (Фольксваген, ПСМА Рус Вольво и др.)

3. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал в период с 2008–2012 гг. показывает, что по состоянию на 2012 год Калужская область

является одной из самых динамично развивающихся областей. Наша область занимает первое место по средним темпам роста инвестиционных вложений.

Библиографический список

1. Балынин И. В. Комплексный анализ долговой политики в рамках рейтинговой оценки субъектов Российской Федерации по уровню риска несбалансированности региональных бюджетов // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 5–1. – С. 217–222.
2. Балынин И. В. Комплексная оценка социально-экономического развития Калужской области // Мировое сообщество: проблемы социально-экономического и духовно-политического развития: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л. С. Андрияновой. – Пенза, 2013. – С. 289–298.
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.
4. Инвестиционный портал Калужской области. URL: <http://www.investkaluga.com/podderzhka/investitsionnaya-strategiya/investitsionnaya--strategiya/> (Дата обращения 19.12.2014).
5. Инвестиционный портал Калужской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investkaluga.com/podderzhka/investitsionnaya-strategiya/investitsionnaya--strategiya/> (Дата обращения 19.12.2014).
6. Саяпин А. В., Кожевникова Т. М. Инвестиционная привлекательность Тамбовской области // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 3 (049). – С.128–132.
7. Стратегия социально-экономического развития калужской области до 2030 года. URL: <http://export40.ru/upload/investment/strategy.pdf>.
8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики (Калугастат). URL: <http://kalugastat.gks.ru>.

9. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.

Библиографический список

1. Balynin I. V. Kompleksnyj analiz dolgovoј politiki v ramkah rejtingovoј ocenki subektov Rossijskoј Federacii po urovnju riska nesbalansirovannosti regionalnyh bjudzhetov // Jekonomika i predprinimatelstvo. – 2014. – № 5–1. – S. 217–222.
2. Balynin I. V. Kompleksnaja ocenka socialno-jekonomicheskogo razvitija Kaluzhskoj oblasti // Mirovoe soobshhestvo: problemy socialno-jekonomicheskogo i duhovno-politicheskogo razvitija: sbornik nauchnyh stateј Vserossijskoј nauchno-prakticheskoj konferencii / Pod redakcieј L. S. Andrijanovoj. – Penza, 2013. – S. 289–298.
3. Edinaja mezhdvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema: [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>.
4. Investicionnyj portal Kaluzhskoj oblasti. URL: <http://www.investkaluga.com/podderzhka/investitsionnaya-strategiya/investitsionnaya--strategiya/> (Data obrashhenija 19.12.2014).
5. Investicionnyj portal Kaluzhskoj oblasti: [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.investkaluga.com/podderzhka/investitsionnaya-strategiya/investitsionnaya--strategiya/> (Data obrashhenija 19.12.2014).
6. Sajapin A. V., Kozhevnikova T. M. Investicionnaja privlekatelnost Tambovskoj oblasti // Socialno-jekonomicheskie javlenija i processy. – 2013. – № 3 (049). – S. 128–132.
7. Strategija socialno-jekonomicheskogo razvitija kaluzhskoj oblasti do 2030 goda. URL:<http://export40.ru/upload/investment/strategy.pdf>.
8. Territorialnyj organ Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki (Kalugastat). URL: <http://kalugastat.gks.ru>.
9. Federalnaja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru>.

© Хахалин Д. И., 2015

Filologické vědy

UDC 82

ON «MATERNITY» AS ONE OF THE BASIC CONCEPTS
IN FEMALE FICTION BY E. GILBERT

A. I. Dzyubenko

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,*

E. S. Seredina

*4th year student,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. The article deals with the ways the concept of maternity is treated and interpreted in the modern American fiction created by the woman writer of the present, by E. Gilbert in particular. At times it tends to create intertextuality ties with fictional discourse by classical Russian writers (L. Tolstoy in particular) but is far from being deprived of specific features representing itself alongside such concepts as family and marriage.

Keywords: concept; pragmatics; perspective; interpretation.

In the beginning of the 21st century humanity tends to consider family issue as one of the most essential in its social structure. While Asian and African countries suffer from overpopulation of their territories, the European nations with the decades passed seem to be getting closer to the verge of extinction. These facts make the family and maternity issues the core ones not only in the social and political paradigm studied through psychological, biological and humanitarian perspectives, but also in the fictional discourse contributing to the representation of the above-mentioned concepts in their ontogenesis. This topic has also entered the minds of a lot of outstanding writers, whose ideas concerning the concept of maternity have been reflected in the myriads of works of literature. No doubt they do show the subjective authors' view point on this notion, as gender, age, social influences the writers themselves undergo can hardly be separated in full, but still fictional discourse

presents us the most intricately interpreted concept of maternity.

In the course of time the concepts of maternity and family underwent a lot of changes on the semantic layers of theirs, however preserving almost the same number of the core components for their verbalization. One of the proofs for such an opinion is found in the fiction by E. Gilbert, a modern American female writer who conducted a profound research of the development of the concept «maternity» from the historical, sociological, psychological and historical angles. In the book «Eat, Pray, Love» she creates a portrait of a modern, educated, progressive, loving life and job, self-made woman who tends to analyze her environs and metaphysical points of her psyche through inner monologues, and the concept of maternity ranks one of the basic issues. Despite emancipation and self-confidence, a woman of present becomes a social-opinion victim – even the psychologically strongest and the most

determined of females break down under the socially widespread opinion of a woman's happiness being connected with the family itself, the family with babies in particular, thus maternity turns into a bounding power of a happy, well functioning family: «But I was supposed to want to have a baby. I was thirty-one years old. My husband and I who had been together for eight years, married for six-had built our entire life around the common expectation that, after passing the doddering old age of thirty, I would want to settle down and have children. By then, we mutually anticipated, I would have grown weary of traveling and would be happy to live in a big, busy household full of children and homemade quilts, with a garden in the backyard and a cozy stew bubbling on the stovetop» [1, p. 13]. It seems that the analyzed concept is always the reason for provoking the public's opinion, the society is never neutral towards this issue. Even if some of females choose childless life and are happy with this decision, the majority tends to have a baby to the detriment of their career, private life, interest and sometimes health.

According to E. Gilbert, the concept of sacrifices is one of the integral components in the semantic structure of «maternity» concept. Representing the motherhood essence diachronically the writer compares two diverse epochs – the Great Depression span and the present: «Let me remind you. They had nothing. Maude was a virtual house slave for three grown men (gruff Swedish farmers, no less, who were usually irritated by each other and she was forced to cram her babies and their sodden cloth diapers into one cold and badly lit room. She became progressively wicker and sicker with each pregnancy. The Depression raged outside their door» [2, p. 164]. It leads us to the idea that being a mother in any period of the history implies the idea of eternal sacrifices and care about the close people, the idea of mercy and blessing found in hardships and troubles she overcomes while rearing her family.

On the semantic layer this concept alongside with the concept of marriage is associated with a building being at the same time a metaphorical paragon of true friendship, of the institutionalized companionship: «We had also learned that marriage is an estate that is very much easier to enter than it is to exit. Unfenced by law, the unmarried lover can quit a bad relationship at any time. But you – the legally married person who wants to escape doomed love – may soon discover that a significant portion of your marriage contract belongs to the State, and that it sometimes takes a very long while for the State to grant you your leave» [2, p. 5]. This drives us to the idea of the matrimony being equal something hard, stable, profound and the same time inspiring, solid and difficult to be moved or shaken. For example: «We often say that marriage is «hard work». Life is hard work, of course, and *work* is very hard work – I'm quite certain they would agree with those statements – but how does marriage become hard work? Here's how: Marriage becomes hard work once you have poured the entirety of your life's expectations for happiness into the hands of one mere person. Keeping that going is hard work» [2, p. 48–49].

Sometimes it seems that Gilbert has intertextuality aspects in her fiction introducing a kind of Leo Tolstoy's female protagonist: «I was happy because I had a family of my own. I had a husband. I had children. I had never dared to be allowed to have any of those things in my life» [2, p. 164]. It seems that a female can be joyful just with having a husband and children, not caring about social or material self-sufficiency. The vital feature of those women was the ability to take the most dreadful and unbearable conditions for granted. That period wives and mothers were not only hyper enduring, but also too obedient to their destiny and were not trying to change it for an inch.

The course of time and the change of epochs had a great influence on the family

concept. The end of the 20th century and the turn of the 21st revealed the crucial role of the high living standard to be a determinant factor for the maternity and a family institution: «My mother made a choice that week. She quitted her job and decided to stay at home with my sister and me. It wasn't like she would never work outside the home again, but what about her career? That was finished. As she explained to me later, she came to feel she had a choice: She would either have a family or she could have a calling, but she wouldn't figure how to do both without support and encouragement of her husband. So she quitted» [2, p. 181]. It is obvious that the concept of maternity includes in itself the idea of «New English Cemetery Syndrome», the quintessence of all the hardships New England women faced. To bridge over all their difficulties, they had nothing to do, but adjust, adapt, glide and accept. The present-day life conditions create an elusive freedom of women development as an individual, domestic goddess, professional, but all this roles are impossible to fulfill without the «syndrome».

In fact, being, undoubtedly, subjective and gender determined in treating the concept and in mapping its structure, the female writers as the addressers of information can much be trusted in terms of authenticity and of purely female interpretation the concept of maternity through «twice»-female perspective: the discourse is done by a woman-author and is narrated by female protagonist [3, p. 33]. Both

fictional and mundane reality present women torn by indecision and dilemma of having to choose between realization of personal potential in profession and career vs. home, between their financial independence and public success vs. hearth and female happiness with children and husband at their side. In the end the majority of women choose the family and maternity on the basis of their ancestral memory that the latter concept preserves in itself.

Библиографический список

1. Gilbert E. *Eat, Pray, Love* / E. Gilbert. – London : Penguin Books, 2006. – 368 p.
2. Gilbert E. *Committed. A Love Story* / E. Gilbert. – London : Bloomsbury, 2011. – 297 p.
3. Дзюбенко А. И. Cultural Stereotypes in Modern Fictional Female Discourse // Сборник научных трудов SWorld : материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2013». – Одесса : КУПРИЕНКО, 2013. – Т. 24. – Вып. 1. – С. 33–36.

Bibliografickij spisok

1. Gilbert E. *Eat, Pray, Love* / E. Gilbert. – London : Penguin Books, 2006. – 368 p.
2. Gilbert E. *Committed. A Love Story* / E. Gilbert. – London : Bloomsbury, 2011. – 297 p.
3. Dzyubenko A. I. Cultural Stereotypes in Modern Fictional Female Discourse // Sbornik nauchnyh trudov SWorld : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennye napravlenija teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij – 2013». – Odessa : KUPRIENKO, 2013. – Т. 24. – Вып. 1. – С. 33–36.

© Dzyubenko A. I., Seredina E. S., 2015

УДК 81-119

ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ: МЕЗОНИМНОЕ, ФИДЕЙНОЕ, МЕДИЙНОЕ

А. И. Скрипникова

*Докторант PhD,
Казахский национальный педагогический
университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан*

TYPES OF THINKING: MEZONY, FIGMENT, MEDIA

A. I. Skripnikova

*PhD-student,
Kazakh National Pedagogical University
named after Abay,
Almaty, Kazakhstan*

Summary. The article discusses three types of modern thinking, which are widely represented in the foreign scientific texts. Mezony-, figment- and media-thinking are taken out by researchers in the separate categories relatively recently. All three types can be easily illustrated, being guided by journalistic texts. The media thinking is inherently reproductive: man thinks of the stock phrases and stereotypes imposed to him by media.

Keywords: cognitive science; linguistics; thinking; typology; mass media.

Прежде чем перейти к анализу новых типов мышления, приведём определение, данное в Толковом словаре современного русского языка В. В. Лопатина, на которое в дальнейшем будем опираться: «Мышление – это способность человека, уясняя содержание явлений действительности, связывать, сопоставлять их и делать из этого выводы» [3, с. 350].

Представителями разных научных сфер выведено немало типологий человеческого мышления. Напомним об основных (классических): дискурсивное (умозаключающее) и интуитивное (мгновенное, характеризующееся минимальной осознанностью) мышление; теоретическое и практическое (осуществляемое на основе социального опыта и эксперимента); предметно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое мышление [7, с. 290].

Также существуют и другие разновидности: аналитическое (логическое), реалистическое, аутистическое, эгоцентрическое, произвольное (сновидения), произвольное мышление и др. Останавливаться на них подробно не будем.

Мы ставим задачу рассмотреть новейшие: мезонимное, фидейное и медийное. Они были выделены исследователями в отдельные категории относительно недавно.

Начнём с мезонимного типа мышления.

Польские лингвисты Альберт Бартошевич и Леонтий Миронюк в своём совместном исследовании предлагают выделять в качестве когнитивной единицы «мезоним». Под мезонимом они понимают «срединный» элемент между двумя антонимами, т. е. своего рода «лингвистическую биссектрису», например: *верхний – средний – нижний; левый – центральный – правый* и т. д. [1, с. 7].

Учёные пишут также о мезонимном типе мышления, который со временем вырабатывается у каждого человека. Л. Миронюк и А. Бартошевич выделяют следующие четыре разновидности мезонимного типа мышления:

1) фольклорно-сказочное мышление (*налево пойдёшь... – прямо пойдёшь... – направо пойдёшь...*);

2) историческое мышление (*древние века – средние века – новые века*);

3) пространственно-географическое (*Северный полюс – Экватор – Южный полюс; Средиземноморье; междуручье*);

4) металингвистическое (*высокий – средний – низкий стиль; мужской – средний – женский род; полугласный; полупредикативный*) [1, с. 6].

Мезонимы, по свидетельствам авторов, часто встречаются в публицистическом стиле: *полумперия, полуколония, полуправда, полудемократия* [1, с. 7].

Приведём пример из Национального корпуса русского языка: «*Впрочем, социальный аспект данной проблемы, скорее всего, лишь полуправда*» («Известия», 2007).

Что касается фидейного мышления, то наиболее полно оно охарактеризовано в монографии М. В. Никитина. Учёный выявляет два полярных вида духовной деятельности – рационально-логический и фантазийно-игровой. Однако между двумя полюсами лежит обширная область знания неполного, сомнительного или ложного, где человек волей-неволей действует на основе интуиции, веры или обмана. Центральным, объединяющим здесь является понятие веры, поэтому в целом этот вид и область ментальной активности можно назвать фидейным сознанием, или фидейным мышлением [5, с. 10].

На наш взгляд, фидейный тип мышления представлен в астрологических прогнозах или гороскопах, регулярно появляющихся в СМИ.

В качестве иллюстрации приведём отрывок из астрологического прогноза на 2014 год на новостном Интернет-портале: «*Уже весной Девам вдруг придёт неожиданное известие, причём оттуда, откуда его меньше всего можно было бы ожидать*» [8].

Вслед за А. А. Князевой, считаем, что абстрактность и обобщённость яв-

ляется характерной чертой пророчеств и предсказаний. Имплицитное содержание проявляется в неоднозначности используемых слов и выражений, а также в их обобщённом употреблении [2, с. 3]. Толкование подобных прогнозов зависит от интерпретатора. Как правило, оно сугубо индивидуально.

Как пишет Ю. Е. Прохоров: «Нечёткие и неотчётливые по своему смыслу слова с неровными краями областей их значений, неясность разграничительных линий между понятиями, их многообразие и пестрота – всё это создаёт возможность для нарушения строго дедуктивных форм мышления» [6, с. 149].

Интересно будет отметить, что на фидейный тип мышления опирается языковедческая область по изучению футурологических текстов – лингвопрогностика.

Обратимся к медийному типу. Ему посвящена работа В. Д. Мансуровой. Автор не просто пишет о новой типологии, но и вводит в научный оборот термин «человек медийный» (*homo mediatius*).

«Человек медийный» представляет собой новый антропологический тип социального субъекта, который проявляет себя в массовом коммуницировании. Главными факторами и критериями дифференциации, согласно В. Д. Мансуровой, выступают этический (ценностный) и когнитивный варианты организации мышления и деятельности медийного, т. е. включённого в информационное взаимодействие человека [4, с. 117].

СМИ становятся средствами создания схем поведенческой, языковой, мыслительной, личностной самоорганизации. Эти схемы, картины социокультурной повседневности – тоже реальности, по стечению обстоятельств бытия человека в мире сейчас они не менее важны для него, чем состояние вещной или природной среды [Там же]. Существование человека в этом новом медийном пространстве и сформировало новый тип мышления.

«Медийный» человек постоянно оказывается в ситуации когнитивного диссонанса, вызванного безграничем коммуникативного пространства и физиологической ограниченностью во времени для его освоения [4, с. 118]. Поэтому он предпочитает не затрачивать когнитивные усилия и безусловно принимать точку зрения того или иного масс-медиа. Вспомним о двух формах мышления: **продуктивное** – это воссоздающее мышление на основе новизны в мыслительной деятельности, и **репродуктивное** – это воспроизводящее мышление по заданному образцу и подобию [7, с. 290]. Медийное мышление и есть репродуктивное: человек мыслит штампами и стереотипами, навязанными СМИ.

Для современного человека вообще характерно медиа-восприятие. Под медиа-восприятием А. Фёдоров предлагает понимать «восприятие медиа-реальности, чувств и мыслей авторов медиа-текстов» [8, с. 84]. Например: «Блондинка – это не цвет волос, а состояние души и образ мыслей» («Комсомольская правда», 2011). То есть для медийного мышления характерно принятие чужой точки зрения.

По основному определению, «мышление – это способность человека, уясняя содержание явлений действительности, связывать, сопоставлять их и делать из этого выводы». Считается, что всю эту ментальную работу способны проделать «объективные» журналисты, современному потребителю информации остаётся лишь «принять выводы к сведению».

Библиографический список

1. Бартошевич А., Миронюк Л. К вопросу о языковой конденсации мысли // Acta Neophilologica I. – 1999. – С. 5–10.
2. Князева А. А. Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов // Филология. – 2011. – № 3. – С. 207–211.
3. Лопатин В. В. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Эксмо, 2011. – 928 с.
4. Мансурова В. Д. «Медийный» человек как проекция дигитальной онтологии // Филология и искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 116–120.
5. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
6. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
7. Психология и педагогика: учеб. пособие. – М.: Новосибирск: ИНФРА-М – НГАЭиУ, 2000.
8. Портал «Золотая Орда» [Электронный ресурс]. – URL: www.altyn-orda.kz/goroskop-na-2014-god-po-znakam-zodiaka/ (дата обращения: 09.11.2014).
9. Фёдоров А. Проблемы медиа-восприятия и развития аудитории в области медиа-культуры // Прикладная психология. – 2002. – № 2. – С. 84–89.

Bibliograficheskij spisok

1. Bartoshevich A., Mironjuk L. K voprosu o jazykovej kondensacii mysli // Acta Neophilologica I. – 1999. – S. 5–10.
2. Knjazeva A. A. Teksty o predskazanii budushhego kak vid prognosticheskikh tekstov // Filologija. – 2011. – № 3. – S. 207–211.
3. Lopatin V. V. Tolkovyj slovar sovremennogo russkogo jazyka. – M.: Jeksmo, 2011. – 928 s.
4. Mansurova V. D. «Medijnyj» chelovek kak projekcija digitalnoj ontologii // Filologija i iskusstvedenie. – 2010. – № 3. – S. 116–120.
5. Nikitin M. V. Osnovaniya kognitivnoj semantiki : ucheb. posobie. – SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2003. – 277 s.
6. Prohorov Ju. E. V poiskah koncepta. – M. : Flinta: Nauka, 2009. – 176 s.
7. Psihologija i pedagogika : ucheb. posobie. – M. : Novosibirsk: INFRA-M – NGAJeIU, 2000.
8. Portal «Zolotaja Orda» [Elektronnyj resurs]. – URL: www.altyn-orda.kz/goroskop-na-2014-god-po-znakam-zodiaka/ (data obrashhenija: 09.11.2014).
9. Fjodorov A. Problemy media-vosprijatija i razvitija auditorii v oblasti media-kultury // Prikladnaja psihologija. – 2002. – № 2. – S. 84–89.

© Скрипникова А. И., 2015

УДК 821.512.157

**ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ НАТАЛЬИ ХАРЛАМПЬЕВОЙ**

О. И. Пашкевич *Кандидат филологических наук, доцент,
Якутский институт водного транспорта,
Новосибирская государственная
академия водного транспорта,
филиал в г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

**REFLECTION OF THE NATIONAL MENTALITY
IN CREATIVITY OF NATALIA HARLAMPEVA**

O. I. Pashkevich *Candidate of philological sciences,
Yakut Institute of Water Transport,
Novosibirsk State Academy of Water Transport,
a branch in Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), Russia*

Summary. This article is an attempt to review the creativity of the poet of (Saha) Yakutia Natalia Harlampeva in terms of reflecting in it the national mentality. Poetry of N. Harlampeva characterized by an appeal to good epos olonkho, coverage of preservation of the native language, transmission features of Yakut women love experiences.

Keywords: national mentality; Yakut literature; poetry; image; folklore.

Термин «ментальность» впервые возник в 1856 году в лексиконе американского философа Р. Эмерсона. Позже данное понятие использовалось неокантианцами и феноменологами. В зарубежной историографии пионерами в применении этого термина и изучении самого явления стали французские ученые, принадлежащие к школе «Анналов». Они ориентировались на анализ структуры духовной жизни общества, на поиск фундаментальных устойчивых структур сознания.

Изучению менталитета с исторической, социальной, психологической, культурологической и философской точек зрения посвящены работы как зарубежных, так и отечественных ученых.

Проблема национального менталитета в художественной литературе нашла отражение в трудах А. А. Бурцева и М. А. Бурцевой [1], Г. Д. Гачева [2], Л. М. Ибрагимова [4], Ю. В. Мироновой [6], А. К. Михайлова [7] и других.

В настоящее время, наряду с термином «менталитет», употребляются и производные от него термины. Широко стало применяться прилагательное «ментальный», а от него, в свою очередь, был образован термин «ментальность». Многие исследователи используют их как синонимы.

Г. Т. Тавадов определяет ментальность как «особенности психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную этническую целостность. Ментальность выражается в виде иерархии идей, воззрений, представлений о мире, оценок, вкусов, культурных канонов, способов выражения мысли, являясь существенной частью этнической традиции» [9, с. 204].

Ученые полагают, что интерес к феномену менталитета вызван ускоряющимся процессом глобализации, который оказывает влияние не только в сфере экономики и политики, но и в области культуры. Так, исследователь

национального менталитета в чеченской прозе XX века Л. М. Ибрагимов считает, что актуальность проблемы «обусловлена совокупностью причин, важнейшей среди которых является потребность человека понять свое общество, специфику истории этноса и идентифицировать себя» [4, с. 4].

Большим потенциалом для рассмотрения данного вопроса обладают литературные тексты, но необходимо учитывать, что литературоведческий подход к категориям национального имеет свою специфику, так как он связан не с раскрытием этнических особенностей, а с художественным решением проблемы.

В этом отношении творчество народного поэта Якутии Натальи Харлампьевой представляет несомненный интерес. Ее поэзия стала предметом рассмотрения литературоведов А. А. Бурцева и М. А. Бурцевой, П. В. Сивцевой-Максимовой, В. Б. Огороковой и др. «В целом в научных и критических интерпретациях поэзии Харлампьевой справедливо утверждается, что ее поэзия ознаменовала собой новую веху в развитии национальной литературы...» [8, с. 15].

Недавно увидевшая свет монография Л. Н. Романовой [8] стала попыткой исследования творчества поэта с позиции создания на протяжении всего творческого пути единого текста с общим смысловым контекстом.

Цель нашей статьи – рассмотрение поэзии Н. И. Харлампьевой с точки зрения отражения в ней национальной ментальности.

Многие стихотворные строки Натальи Ивановны связаны с ее биографией. Родилась Н. И. Харлампьева в поселке Маган, который расположен недалеко от столицы Республики Саха (Якутия) города Якутска. Она выпускница историко-филологического факультета Якутского государственного университета. Трудовая деятельность

поэта была в основном связана с журналистикой. Это сотрудничество в газетах «Северная трасса», «Эдэр коммунист», «Кыым», работа главным редактором Якутского книжного издательства, редактором женского журнала «Далбар хотун» («Хозяйка очага»), главным редактором республиканской газеты «Саха сирэ». С 2003 года Н. И. Харлампьева является председателем правления Союза писателей Якутии.

Поэтическое творчество Натальи Ивановны представлено в десяти сборниках и книгах, в их числе «Аэроплан» (1976), «Кыһыл ньургунун» («Красный подснежник», 1986), «Ысыах кэммэ» («После ысыаха», 2012). Кроме того, Наталья Ивановна создатель автобиографического, лирического и ряда литературных эссе. Одной из последних ее работ стала научно-популярная книга «Признание в любви: Якутия в русской поэзии второй половины XX века» (2012), в которой автор прослеживает русско-литературные связи. Она лауреат большой литературной премии Союза писателей России и АК «АЛРОСА» (2003) за вклад в поэзию.

Творческая манера Натальи Харлампьевой складывалась, с одной стороны, на традициях русской литературы, а с другой стороны, на богатом опыте национального фольклора и литературы, который определил ее поэтическое мировидение. Литературоведами отмечается, что в ее ранней лирике «устно-поэтическое начало менее выражено с точки зрения очевидного присутствия элементов фольклорной поэтики, но способы отражения мира, характер раскрытия образа – переживания, несомненно, основаны на художественно-эстетических принципах устной поэзии» [8, с. 13]. Так, в стихотворении, повествующем о посадке первого аэроплана на зеленом лугу недалеко от Якутска, данное событие передано через восприятие детворы и стариков. Если дети подпрыгивают от восторга,

то старики норовят погладить самолет по «фанерной холке». Он не вызывает у них опасения, потому что напоминает им крылатого скакуна из сказки.

Необходимо заметить, что для народа саха характерно особое отношение к коням: древние якуты почитали лошадей животными небесного происхождения. Данное представление нашло отклик в героическом якутском эпосе олонхо, в котором присутствует идеализированный образ коня как верного спутника богатыря. Эпический конь – крылатый конь, наравне с богатырем он становится главным героем эпоса. Использование метафорических образов, связанных с символом коня, характерно для поэтики Н. Харлампьевой: «ветер, словно привязанный конь», «вьюги вихрятся грива», «золотое седло судьбы», «иноходец судьбы» и т. д., что отмечается исследователями ее творчества [1, с. 180–181].

Несомненно, важную роль в судьбе человека выполняет родной язык. Замечательно сказал об этом известный педагог К. Д. Ушинский: «Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями отживших предков. Отнимите у народа все, и он все может воротить, но отнимите язык, и он никогда более уже не создаст его, новую родину может создать народ, но языка – никогда, вымер язык в устах народа – и вымер народ...» [10, с. 109–110].

В языке сохраняется многовековая история, духовная и материальная культура. В лексике родного языка также отражается жизнь народа: названия природных явлений, местностей, предметов быта.

Национальный язык обладает определенными, присущими ему достоинствами. Он выступает не только

средством общения, но и средством овладения и хранения знаний, орудием развития мышления. В стихотворении «Доверь якутскому языку», посвященному дочери, Наталья Харлампьева пишет:

Изъясняйся на любом языке –
Одолевай холмы и горы,
Вершиной разума и мысли
Убеждай, как можешь.

Но только чувствуй в будущем
На языке своем родном,
Тайны своей души,
Искренние чувства своей любви,
Высокую радость от счастья,
Тревоги потаенную муку
Выражай по-якутски,
Пой по-якутски! [11, с. 212].

«Незнание родного языка представляется поэтом как утрата человеком чуткости сердца и души, заложенной в его генной памяти», – отмечает Л. Н. Романова [8, с. 51].

Любовь к слову, к поэтическому воображению, по воспоминаниям Натальи Ивановны, достались ей от матери, которая знала много сказок. В стихотворении «Мой дед олонхосутом был...» передана гордость за то, что в ее роду были народные сказители – олонхосуты, мастерски владеющие словом:

Ошиблась бабка. Как и где –
Не ведаю, но знаю с детства:
То ль к радости, то ли к беде
Досталось мне его наследство [11, с. 139].

Надо сказать, что в системе мировоззрения у многих народов Крайнего Севера был культ слова, ему приписывали магические свойства. Культурную семантику слова можно объяснить древним «представлением о нем как конкретном, зримом антропоморфизированном образе» [5, с. 42].

У народа саха также глубока вера в могущество слова. В старину перед ответственными делами, началом дороги

люди обращались к знатокам, заклинателям – белым шаманам за благословенными пожеланиями.

Вера в силу слова, тема о предназначении поэзии, поэтическом призвании часто звучит в стихах поэта:

Не ведаю, откуда эта страсть
Приходит вдруг и, озаря светом,
Дает над словом человеку власть,
Его, земного, делая поэтом [11, с. 19].

В то же время Наталья Ивановна постоянно поднимает вопрос о необходимости переводов якутской литературы на русский и другие языки и наоборот. «Нельзя понять другого человека, – пишет она, – не зная истории, менталитета, психологии его народа. Незнание разделяет людей» [3, с. 29].

Национальная ментальность лирической героини Натальи Харлампьевой особенно ярко проявилась в любви. Она искренне верит в это светлое чувство:

Я сейчас
Ничего уже не боюсь
И не думаю,
Что чего-то мне
В жизни не досталось –
Я пила
Счастья кумыс
С любимым! [11, с. 127].

Любовь является одним из важнейших устойчивых чувств. Поэт не только передает в своих стихах разные грани любовных переживаний, но и размышляет об особенностях проявления чувства у якутской женщины: «Якутская женщина прячет свою любовь. Если тот, кого отметило своим знаком ее сердце, не отвечает ей взаимностью, она не станет навязывать ему свою любовь» [11, с. 270].

В отношении к любимому человеку женщина проявляет такие качества, как скромность, нежность, заботу о семье и детях. Современная якутская

женщина даже сегодня, говорит Н. И. Харлампьева, «выражает свою любовь иносказательно».

Любовь не на словах, а на деле ценилась людьми Севера. С изменением условий жизни изменяются и проявления чувства любви как существенной стороны духовного богатства человека. Хотя по-прежнему ценятся верность и скромность, Наталья Харлампьева считает, что великая сила слова управляет чувством. Особенно ей близка в этом отношении поэзия Анемподиста Софронова, поэта и драматурга, одного из первых писателей якутской литературы. По ее мнению, именно Анемподист Софронов научил якутов выражать словами любовь к женщине. Глубоко убежденная в могуществе слова, Н. И. Харлампьева обращается к читателю с вопросом: «Может быть, нам стоит беречь моменты, когда с уст слетают нежные и проникновенные слова любви на родном языке, и не стыдиться их?» [11, с. 265].

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что в поэзии Натальи Харлампьевой отразились такие особенности ментальности народа саха, как вера в силу слова. Родной язык воспевается ею как национальная ценность. В стихотворных строках мастерски переданы любовные переживания якутской женщины, которым присущи скромность, верность, забота о родном очаге, детях.

Библиографический список

1. Бурцев А. А., Бурцева М. А. Там, где пасется Пегас... : современная якутская поэзия. – Якутск : Бичик, 2009. – 216 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М. : Изд. центр «Академия», 1998. – 429 с.
3. Дружбы связующие нити : встречи русских и якутских писателей. – Якутск : Бичик, 2012. – 112 с.
4. Ибрагимов Л. М. Художественное воплощение национальной ментальности в чеченской прозе XX века : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.02. – Махачкала, 2011. – 167 с.

5. Лебедева Ж. К. Культ слова у народов Арктики // Языки, культура и будущее народов Арктики. – Якутск : ЯИЯЛИ СО РАН, 1993. – С. 42–43.
6. Миронова Ю. В. Отражение русской ментальности в концептах художественного текста (на материале цикла рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника») : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01. – Липецк, 2003. – 190 с.
7. Михайлов А. К. Проблема национального менталитета в литературе (на материале литератур народов Севера) // Литературные традиции эпохи и преломление их в Якутии. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1995. – С. 104–113.
8. Романова Л. Н. Поэзия Натальи Харлампевой : динамика лирической книги стихов. – Новосибирск : Наука, 2014. – 128 с.
9. Тавадов Г. Т. Этнология : Словарь-справочник. – М. : Соц.-полит. журнал, 1998. – 688 с.
10. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. В 6 т. Т. 2. – М. : Педагогика, 1988. – 496 с.
11. Харлампьева Н. И. Кумыс счастья. – М. : Фонд имени И. Д. Сытина, «Зарницы», 2004. – 304 с.
3. Družby svjazujushhie niti : vstrechi russkih i jakutskih pisatelej. – Jakutsk : Bichik, 2012. – 112 s.
4. Ibragimov L. M. Hudozhestvennoe voploshhenie nacionalnoj mentalnosti v chechenskoj proze HH veka : dis. ...kand. filol. nauk : 10.01.02. – Mahachkala, 2011. – 167 s.
5. Lebedeva Zh. K. Kult slova u narodov Arktiki // Jazyki, kultura i budushhee narodov Arktiki. – Jakutsk : JaJaLI SO RAN, 1993. – S. 42–43.
6. Mironova Ju. V. Otrazhenie russkoj mentalnosti v konceptah hudozhestvennogo teksta (na materiale cikla rasskazov I. S. Turgeneva «Zapiski ohotnika») : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Lipeck, 2003. – 190 s.
7. Mihajlov A. K. Problema nacionalnogo mentaliteta v literature (na materiale literatur narodov Severa) // Literaturnye tradicii jepohi i prelomlenie ih v Jakutii. – Jakutsk : Izd-vo JaGU, 1995. – S. 104–113.
8. Romanova L. N. Pojezija Natali Harlampevoj : dinamika liricheskoj knigi stihov. – Novosibirsk : Nauka, 2014. – 128 s.
9. Tavadov G. T. Jetnologija : Slovar-spravochnik. – M. : Soc.-polit. zhurnal, 1998. – 688 s.
10. Ushinskij K. D. Pedagogicheskie sochinenija. V 6 t. T. 2. – M. : Pedagogika, 1988. – 496 s.
11. Harlampeva N. I. Kumys schastja. – M. : Fond imeni I. D. Sytina, «Zarnicy», 2004. – 304 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Burcev A. A., Burceva M. A. Tam, gde pasetsja Pegas... : sovremennaja jakutskaja poezija. – Jakutsk : Bichik, 2009. – 216 s.
2. Gachev G. D. Nacionalnye obrazy mira. – M. : Izd. centr «Akademija», 1998. – 429 s.

© Пашкевич О. И., 2015

УДК 8142

**АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ЛЕКЕМЫ «ЖИВОТНЫЕ»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РЕБЕНКА:
ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В. В. Сальникова *Кандидат филологических наук, доцент,
Башкирский государственный
университет, филиал в г. Бирск,
Республика Башкортостан, Россия*

**ASSOCIATIVE FIELD OF THE LEXEME «ANIMALS»
IN CHILDS LINGUISTIC WORLDVIEW: DYNAMIC ASPECT**

V. V. Salnikova *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Birsk Branch of Bashkir State University,
Birsk, Bashkortostan, Russia*

Summary. The article considers the associative field of the lexeme «animals» in childs linguistic world-image of the XXI century. The author figures out how the lexeme is familiar to the modern child, determines the specificity of linguistic consciousness and worldview of the autobiographical hero and the children of the XXI century; and also conducts comparative analysis of the relevant thematic groups. The material for the investigation is taken from the autobiographical stories «The Years of Childhood of Bagrov the Grandson» by S. T. Aksakov, «Nikitas Childhood» by A. N. Tolstoy, «The Last Bow» by V. P. Astafyev and data of the free association experiment.

Keywords: free association experiment; associative field; word-stimulus; word-re-sponse; thematic groups; childs linguistic world-image.

Жизненные ассоциации играют важную роль в развитии и формировании семантической структуры слова, ее осмыслении. Одним из способов выявления ассоциативных полей образов, отражающихся в языковой картине мира личности ребенка, является свободный ассоциативный эксперимент. В современной лингвистической науке метод свободного ассоциативного эксперимента получил широкое распространение. К примеру, это изучение стереотипного образа любви посредством проведения направленного ассоциативного эксперимента [3]; составление русского ассоциативного словаря [4]; описание структуры ассоциативных полей слов [5]. Как мы видим, изучение данной проблемы актуально в области психолингвистики, лингвокультуроло-

гии, когнитивной и антропологической лингвистики.

Данная статья посвящена изучению ассоциативного поля лексемы «животные» в языковой картине мира ребенка-автобиографического героя и детей XXI века. Материалом для исследования послужили тексты повестей С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», А. Н. Толстого «Детство Никиты», В. П. Астафьева «Последний поклон» (Книга первая), а также данные свободного ассоциативного эксперимента. Для того чтобы сравнить одинаковые фрагменты мира в вербальной репрезентации автобиографического героя и его сверстника, мы выбрали в качестве стимула слово «животные», поскольку это явление существовало тогда и присутствует сейчас.

Новизна нашего подхода к описанию ассоциативного поля лексемы «животные» определяется выявлением того, насколько она известна современному ребенку, а также исследованием специфики языкового сознания и картины мира автобиографического героя и детей XXI века.

Целью данной статьи является изучение ассоциативного поля лексемы «животные» в языковом сознании ребенка в динамическом аспекте. Материалом исследования стали данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в апреле 2014 г. во вторых и третьих классах средних школ № 1, № 7, № 9 г. Бирска Республики Башкортостан. В нем приняли участие 100 испытуемых в возрасте 8–9 лет. Выбор данного возраста обусловлен тем, что в книге С. Т. Аксакова повествование о детстве заканчивается, когда герою идет 9 год; в повести А. Н. Толстого

описывается жизнь ребенка 9–10 лет, а в произведении В. П. Астафьева рассказывается о детстве ребенка 7–10 лет. С целью объективности и достоверности сопоставлений нами выбран именно этот (предельный) возраст детей.

В ходе работы с детьми младшего школьного возраста каждому ребенку предлагался лист бумаги, на котором было напечатано слово-стимул (S)– *животные*. Инструкция к заполнению давалась устно: «Перед вами лист бумаги, на котором записано слово *животные*. Ребята, напишите как можно больше слов, связанных со словом *животные*. Работать нужно как можно быстрее!» Время эксперимента учитывалось и ограничивалось. Для ответов на поставленный вопрос давалось 7–10 минут.

Результаты ассоциативного эксперимента показали, что ассоциативное поле лексемы «животные» включает 15 тематических групп (таблица).

Тематическая классификация понятия «животные» у детей XXI века

№ п/п	Тематические группы	Частота встречаемости (%) – результаты 2014 г.
1	Дикие животные	96
2	Домашние животные	77
3	Насекомые	57
4	Дикие птицы	53
5	Рыбы	44
6	Пресмыкающиеся (рептилии)	31
7	Домашние птицы	28
8	Характерологические признаки животных	12
9	Земноводные	10
10	Сказочные (мифические) животные	8
11	Герои мультфильмов	2
12	Совокупности животных	3
13	Беспозвоночные	3
14	Жилище животных	2
15	Ракообразные	1

Рассмотрим некоторые тематические группы более подробно. Анализируя показатели таблицы, можно отметить, что самой частотной является группа «**Дикие животные**», которая составляет 98% всех реакций (R). Она представлена следующими словами-R: *зайцы, заяц, медведь, коала, волк, лиса, белка, хомяк, лев, тигр, леопард, ягуар, панда, обезьяна, орангутан, мартышка, горилла, макака, мышь, жираф, еж, морской котик, россомаха, панда, кенгуру, слон, олень, хомяк, крот, дикая кошка, гепард, сурикат, куница, лось, норка, зебра, рысь, гиппопотам, бегемот, буйвол, носорог, верблюд, кабан, антилопа, пони, пума, дикобраз, бурундук, енот, тушканчик, лиса-фенек, гиена, крыса*. Самыми популярными являются слова *волк, заяц, лиса, хомяк, медведь*. В лексиконе Сережи Багрова (главного героя повести С. Т. Аксакова «*Детские годы Багрова-внука*») данную тематическую группу составляют следующие лексемы: *волк, лев, обезьяна, заяц, русак, сурок* [1]. Анализируемая группа зоонимов в языке Никиты (главного героя повести А. Н. Толстого «*Детство Никиты*») представлена такими наименованиями, как: *волк, еж Ахилка, мышь, суслик* [6]. В тексте книги В. П. Астафьева в данную тематическую группу входят слова: *мышь, мышка, летучие мыши, рысь, дикие козы, сохатый, марал, медведь, волк, заяц, лиса, суслик*; к данной тематической группе можно отнести и слова *зверушки, зверье* [2]. Как мы видим, некоторые наименования совпадают (*волк, заяц, мышь*). Однако география наименований зоонимов гораздо шире, объемнее у современного ребенка, чем у автобиографического героя, ему известны и экзотические животные (*сурикат, лиса-фенек*), а также различные виды обезьян (*орангутан, мартышка, горилла, макака*), поскольку он более информирован.

Достаточно частотной у детей XXI века является тематическая группа «**Насекомые**» (57%). Здесь имеют место такие слова-R, как: *пчела, муха, муха цеце, бабочка, кузнечик, муравей, жук, жук скарабей, паук, комар, клещ, оса, шмель, таракан, клоп, блоха, моль, бабка коробка, божья коровка, гусеница, стрекоза, саранча*. В языке героя книги «*Детские годы Багрова-внука*» присутствуют следующие наименования насекомых: *бабочка, букашка, козявка, комар, муравей, оса, пчела, шмель, кузнечик, муха, светляк* [1]. В лексиконе Никиты имеют место зоонимы: *сверчок, кузнечик, муха, водяной жук, личинка, паучок, комарик, божья коровка* [6]. По данным выборки материала из повести В. П. Астафьева анализируемая группа включает такие лексемы, как: *муха, саранча, бабочка, ночные бабочки, пчела, шмель, вши, блошки, муравьи, жуки, слепень, мошка, блошка, муравьишко, паук, таракан* [2]. Как мы видим, многие наименования совпадают (*жук, муха*); в лексиконе автобиографического героя имеют место слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*муравьишко, блошка, паучок, комарик*), а также лексемы, характерные для языка ребенка (*бабка коробка, букашка, козявка*).

Таким образом, в результате проведенного исследования нами выявлено следующее:

Во-первых, в лексиконе современных детей и автобиографического героя преобладает субстантивная лексика; это объясняется тем, что она составляет основной пласт лексики русского языка, и именно предметный мир более всего представлен в языке детей, потому что мышление ребенка носит предметно-образный характер.

Во-вторых, тематические группы «*Дикие птицы*», «*Рыбы*», «*Жилище животных*», «*Совокупности животных*» представлены гораздо богаче, шире

в лексиконе автобиографического героя, чем у испытуемых. Группы «Домашние животные» и «Домашние птицы» более частотны в языковой картине мира автобиографического героя, а в языковой картине мира современного ребенка более частотны такие тематические группы, как «Дикие животные» и «Дикие птицы». Группа «Герои мультфильмов» имеет место только в языке детей XXI, это закономерно, поскольку данное явление – реалия нашего времени.

В-третьих, данные наблюдения свидетельствуют о том, что современный ребенок более информирован: он узнает о мире фауны из телевизионных передач, фильмов, мультфильмов, школьного предмета «Окружающий мир», посещения зоопарков, а также в результате пользования компьютером, Интернетом. Герои автобиографических повестей С. Т. Аксакова, А. Н. Толстого, В. П. Астафьева получают знания о мире животных при непосредственном контакте с ними, с природой, а также из книг. Результаты свободного ассоциативного эксперимента показали, что происходит изменение языкового сознания, языковой картины мира ребенка.

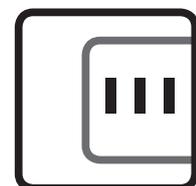
Библиографический список

1. Аксаков С. Т. Семейная хроника // Детские годы Багрова-внука. – М. : Художественная литература, 1982. – 542 с.
2. Астафьев В. Последний поклон: повесть в рассказах. – М. : Эксмо, 2010. – 800 с.
3. Иващенко Г. А. Стереотипный образ любви по данным направленного ассоциативного эксперимента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9 (39). – Часть 1. – С. 65–67.
4. Мягкова Е. Ю. «Русский ассоциативный словарь» и проблемы исследования эмоциональной лексики // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей. – М. : РАН Ин-т языкознания, 1996. – С. 176–180.
5. Салихова Э. А. Изучение структуры ассоциативных полей слов: опыт теоретико-экспериментального исследования. – Уфа : Восточный ун-т, 2002. – 168 с.
6. Толстой А. Н. Детство Никиты. – М. : Советская Россия, 1971. – 96 с.

Bibliografickij spisok

1. Aksakov S. T. Semejnaja hronika // Detskie gody Bagrova-vnuka. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1982. – 542 s.
2. Astafev V. Poslednij poklon: povest v rasskazah. – M. : Jeksmo, 2010. – 800 s.
3. Ivashhenko G. A. Stereotipnyj obraz ljubvi po danym napravlenogo asociativnogo jeksperimenta // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2014. – № 9 (39). – Chast 1. – S. 65–67.
4. Mjagkova E. Ju. «Russkij asociativnyj slovar» i problemy issledovanija jemocionalnoj leksiki // Jetnokulturnaja specifika jazykovogo soznaniya: sb. statej. – M. : RAN In-t jazykoznanija, 1996. – S. 176–180.
5. Salihova Je. A. Izuchenie struktury asociativnyh polej slov: opyt teoretiko-jeksperimentalnogo issledovanija. – Ufa : Vostochnyj un-t, 2002. – 168 s.
6. Tolstoj A. N. Detstvo Nikity. – M. : Sovetskaja Rossija, 1971. – 96 s.

© Сальникова В. В., 2015

Právní vědy

УДК 343.851

**ОБ ЭФФЕКТИВНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ**

П. Н. Кобец

*Доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
г. Москва, Россия*

**ON THE EFFECTIVE USE OF LEGAL EXPERTISE
IN CRIME PREVENTION**

P. N. Kobets

*Doctor of Law, professor,
National research institute
of Russia ministry of the interior,
Moscow, Russia*

Summary. Increase of efficiency of struggle against criminality is impossible without the use of law enforcement bodies of special knowledge knowledgeable persons and modern achievements of science and technology. This is especially important in modern conditions of work of law enforcement agencies, when increased difficulties with the collection of evidence, the trend of combating crime investigation. Important role in the prevention of crime belongs to the forensic examination, which is an effective means to establish the circumstances that contributed to the Commission of crimes and the development of measures for the elimination of such circumstances or reduce their negative effects.

Keywords: crime prevention; forensic examination; investigation of crimes; the process of proof; accounting; technical-criminalistic examination.

Обладая специальными знаниями в определенной области науки, техники, искусстве или ремесле, сотрудники экспертно-криминалистических подразделений могут внести существенный вклад в установление криминогенных факторов и разработать конкретные организационные и технические меры по их устранению [1, с. 15]. При расследовании преступлений, как известно, возможности судебных экспертиз специалистами используются достаточно активно. Бурное развитие научно-технического прогресса приводит к тому, что работники правоохранительных

органов не в состоянии уследить за постоянным совершенствованием возможностей судебных экспертиз. Даже в традиционных видах судебных экспертиз появляются новые или модифицируются имеющиеся экспертные средства и методы исследования вещественных доказательств. Вопросы профилактического характера в постановлении (определении) о назначении экспертизы могут быть не указаны инициатором назначения экспертизы по многим причинам, в том числе по незнанию возможностей судебных экспертиз [2, с. 57].

Видимо, по этой причине в уголовно-процессуальном кодексе законодательно закреплено право эксперта на проявление инициативы [3, с. 34]. Так, в п. 2 ст. 204 УПК РФ указано, что если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении. Таким образом, даже если в постановлении о назначении экспертизы эксперту не были поставлены вопросы профилактического характера, эксперт в порядке собственной инициативы может, при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, отразить их в своем заключении и научно аргументировать конкретные меры по устранению этих обстоятельств. Таким образом, профилактическая работа является одной из функциональных обязанностей сотрудников экспертно-криминалистических подразделений [4, с. 60].

Вместе с тем в предупреждении используются не все возможности экспертно-криминалистических подразделений. По таким видам судебных экспертиз, как технико-криминалистическая, судебно-бухгалтерская и ряд других, экспертно-профилактическая работа проводится лишь в единичных случаях. В ряде случаев эксперты ограничиваются только перечислением выявленных нарушений и не вносят конкретных рекомендаций по их устранению. При ведении профилактической работы эксперты иногда вносят предложения, для разработки которых не требуются их специальные знания.

При производстве судебно-бухгалтерских (налоговых, финансово-аналитических, финансово-кредитных) и других экспертиз, эксперты должны указать в инициативном порядке на обстоятельства, которые способствовали или могли способствовать совершению преступлений, и внести соответствующие

профилактические предложения. При назначении экспертизы следователь и дознаватель, как правило, консультируются с экспертами в целях уточнения вида назначаемой экспертизы, определении ее комиссионного или комплексного характера, последовательности назначения экспертиз, правильной постановки вопросов эксперту (в том числе и по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления). Таким образом, возможности судебно-бухгалтерской и судебно-экономической экспертизы в профилактике преступлений безграничны [5, с. 125].

С целью активизации профилактической деятельности экспертно-криминалистических подразделений необходимо в должностных инструкциях экспертов отразить ведение профилактической работы, направленной на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и разработку мер по устранению криминальных факторов. Руководителям следственных подразделений, подразделений по организации дознания, экспертных подразделений необходимо проводить совместный систематический анализ профилактики преступлений с использованием средств судебных экспертиз, с выработкой мер по совершенствованию данной работы. Также необходимо контролировать ход реализации вносимых экспертно-профилактических рекомендаций: запрашивать судебно-следственные органы, в адрес которых направлены рекомендации, как они реагировали на них, какие меры ими приняты.

При проведении рецензирования заключений экспертов необходимо обращать внимание на экспертно-профилактическую работу с использованием средств судебных экспертиз: приняты ли экспертом при производстве конкретной экспертизы меры по установлению обстоятельств, способствовавших

совершению преступлений, внесены ли профилактические предложения [6, с. 236]. Обобщая вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что судебная экспертиза, являющаяся эффективным средством доказывания, имеет широкие возможности в предупреждении преступлений. В ряде случаев без проведения судебной экспертизы вообще невозможно установить обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений. Таким образом, использование возможностей судебной экспертизы в предупреждении преступлений является весьма актуальным.

Библиографический список

1. Альжева Н. И. Краткий курс по криминалистике : учеб. пособие. – М. : Окей-книга, 2010.
2. Балашов Д. Н. Криминалистика : учеб. пособие. – М., 2010.
3. Дубягина О. П. Краткий криминалистический справочник. – М. : Изд-во МГОУ, 2009.
4. Егорова О. В. Обеспечение достоверности заключения эксперта. Юрист. – М. : Изд-во «Юрист», 2010. – № 7.
5. Князьков А. С. Криминалистика : курс лекций / Томский государственный университет. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2008.
6. Шурухнов Н. Г. Криминалистика : учебник. – М. : Эксмо, 2008.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alzheva N. I. Kratkij kurs po kriminalistike : ucheb. posobie. – M. : Okej-kniga, 2010.
2. Balashov D. N. Kriminalistika : ucheb. posobie. – M., 2010.
3. Dubjagina O. P. Kratkij kriminalisticheskij spravochnik. – M. : Izd-vo MGOU, 2009.
4. Egorova O. V. Obespechenie dostovernosti zakljuchenija jeksperta. Jurist. – M. : Izd-vo «Jurist», 2010. – № 7.
5. Knjazkov A. S. Kriminalistika : kurs lekcij / Tomskij gosudarstvennyj universitet. – Tomsk : TML-Press, 2008.
6. Shuruhnov N. G. Kriminalistika : uchebnik. – M. : Jeksmo, 2008.

© Кобец П. Н., 2015

Pedagogické vědy

УДК 374

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ГРАВИРОВАНИЮ ПО ДЕРЕВУ В ПРОЦЕССЕ ВНЕШКОЛЬНОГО И ВНЕКЛАССНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. Б. Ахмедов

*Старший преподаватель,
Ташкентский государственный
педагогический университет
имени Низами, г. Ташкент, Узбекистан*

TO STUDY OF PEDAGOGICAL PECULIARITIES OF THE CARVING OUTSIDE OF CLASSES AND SCHOOLS

M. B. Akhmedov

*Teacher,
Tashkent State Pedagogical University
named after Nizami,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The article is devoted to study of imitative arts and practical arts in the independently. There some ideas about organising of the carving circle and how to teach creational activity.

Keywords: circle; imitative arts; wood; painting; architecture; ability of people; creational activity; carving; monument.

Одна из основных задач при организации внеклассных и внешкольных занятий по изобразительному и прикладному искусствам состоит в привлечении учеников к творческой деятельности. Лишь человек, обладающий выраженным творческим чувством, а также способный на независимое мышление и индивидуальную работу, может обладать самобытностью и свободой и сможет создать неповторимые и оригинальные произведения. Творчество есть высшее проявление регулярной и самостоятельной работы личности над собой [4, с. 215].

Ясность, новизна и общественная значимость произведения позволяют оценить по достоинству творчество ав-

тора. Следующий ряд особенностей отличает творческий процесс от обычной деятельности:

а) постановка задачи, то есть определение назначения изделия, изготавливаемого в кружке гравирования по дереву: создается ли вещь впервые или прежде такое уже исполнялось, и в случае, если подобное уже создавалось, то чем будет отличаться нынешний продукт от предыдущих;

б) умение рассмотреть творческие и проблемные аспекты работы;

в) избежание постоянного повторения лишь необходимых для учеников знаний и требование освоения новых, полностью применяя уже имеющийся багаж на практике;

г) при постановке задач перед детьми преподаватель – руководитель кружка – должен учитывать их жизненный опыт [4].

Ниже будут рассматриваться важнейшие аспекты организации творческой деятельности учеников в кружках гравирования по дереву.

Кружки изобразительно-прикладного искусства и гравирования по дереву отличаются от обычных классных занятий широкими возможностями для развития самостоятельной творческой деятельности учеников.

Классные занятия отличаются от кружковых по следующим признакам:

Во-первых, в кружках занятия планируются не по строгим учебным планам, а согласно увлечениям и способностям учеников.

Во-вторых, в отличие от возрастного распределения по классам в школе, в кружковых группах ученики распределяются согласно интересам и увлечениям [3; 4].

В-третьих, участие в кружках является сугубо добровольным, ученики могут перейти из одного кружка в другой в любое время, совсем перестать посещать их или же записаться в два кружка одновременно. Например, творчество – спорт, моделирование – самодеятельность, изобразительно-прикладное искусство – архитектура.

В-четвертых, в процессе проведения занятий руководитель кружка может не соблюдать требования строгой, характерной для классных занятий последовательности урока наподобие введения, организационной части, основной части – разъяснения новой темы и заключительной части – закрепления материала. Естественно, это не значит, что каждый руководитель может проводить занятия как ему угодно; здесь подразумевается, что руководитель может глубже, более детально разъяснить тот или иной аспект занятия – практическую часть,

демонстрационную часть или анализ готового изделия.

В-пятых, занятия кружка нацелены на глубокое изучение какой-либо области, а ученики стремятся к самостоятельной работе, свободе действий, практическому применению знаний в течение занятий, то есть полный индивидуальный контроль учителя, в отличие от классных занятий, отсутствует; создается благоприятная среда для самостоятельных действий учеников, в то время как учитель выполняет роль наблюдателя и советчика.

В-шестых, если участники кружка гравирования по дереву не успевают выполнить все задания за одно занятие, либо осваивают материал, намеченный на 2–3 занятия, за более короткий срок, то они могут переходить к следующей теме, не дожидаясь учеников, пока не закончивших материал. Кружковые занятия могут проводиться не только в отведенных для этого кабинетах, но также и в творческих цехах, разнообразных помещениях, музеях, у архитектурных памятников и других подобных местах.

Кружки гравирования по дереву в основном организуются по 3 категориям (группам), основываясь на увлечениях детей, их знаниях, уровне развития их навыков:

- 1) младшая группа (для детей 9–12 лет),
- 2) средняя группа (для детей 12–14 лет),
- 3) старшая группа (для детей 15–17 лет) [2, с. 245].

Конечно, подобное возрастное разделение групп не мотивировано принципиально возрастными соображениями. В соответствии с качеством освоения ими материала дети из младших групп могут перейти на следующие ступени обучения раньше назначенного времени. При кружке для каждой группы составляются учебная программа и план занятий, которые обсуждаются на ме-

тодических советах и утверждаются ответственными лицами.

При изучении гравирования по дереву в младших группах предлагается рассмотреть следующие темы.

1. Дерево в нашей жизни; о гравировании по дереву.

2. Правила безопасности (пожарная, электрическая, газовая, санитарно-гигиеническая безопасность и т. п.).

3. Узоры; виды, элементы узоров; обычный узор, каемка, паргори, геометрические узоры.

4. Подготовка, планировка древесины к гравированию; отметка узоров.

5. Инструменты для гравирования и их устройство.

6. Подготовка необходимого материала для гравирования.

7. Требования к месту работы – освещение, воздух, влажность.

8. Гравированные изделия, их наименование.

9. Плотницкая обработка древесины: высушивание, планировка, резка, сверление отверстий, прикрепление, отделывание.

10. Подготовка досок для гравирования; вымачивание, высушивание, пропитывание маслом, планировка, прикрепление клеем, предварительное сверление отверстий, прокалывание.

11. Гравирование узоров на простых предметах. Школы гравирования по дереву.

12. Хивинская и Хорезмская школы, их методы работы; Ташкентская школа; Ферганская школа; Самаркандская, Бухарская и другие школы, их методы работы.

13. Анализ готовых работ на выбор; организация выставок.

В процессе работы с детьми в кружках необходимо также обращать внимание на развитие у них элементов эстетического воспитания. При заучивании и описывании узоров у учеников развиваются творческие способности, наблюдательность, сообразительность,

осмысливание, чувство изящества. Расширяется представление учеников о вещах и явлениях, усиливается их стремление к великолепию и самой жизни, и они постепенно трансформируются в прекрасных личностей, созерцающих природу, мир, общество, человеческую красоту. Обучая детей гравированию, учителя и воспитатели должны иметь в виду их психологические и возрастные особенности. Способности запоминания и вспоминания детей развиваются с помощью творческих приемов работы разных мастеров. Необходимо учитывать возрастные особенности и способности детей, обучая их самым основным из этих приемов, созданию элементов узоров и целых композиций и больших изображений из этих узоров.

Особенного внимания также заслуживают изменения в психике и развитии детей, которые происходят на разных переходных этапах. Важным фактором являются задачи, в которых учитывается возрастной период. Например, в детстве, юности и подростковом возрасте, а также при переходе из одного возраста в следующий происходят ощутимые изменения в характере и психике детей. Крайне важно, чтобы воспитатель, учитель, мастер смогли увидеть эти изменения.

С учетом возрастных, личностных и психологических особенностей учеников учитель, воспитатель или мастер вместе с заданиями могут предоставлять им готовые формы, однако со временем это должно исключаться, ибо продолжительное использование готовых форм понизит наблюдательность и оригинальность ученика. Например, мастер – гравировщик по дереву показывает способ обработки древесины при подготовке к работе, а затем демонстрирует примеры готовых изделий. Ученик же должен самостоятельно вымочить, высушить, выполировать, измерить, вырезать, распилить и пропитать маслом древесину. Используя

циркуль, линейку и нить, мастер один раз показывает весь процесс измерения и планировки на доске. И каждый ученик замеряет и планирует свой образец. Мастер переходит к роли наблюдателя.

Необходимо обеспечить постепенное развитие интеллекта, памяти и интересов детей на занятиях в кружке гравирования по дереву. Интеллект отражает гибкость разума человека, следовательно, оказывает сильное влияние на творчество и является основным источником вдохновения [1, с. 8].

Умение направлять мысли и внимание детей на обрабатываемый объект и уменьшение факторов, мешающих им, может с высокой вероятностью гарантировать появление на свет настоящего произведения искусства. Естественно, мастер или руководитель кружка должен всегда учитывать этот фактор.

Библиографический список

1. Ахмедов М. Б. Ёғоч ўймакорлиги. – Т. : Иқтисод-Молия, 2007. – 108 с.
2. Булатов С. С. Ўзбек халқ амалий безак санъати. – Т. : Мехнат, 1991. – 384 с.
3. Мирзаахмедов М. Х. Материалларга бадий ишлов бериш. – Т. : Ўқитувчи, 1986.
4. Педагогика / А. К. Мунавваров тахр. ост. – Т. : Ўқитувчи, 1995. – 300 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ahmedov M. B. Jogoch yjmakorligi. – Т. : Iktisod-Molija, 2007. – 108 s.
2. Bulatov S. S. Yzbek halk amaliy bezak sanati. – Т. : Mexnat, 1991. – 384 s.
3. Mirzaaxmedov M. H. Materiallarga badiij ishlov berish. – Т. : Ykituvchi, 1986.
4. Pedagogika / A. K. Munavvarov taxr. ost. – Т. : Ykituvchi, 1995. – 300 s.

© Ахмедов М. У. Б., 2015

Psychologické vědy

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОМИНИРУЮЩИХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ПОДРОСТКОВ С ВИРТУАЛЬНОЙ АДДИКЦИЕЙ

Р. Д. Бердин

*Студент,
Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Россия*

THE STUDY OF THE DOMINANT COPING STRATEGIES IN ADOLESCENTS WITH VIRTUAL ADDICTION

R. D. Berdin

*Student,
Bashkir State University,
Ufa, Russia*

Summary. The article presents the results of a study aimed at identifying the dominant ways of coping with stress in adolescents with Internet addiction.

Keywords: teens; virtual addiction; coping strategies; escapism.

Виртуальная аддикция, в частности подростковая интернет-зависимость, является многосторонней проблемой, что, в свою очередь, вызывает необходимость изучения различных аспектов ее влияния на жизнь аддиктов и рассмотрения тех особенностей их личности, на которые данная проблема может оказывать непосредственное влияние, а также факторов, которые способствовали ее появлению.

Одна из этих сторон может быть рассмотрена в рамках изучения поведения виртуальных аддиктов при возникновении у них стрессовых ситуаций, так называемых копинг-стратегий, или способов совладания со стрессом.

В настоящее время совладающее поведение (копинг) вызывает достаточно большой интерес в психологической науке как среди отечественных, так и зарубежных исследователей; с целью выявления и измерения копинг-стратегий применяют отечественные,

а также адаптированные зарубежные методики [3, с. 4].

В психологической литературе представлено множество классификаций способов совладания со стрессом. Одна из них предложена Е. Фрайденбергом и Р. Льюисом, которые делят копинг-стратегии на 3 категории: первая заключается в обращении к другим людям (например, обращение за поддержкой к родителям, сверстникам и т. д.), вторая категория именуется как непродуктивное совладание (стратегии избегания по причине неспособности справиться с ситуацией), третья категория – продуктивное совладание, которое может включать в себя работу над проблемой, сохранение оптимизма, социальную связь с другими и тонус [4].

С целью определения наиболее предпочитаемого способа совладания интернет-зависимых подростков со стрессом, нами было проведено исследование. В качестве респондентов

выступили 47 человек в возрасте от 14 до 17 лет, у которых изначально по результатам обработки данных по методу скрининговой диагностики компьютерной зависимости Юрьевой и Больбот [5] были выявлены стадия увлечения, «прилипания» к зависимости, так называемого аттачмента (44%), а также первая (40%) и вторая (16%) стадии интернет-зависимости.

В настоящем исследовании респондентам было предложено ответить на вопросы опросника «Способы совладающего поведения» Лазаруса [1; 2], в котором необходимо было выбрать в каждом из пятидесяти утверждений о способе поведения в трудной ситуации наиболее характерный для испытуемого вариант ответа (никогда; редко; иногда; часто).

Анализ полученных данных показал, что 28 человек (59%) по копинг-стратегии «Бегство-избегание» набрали более 60 баллов (в адаптации Вассермана и соавторов), что говорит о выраженном предпочтении данной стратегии, при которой возможны неконструктивные формы поведения в стрессовых ситуациях, к примеру, полное или частичное отрицание и/или игнорирование проблемы с целью снижения эмоционального напряжения; 11 человек (23%) отдают предпочтение дистанцированию, то есть способу совладания со стрессом, который заключается в преодолении негативных переживаний за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее (к примеру, путем рационализации); оставшиеся 8 человек в большей степени придерживаются продуктивных копинг-стратегий, а именно – «Принятие ответственности», «Планирование решения проблемы» и «Поиск социальной поддержки».

Таким образом, на основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что подростки с виртуальной аддикцией отдают предпочтение не-

продуктивным способам совладания со стрессом, которые, как и в случае с самой виртуальной зависимостью, непосредственно связаны с элементами эскапизма, то есть стремлением уйти от реальной действительности в мир иллюзий.

Библиографический список

1. Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93–112.
2. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и медицинских психологов / под ред. Л. И. Вассермана и др. – СПб.: Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009.
3. Никифорова Д. М., Кружкова О. В. Проблема диагностики копинг-стратегий в современном психологическом измерении // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2012. – № 31. – С. 4–12.
4. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011.
5. Юрьева Л. Н., Больбот Т. Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: монография. – Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Krjukova T. L., Kuftjak E. V. Oprosnik sposobov sovladanija (adaptacija metodiki WCQ) // Zhurnal prakticheskogo psihologa. – 2007. – № 3. – S. 93–112.
2. Metodika dlja psihologicheskoi diagnostiki sposobov sovladanija so stressovymi i problemnymi dlja lichnosti situacijami // Posobie dlja vrachej i medicinskih psihologov / Pod red. L. I. Vassermana i dr. – SPb.: Izd-vo NIPNI im. V. M. Behtereva, 2009.
3. Nikiforova D. M., Kruzhkova O. V. Problema diagnostiki koping-strategij v sovremennom psihologicheskom izmerenii // Vestnik JuUrGU. Serija: Psihologija. – 2012. – № 31. – S. 4–12.
4. Psihologija obshhenija. Jenciklopedicheskij slovar / Pod obshh. red. A. A. Bodaleva. – M.: Izd-vo «Kogito-Centr», 2011.
5. Jur'eva L. N., Bol'bot T. Ju. Komp'juternaja zavisimost': formirovanie, diagnostika, korrekcija i profilaktika: monografija. – Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. – 196 s.

© Бердин Р. Д., 2015

УДК 159.9.07

**РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ В ПОДГОТОВКЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Н. А. Заруба

*Доктор социологических наук,
кандидат педагогических наук, профессор,*

З. В. Милькова

*Студентка 3 курса,
Кемеровский государственный
университет культуры и искусств,
г. Кемерово, Россия*

**THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL DIAGNOSIS
IN HIGH SCHOOL TRAINING AT PRESENT STAGE
OF VOCATIONAL EDUCATION DEVELOPMENT**

N. A. Zaruba

*Doctor of Sociological Sciences,
Candidate of Pedagogical Sciences, professor,*

Z. V. Milkova

*3d year student,
Kemerovo State University of Culture and Arts,
Kemerovo, Russia*

Summary. The article proves significant for the present stage of development of vocational education point of view, which is that modern conditions of preparation of high school graduates, due to the peculiarities of admission of students on the results of the exams only, without taking into account their personal characteristics, abilities and possibilities in the chosen specialty, require additional conditions to form them as professionals. As such condition, we can treat actualization of psychological diagnostics during training in high school in order to identify and develop the individual characteristics of the students professionally significant for the chosen specialty.

Keywords: psychological diagnosis; management; personal professionally significant qualities manager; personality qualities.

Выбор профессии – один из самых важных выборов в жизни человека. Как профессия будет соответствовать способностям и склонностям человека, как эффективно человек будет выполнять необходимые в его профессии действия – в значительной мере будет определять качество его жизни. Из чего следует, что изучение личностных качеств человека, его психологических особенностей требует применения диагностики профессиональной профпригодности и является актуальным, подлежащим тщательному изучению.

Кроме того, предполагается, что это позволит снизить количество студентов,

которые не осознают неадекватность своих индивидуальных особенностей выбранной специальности, а понимание этого, возможно, будет способствовать их желанию формировать те или иные способности в процессе обучения в вузе, важные для выбранной ими будущей профессии.

Диагностика профессиональной профпригодности заключается в том, чтобы определить, какими склонностями, способностями и другими индивидуально-психологическими особенностями личности обладает человек, при осуществлении какой деятельности он будет чувствовать себя максимально

гармонично. Значит, можно спрогнозировать степень влияния индивидуально-психологических качеств человека на формирование его личности как личности профессионала, то есть речь идет о личностных профессионально значимых качествах. «Личностные профессионально значимые качества – это отдельные динамические черты личности, определяющие психические и психо-моторные свойства, физические качества, соответствующие требованиям профессии к человеку и способствующие успешному овладению этой профессией» [3].

Следовательно, личностные профессионально значимые качества могут развиваться и формироваться в процессе учебной деятельности в вузе. В соответствии с требованиями менеджер, как специалист, должен обладать профессиональными качествами, позволяющими:

- выявлять проблему с учетом ее взаимосвязей с другими задачами управления;
- принимать оптимальные решения с учетом мнения различных специалистов;
- оперативно руководить и контролировать работу сотрудников [7].

Таким образом, личностными профессионально значимыми качествами менеджера являются обобщенные, наиболее устойчивые характеристики, которые оказывают решающее влияние на управленческую деятельность. Это весьма сложные в психологическом плане образования, зависящие от множества факторов: особенностей характера, структуры личности, ее направленности, способности, условий деятельности – это организаторские и коммуникативные способности специалиста.

Анализ теоретических основ взаимосвязи индивидуальных психологических особенностей в формировании личности профессионала позволил провести исследование на предмет выявления этих взаимосвязей у студентов

2 и 3 курсов КемГУКИ, в количестве 45 человек, планирующих получить профессию менеджера.

Было сделано предположение, что студенты, намеревающиеся получить профессию менеджера, обладают основными качествами, необходимыми менеджеру-профессионалу.

Для диагностики были подобраны такие методы, как тестирование, методика Л. П. Калининского. Это позволило определить степень выраженности необходимых профессиональному менеджеру свойств у студентов направления подготовки «Менеджмент», рассмотреть, действительно ли студенты, планирующие получить профессию менеджера, обладают основными качествами, необходимыми менеджеру-профессионалу.

По методике Л. П. Калининского «Методика определения организаторских и коммуникативных качеств Л. П. Калининского», основными качествами личности являются направленность, деловитость, доминирование, уверенность, требовательность, упрямство, негативизм личности, уступчивость, зависимость, психологический такт и отзывчивость.

Применение этой методики позволило определить профессионально значимые качества менеджера у студентов КемГУКИ по следующим критериям, находящимся в зонах: Номинальная (0–3), Потенциальная (4–7), Потенциальная (8–11), «Суперзона» (12–15).

Анализ результатов показывает следующее:

- предложенные в опросе «Качества личности» у большинства опрошенных студентов находятся на среднем уровне, а именно в перспективной и потенциальной зонах, представленных на рис. 1;
- 6 наименований «Качеств личности» из 10 находятся на высшем уровне, в «Суперзоне»: деловитость, уверенность, требовательность, зависимость, психологический такт и отзывчивость.

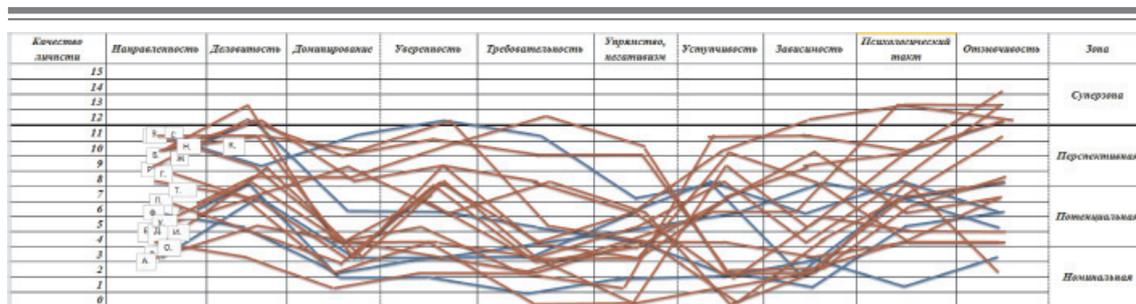

Рис. 1. Показатели основных качеств менеджера

На основе проведенного анализа представляется возможным наглядно рассмотреть перечисленные качества личности.

Направленность личности характеризуется как совокупность устойчивых,

относительно независимых от сложившейся ситуации мотивов, ориентирующих поведение и деятельность личности, что принципиально важно для студентов данной специальности [6].

Направленность личности

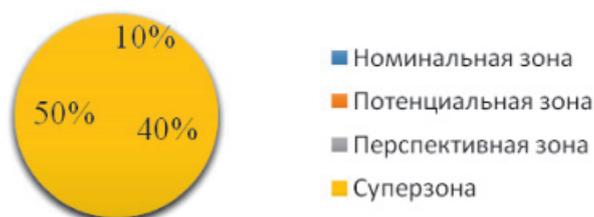

Рис. 2. Данные развития «направленности» личности

Направленность – это качество личности, необходимое для деятельности в сфере управления, которое было определено в данном исследовании на основе предложенной методики для определения организаторских и коммуникативных качеств.

Полученные данные, представленные в виде диаграммы, показывают, что «суперзону» не достигает ни один респондент. При этом 50% опрошенных достигают «перспективной зоны». Это предполагает, что во время дальнейшего

обучения или после окончания университета студенты смогут достичь нужного уровня данного качества при условии создания для этого специально организованной образовательной среды в вузе.

Такое качество, как «деловитость», включает организованность и четкость в работе, умение находить наиболее рациональные способы решения возникающих практических задач, настойчивость и последовательность в преодолении трудностей и достижения поставленной цели [5].

Полученные результаты, представленные в диаграмме, показывают, что только 20 % от числа опрошенных достигают по уровню сформированности этого качества «суперзону», однако 45 % студентов из «перспективной зоны» вселяют надежду на возможность дальнейшего его развития.

Важно для профессиональной деятельности в сфере управления такое качество, как доминирование, сущ-

ность которого состоит в «господствовании, властвовании в обстановке, в преобладании».

Диаграмма (рис. 3) показывает, что «суперзоны» не достиг никто, 45 % – в «номинальной», 25 % – в «потенциальной» и 30 % – в «перспективной», то есть 55 % студентов специальности «Менеджмент» нуждаются в развитии столь важного качества личности для данной профессии.

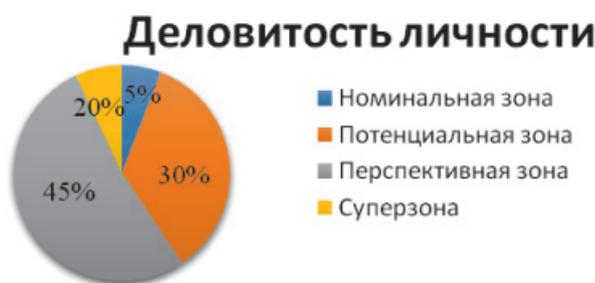

Рис. 3. Данные развития «деловитости» личности

Положительным, нравственно-эстетическим качеством личности является «уверенность» личности. Это качество заключается в объективной самооценке своих возможностей и соответствующем доверии к себе при решении тех или иных задач. Уверенность – это отсутствие сомнения, колебаний в успешности деятельности,

убежденность в своих силах. Диаграмма данных по «уверенности личности» (рис. 4) показывает, что 65 % студентов, которые оказались в «потенциальной зоне» (30 %) и в «перспективной зоне» (35 %), нуждаются в развитии уверенности как качестве важном для своей будущей профессиональной деятельности [1].

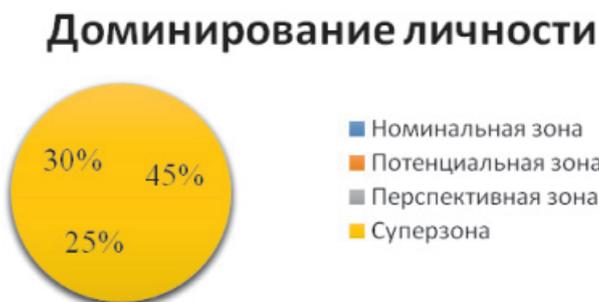

Рис. 4. Данные развития «доминирования» личности

Такое качество, как «требовательность», также важное для будущей сферы профессиональной деятельности студентов, характеризуется как положительное нравственно-эстетическое и волевое качество личности. Это качество выражается в способности человека

побудить себя или других к действию, к его качественному выполнению или закрепить вредные действия. Делается это посредством советов, просьб, заданий, указов, распоряжений, поручений, наказов и различных форм контроля результатов их выполнения [1].

Уверенность личности

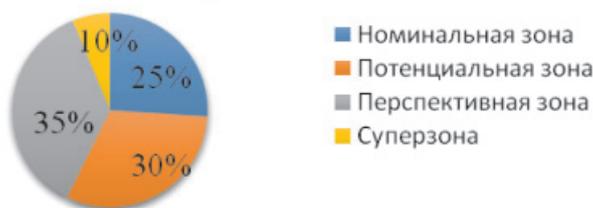

Рис. 5. Данные развития «уверенности» личности

Анализ данных опроса показал, что 5% респондентов обладают высоким уровнем «требовательности», что показывает, что этой группе студентов легко побудить себя или других к действию, к качественному выполнению или закреплению вредных действий. У 45% опрошенных студентов уровень «требовательности» находится в «потенциальной» и «перспективной» зонах. Это свидетель-

ствует о необходимости в развитии данного качества посредством обучающих программ и развивающих это качество методик. Однако 50% опрошенных совсем не обладают этим качеством, они не умеют давать поручения посредством советов, просьб, заданий, указов, распоряжений, поручений, наказов, кроме этого, они не умеют контролировать результаты выполнения этих установок.

Требовательность личности

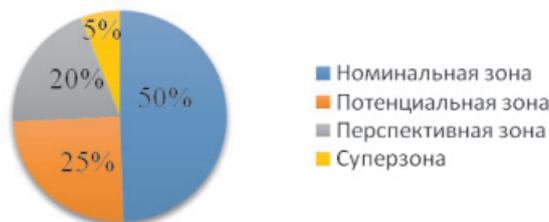

Рис. 6. Данные развития «требовательности» личности

Авторы Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров определяют упрямство и негативизм так: «Упрямство – это

особенность поведения (переходящая в черту характера), как дефект волевой сферы человека, выражающийся

в стремлении во что бы то ни стало поступать по-своему, вопреки разумным доводам, просьбам, советам, указаниям других людей». «Негативизм – каче-

ство личности, проявляющееся в намеренном противопоставлении себя любым внешним требованиям и ожиданиям» [2].

Упрямство, негативизм личности

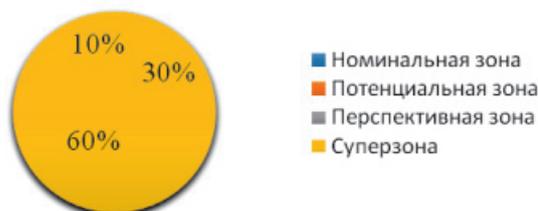

Рис. 7. Данные развития «упрямства, негативизма» личности

Упрямство и негативизм как качества личности, которые не желательны для будущей профессиональной деятельности менеджера, ни у одного респондента не достигают уровня «суперзоны». Только у 10 % опрошенных это качество находится в «перспективной» зоне, у 60 % опрошенных упрямство достигает «номинальной» зоны. Важным качеством, на наш взгляд, для будущей профессиональной деятельности является «уступчивость» личности, она проявляется в гибкости,

сговорчивости, милосердия по отношению к другим людям.

Таким качеством респонденты обладают на среднем уровне, а именно их ответы находятся в «потенциальной» (25 %) и «перспективной» (35 %) зонах. «Суперзону» не достиг ни один респондент. Эти данные могут означать, что, не развивая уступчивость, в личности возможно формирование и преобладание противоположных качеств – непреклонности, упрямства или негативизма.

Уступчивость личности

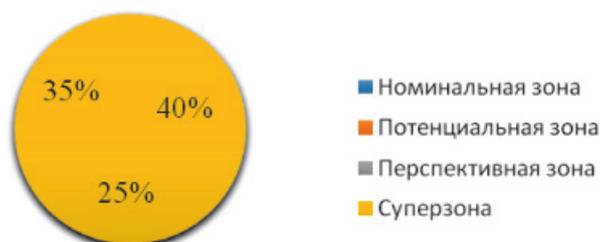

Рис. 8. Данные развития «уступчивости» личности

Рассмотрев такие противоположные качества, как «упрямство», «негативизм» и «уступчивость», нужно отметить, что эти черты должны быть в пропорциональном соотношении друг к другу. Каждое из этих качеств важно для менеджера в разных ситуациях в определенном количестве, то есть необходим оптимальный баланс между «непреклонностью», «упорством» и «податливостью». Руководитель должен уметь эффективно пользоваться каждым из них для до-

стижения наилучших результатов в работе.

Такое качество личности, как «зависимость», характеризуется как глубоко укоренившаяся привычка. Данной чертой в нашем исследовании обладают 5 % респондентов на уровне «суперзоны», 55 % респондентов способны развить это качество до нужного им уровня при помощи специальной работы над собой. Конечно, в данном случае речь идет о формировании положительных привычек, важных для менеджера.

Зависимость личности

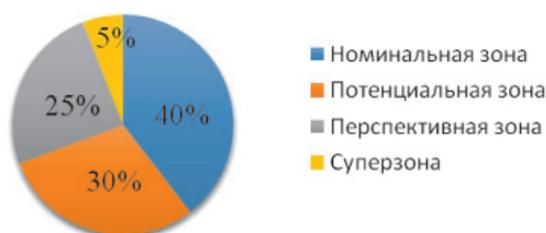

Рис. 9. Данные развития «зависимости» личности

В основе такого качества личности, как «психологический такт» или «такт менеджера», лежат психологические знания, умения, навыки, необходимые для управленческой деятельности.

На диаграмме показано, что 10 % опрошенных студентов владеют качеством

«психологический такт», то есть они достигают «суперзону». Эти студенты владеют собой, своими эмоциями и чувствами. Однако 85 % студентов нуждаются в развитии этого качества с целью понимания себя, для развития способности осуществлять контроль над ситуацией, над собой.

Психологический такт личности

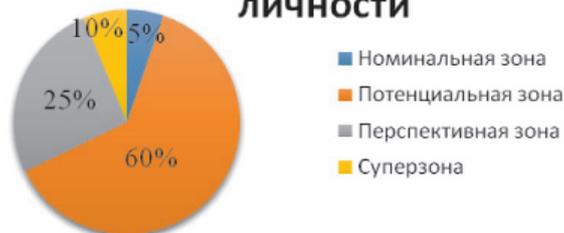

Рис. 10. Данные развития «психологического такта» личности

Качество личности «отзывчивость» определяет готовность индивида помочь кому-либо в беде, сложной ситуации – вселяет во многих чувство стабильности в жизни, уверенность в господстве добра. Изучение показало, что таким качеством уже овладели 30% опрошенных, уровень их

«отзывчивости» находится в «суперзоне». В то же время 60% студентов нуждаются в развитии этой черты для обладания хорошо развитой эмпатийности, эмоциональной реактивности, чувствительности к поведению других, альтруизма, беззащитности, исполнительности и ответственности.

Отзывчивость личности

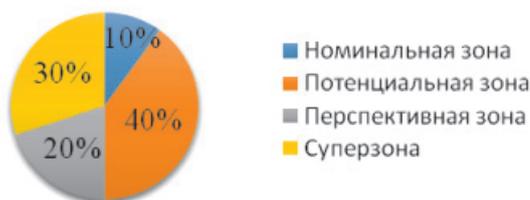

Рис. 11. Данные развития «отзывчивости» личности

Таким образом, проведенное нами исследование позволило сформулировать следующие выводы: при поступлении в вуз на специальность «Менеджмент» далеко не все студенты обладают требуемыми, желаемыми «качествами личности» для обучения на данной специальности.

Только 15% обучающихся имеют явно выраженные качества личности, важные для будущей профессиональной деятельности; 30% обучающихся обладают 5 (пятью) качествами личности (из 10 по методике Калининского), значимыми для профессиональной деятельности.

Кроме того, 35% студентов обладают качествами личности, важными для будущей профессиональной деятельности, на низком уровне, а 25% респондентов не обладают совсем нужными для менеджера качествами личности.

Для усиления достоверности результатов был использован еще один психологический тест [4], позволяющий

определить лидерские качества студентов специальности «Менеджмент».

Студентам было предложено проанализировать свой характер, который проявляется в поступках, в отношении к людям, в выборе, который каждый делает в той или иной ситуации. Для этого были представлены 15 утверждений, с которыми респонденты могли согласиться (выбрав ответ «да»), которые можно было опровергнуть (дать ответ «нет»), кроме того, был ответ неопределенности в период проведения опроса («не знаю»). Далее нужно было сравнить свои ответы с ключом, после сделать вывод: кто Вы – капитан или пассажир. Результаты опроса представлены на диаграмме (рис. 12).

Анализ ответов позволил определить, что 60%, набравших 100–150 баллов, являются «капитанами» собственной жизни. Это ответственные, целеустремленные люди, преодолевающие трудности, не преувеличивая их и не возводя в ранг жизненных

проблем. Установлено, что 40%, набравших от 50 до 99 баллов, являются «пассажирами». Данные студенты охотно бывают «рулевыми», но могут, если это необходимо, передавать штурвал в верные руки. Это характеризует их как гибких, рассудительных и чутких людей.

Рис. 12. Данные развития лидерских качеств

В заключение следует отметить, что для того, чтобы специалист, закончивший высшее учебное заведение, стал эффективным руководителем, необходимо выявлять способности студента на первом этапе при поступлении в вуз, при выборе специальности. Это позволит выявить, обладает ли студент необходимыми качествами личности, которые будут ему нужны при приобретении знаний и для дальнейшего их развития в профессиональной деятельности. Для формирования индивидуальных и социально-психологических качеств личности необходимо проводить целенаправленную работу со студентом, где важным компонентом является создание педагогических и психологических условий в вузе.

Библиографический список

1. Безрукова В. С. Основы духовной культуры : энциклопедический словарь педагога. – Екатеринбург, 2000. – 937 с.
2. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике (междисциплинарный) :

для учащихся, студентов, аспирантов, учителей и преподавателей вузов. – М. ; Ростов-на-Дону : МарТ, 2005. – 447 с.

3. Маришук В. Л. Психологические основы формирования профессионально-значимых качеств : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Л., 1982. – 14 с.
4. Психологические тесты : полная карманная энциклопедия / сост. С. Касьянов. – М. : Эксмо, 2004. – 608 с.
5. Словарь по социальной педагогике : учебное пособие для студентов, изучающих психологию, социальную работу и социальную педагогику / Авт.-сост. Л. В. Мардахаев. – М. : Академия, 2002. – 365 с.
6. Словарь-справочник по возрастной и педагогической психологии / под ред. М. В. Гамезо. – М. : Педагогическое общество России, 2001. – 127 с.
7. Управление персоналом : словарь-справочник [Электронный ресурс] // Psyfactor. URL: <http://psyfactor.org/personalo.htm> (дата обращения: 05.11.2014).

Библиографический список

1. Bezrukova V. S. Osnovy duhovnoj kultury : jenciklopedicheskiy slovar pedagogov. – Ekaterinburg, 2000. – 937 s.
2. Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Ju. Slovar po pedagogike (mezhdisciplinarnyj) : dlja uchashhihsja, studentov, aspirantov, uchitelej i prepodavatelej vuzov. – M. ; Rostov-na-Donu : MarT, 2005. – 447 s.
3. Marishhuk V. L. Psihologicheskie osnovy formirovanija professionalno-znachimyh kachestv : avtoref. dis. ...kand. psihol. nauk. – L., 1982. – 14 s.
4. Psihologicheskie testy : polnaja karmanaja jenciklopedija / sost. S. Kasjanov. – M. : Jeksmo, 2004. – 608 s.
5. Slovar po socialnoj pedagogike : uchebnoe posobie dlja studentov, izuchajushhih psihologiju, socialnuju rabotu i socialnuju pedagogiku / Avt.-sost. L. V. Mardahaev. – M. : Akademija, 2002. – 365 s.
6. Slovar-spravochnik po vozrastnoj i pedagogicheskoj psihologii / pod red. M. V. Gamezo. – M. : Pedagogicheskoe obshhestvo Rossii, 2001. – 127 s.
7. Upravlenie personalom : slovar-spravochnik [Jelektronnyj resurs] // Psyfactor. URL: <http://psyfactor.org/personalo.htm> (data obrashhenija: 05.11.2014).

© Заруба Н. А., Милькова З. В., 2015

УДК 159.9.072.432

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАГИРОВАНИЯ
В «СИТУАЦИИ ЗАБОЛЕВАНИЯ» ПРИ КОМОРБИДНОМ ТЕЧЕНИИ
ХРОНИЧЕСКОЙ ЭПШТЕЙН-БАРР-ВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ
И ШИЗОАФФЕКТИВНОГО РАССТРОЙСТВА**

М. А. Ярославская

*Кандидат психологических наук,
Психиатрическая клиническая
больница № 12,*

Н. В. Хорошилова

*кандидат медицинских наук, доцент,
Московский научно-исследовательский
институт эпидемиологии и микробиологии
имени Г. Н. Габричевского,
г. Москва, Россия*

**PSYCHOLOGICAL FEATURES RESPONSE «DISEASE SITUATION»
IN COMORBIDITY OF CHRONIC EPSTEIN-BARR VIRUS
AND SCHIZOAFFECTIVE DISORDER**

M. A. Yaroslavskaya

*Candidate of Psychological Sciences,
Psychiatric hospital № 12,*

N. V. Khoroshilova

*candidate of Medical Sciences,
assistant professor,
Moscow Research Institute of Epidemiology
and Microbiology G. N. Gabrichevskogo,
Moscow, Russia*

Summary. The purpose of research was to identifying the psychological characteristics of response «situation disease» patients with comorbid chronic epstein-barr virus and during the schizoaffective disorder. The resulting personality profile of patients indicate a high level of social and psychological maladjustment.

Keywords: epstein-barr virus; schizoaffective disorder; personality; adaptation; coping.

Вирус Эпштейна-Барр (Human Herpesvirus 4) (ЭБИ) – представитель семейства Herpesviridae, подсемейства Gamma Herpesviridae рода Lymphocryptovirus. По мнению отечественных и зарубежных специалистов, относится к наиболее распространенным заболеваниям среди всех возрастных групп населения мира [1; 4; 5; 8–11; 13–15]. Клинически установлено, что ЭБИ играет роль этиологического фактора при инфекционном мононуклеозе, назофарингеальной карциноме, лимфоме Беркитта, болез-

ни Ходжкина и других заболеваниях [4; 5; 8–11, 13–15]. Ряд авторов полагают, что инфицирование ЭБИ существенно повышает риск возникновения психических расстройств у больного [14]. ЭБИ является серьезной проблемой здравоохранения, имеющей значительные психологические и социальные последствия для пациентов, что обуславливает пристальное внимание специалистов различных областей медицины и психологии, а также необходимость разработки и внедрения комплексного медико-психологического

подхода в лечебный процесс. В условиях хронического стресса заболевания существенно увеличивается риск развития психоэмоциональных расстройств и, как следствие, социальной дезадаптации больного, ухудшения качества его жизни; вследствие вышеизложенного становится особенно актуальной задача определения механизмов саморегуляции психической деятельности, поиска личностных резервов для успешного преодоления последствий болезни [2; 3; 6; 7].

Целью настоящего исследования явилось выявление психологических особенностей реагирования в «ситуации заболевания» больных при коморбидном течении хронической Эпштейн-Барр вирусной инфекции и шизоаффективного расстройства.

Характеристика групп обследованных и методы исследования

В исследовании приняли участие 30 человек в возрасте от 21 до 49 лет. Основная группа включала в себя 15 пациентов с коморбидным течением хронической Эпштейн-Барр вирусной инфекции в стадии обострения и шизоаффективного расстройства (МКБ 10: F 25). Больные были приняты на лечение в отделения ПКБ № 12 г. Москвы по рекомендации кандидата медицинских наук, врача аллерголога-иммунолога Московского научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии имени Г. Н. Габричевского Н. В. Хорошиловой. Все пациенты проходили первичное психологическое консультирование и диагностическое исследование у кандидата психологических наук, клинического психолога М. А. Ярославской. Жалобы пациентов при коморбидном течении ЭБИ и шизоаффективного расстройства сводились к головным болям, ощущениям слабости, усталости, учащению простудных заболеваний, поражению кожного покрова пузырьковыми высыпаниями, с большей концентрацией

в области верхней и нижней губы, слизистой рта, половых органов, увеличению лимфатических узлов, повышению температуры тела; со стороны психики вышеописанные особенности дополнялись такими симптомами, как эмоциональная неустойчивость, раздражительность, подозрительность, тревожность, чувство «сделанности мыслей», их «открытости». Средний возраст пациентов составил $43,4 \pm 15,3$.

С целью демонстрации усредненных значений по методикам, вторую группу составили 15 условно здоровых человек, средний возраст – $41,5 \pm 16,2$.

Группы являлись сопоставимыми по основным социально-демографическим характеристикам.

Для изучения личностных особенностей применялась методика СМИЛ Л. Н. Собчик, 2002. Для изучения частоты использования и оценки степени эффективности копинг-стратегий применялся копинг-опросник Ways of Coping Questionnaire (WCQ) R. S. Lazarus, S. Folkman, адаптированный в лаборатории психоневрологического института имени В. М. Бехтерева под руководством Л. И. Вассермана, 2009. Для оценки степени истощения личностных ресурсов стрессоустойчивости использовался опросник потерь и приобретений персональных ресурсов (ОППР) Н. Е. Водопьяновой, М. В. Штейн, 2009.

Статистическая обработка результатов исследования

При статистической обработке результатов рассчитывались среднеарифметические значения, стандартные отклонения, достоверность различий между группами. Последний показатель рассчитывался по U-критерию Манна-Уитни. При обработке результатов использовалась компьютерная статистическая программа «Statistica 6.0». Использовали также программу MICROSOFT EXCEL 2003. Расчет производился с достоверностью $p \leq 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Для 1 группы (диаграмма № 1) в профиле ведущим является пиковое сочетание 2 и 8 шкал, где их значения значительно превышают 80Т баллов, а сопутствующие высокие значения по 7-й шкале дополняются низкими результатами 9-й шкалы и высокими 0-й, что указывает на эндогенный тип реагирования. Полученный личностный профиль у больных при коморбидном течении ЭБИ и шизоаффективного расстройства указывает на высокий уровень социально-психологической дезадаптации, ее хронификацию, проявляющуюся в навязчивых переживаниях, эмоциональной лабильности, склонности к реакциям раздражения и напряженности, неустойчивой самооценке, эгоцентризме, ипохондризации, болезненной сосредоточенности на своем самочувствии, высоком уровне тревожности, повышенной утомляемости,

ощущениях подавленности, опустошенности, усталости и угнетенности, потребности в отходе и ограничении социальных контактов. Соотношение шкал достоверности F и K выявляет устойчивую тенденцию в восприятии своего психосоматического состояния как тяжелого.

Достоверные различия ($P < 0,05$) были выявлены при сопоставлении результатов больных и здоровых испытуемых из 1 и 2 выборки. Здоровые испытуемые обнаруживают большую жизнестойкость в сравнении с пациентами при коморбидном течении ЭБИ с шизоаффективным расстройством. Они занимают активную личностную позицию, оказывают выраженное сопротивление стресс-средовым воздействиям, в структуре мотивационной направленности отмечается преобладание мотивации достижения, уверенность и быстрота в принятии решений.

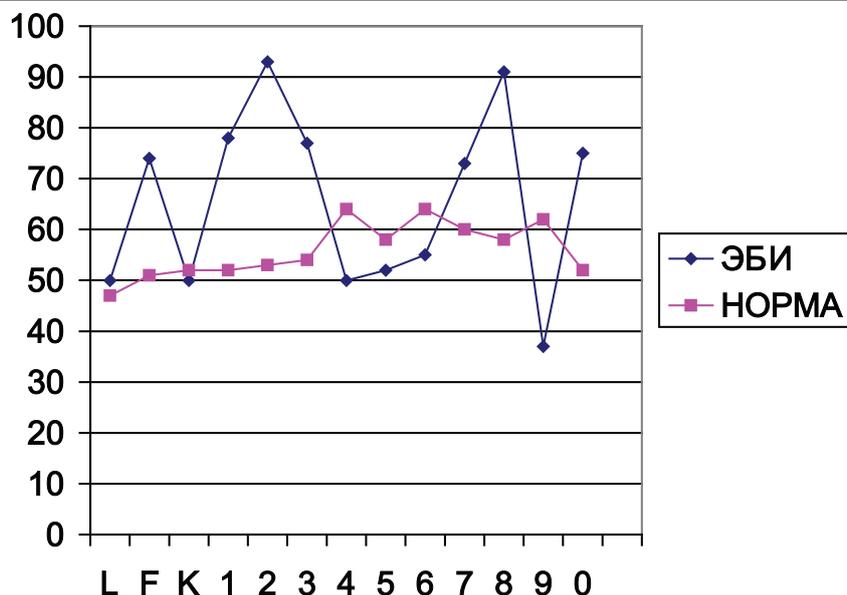

Диаграмма 1. Результаты исследования больных при коморбидном течении ЭБИ с шизоаффективным расстройством и здоровых испытуемых, полученные с помощью методики СМЛЛ

Выявленные данные согласуются с результатами исследования, полученными с помощью методики «WCQ» (диаграмма 2). В ходе исследования было установлено, что у больных при коморбидном течении ЭБИ с шизоаффективным расстройством, в целом, ограничен выбор эффективных способов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями.

Выявлены различия при сопоставлении результатов больных при коморбидном течении ЭБИ и шизоаффективного расстройства с данными здоровых испытуемых. Пациенты из 1 группы достоверно ($P < 0,05$) активнее обра-

щаются к копингам «конфронтация», «дистанцирование», «бегство – избегание», реже используют стратегии «самоконтроль», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка». Таким образом, у пациентов при коморбидном течении ЭБИ и шизоаффективного расстройства наблюдаются защитный характер поведенческой активности, низкий функциональный уровень совладающего поведения, несбалансированность функционирования когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов копинга.

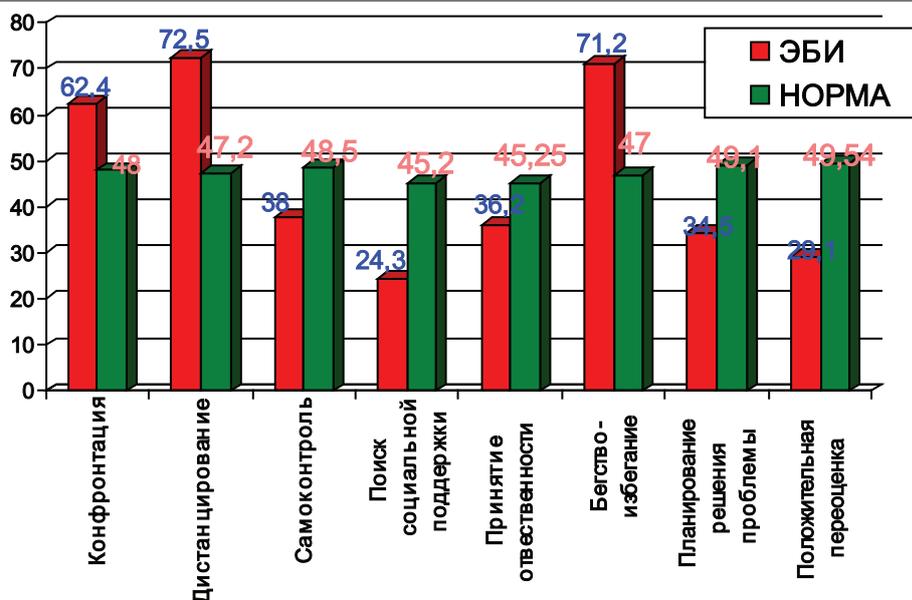

Диаграмма 2. Средние показатели предпочтительности стратегий преодолевающего поведения для пациентов при коморбидном течении ЭБИ с шизоаффективным расстройством и здоровых испытуемых, полученных с помощью методики «WCQ»

Для больных при коморбидном течении ЭБИ и шизоаффективного расстройства в ситуациях стресса и заболевания наиболее предпочтительными стратегиями совладания являются эмоционально-ориентированные, они не-

дооценивают значимость возможностей действенного преодоления проблемных ситуаций, проявляют недостаточную целенаправленность и рациональную обоснованность поведения в проблемной ситуации, предрасположенность

к эмоциональной лабильности, внешне-обвиняющим реакциям, раздражительности, тревожности, слабому учету социальной действительности, испытывают выраженные трудности в использовании социальных ресурсов, склонны не признавать личной роли в возникновении трудностей, ухудшении своего состояния.

Результаты исследования ресурсности личности с помощью методики «Потери и приобретения персональных ресурсов» выявили высокий уровень ресурсности в группе здоровых испытуемых, средний балл составил $-1,5 \pm 0,7$, что достоверно ($P < 0,05$) выше в сравнении с показателями больных из 1 группы $-0,6 \pm 0,3$, для которых характерно расположение значений на нижней границе уровня ресурсности, что указывает на их большую стрессовую уязвимость, недостаточную удовлетворенность материальными средствами, нематериальными конструктами, внешними и внутренними – интерперсональными переменными.

Выводы

1. У больных при коморбидном течении ЭБИ и шизоаффективного расстройства отмечается высокий уровень социально-психологической дезадаптации.

2. Личностный профиль больных при коморбидном течении ЭБИ с шизоаффективным расстройством характеризуется преобладанием навязчивых переживаний, эмоциональной лабильности, склонности к реакциям раздражения и напряженности, неустойчивой самооценке, эгоцентризму, ипохондризацией, болезненной сосредоточенности на своем самочувствии, высоком уровне тревожности, повышенной утомляемости, ощущениях опустошенности, усталости и угнетенности, потребности в отходе и ограничении социальных контактов.

3. У больных при коморбидном течении ЭБИ с шизоаффективным расстройством ограничен выбор эффективных способов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями.

4. У больных при коморбидном течении ЭБИ с шизоаффективным расстройством отмечается разбалансированность функционирования эмоционального, когнитивного, поведенческого компонентов coping.

Библиографический список

1. Савченко Т. Н., Алешкин В. А., Агаева М. И., Шмарина Г. В. Беременность и инфекция, вызванная вирусом Эпштейна-Барр // Российский вестник акушера-гинеколога. – 2014. – № 5. – С. 22–27.
2. Сирота Н. А., Ярославская М. А. Исследование пассивных видов совладающего со стрессом поведения как механизмов адаптации/дезадаптации к заболеванию у больных бронхиальной астмой // Российский медицинский журнал (Болезни дыхательных путей. Оториноларингология). – 2011. – Т. 19. – № 8. – С. 522–524.
3. Сирота Н. А., Ярославская М. А. Исследование активных видов совладающего со стрессом поведения как механизмов адаптации/дезадаптации к заболеванию у больных бронхиальной астмой // Пульмонология. – 2012. – № 5. – С. 78–80.
4. Ющук Н. Д., Шестакова И. В. Некоторые аспекты лечения взрослых больных инфекцией, вызванной вирусом Эпштейна-Барр // Терапевтический архив. – 2014. – № 1. – С. 89–94.
5. Яковлева Л. С., Сенюта Н. Б., Степина В. Н., Гончарова Е. В., Щербак Л. Н., Джаббаров С. М., Гурцевич В. Э. Вирус Эпштейна-Барр у больных раком носоглотки: варианты гена LMP1, гуморальный ответ и клинические проявления болезни // Прикладная биохимия и микробиология. – 2012. – № 1. – С. 54–64.
6. Ярославская М. А., Петровская А. Н. Психологические особенности пациентов с болезнью Меньера и их психосоциальная адаптация // Вестник оториноларингологии. – 2013. – № 6. – С. 99–101.
7. Ярославская Л. И., Ярославская М. А. Исследование роли социальной поддержки в адаптации к болезни у пациентов, страдающих хроническими неспецифическими заболеваниями легких // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. – 2014. – № 1 (3) [Электронный ресурс]. URL: http://medpsy.ru/climp/2014_1_3/article11.php.
8. Chaganti S., Ma C. S., Bell A. I. et al. Epstein-Barr virus persistence in the absence of conventional memory B cells: IgM+IgD+CD27+ B cells harbor the virus in X-linked lymphoproliferative disease patients // Blood. – 2008; Aug 1. – № 112 (3). – P. 672–679.

9. Crawford D. H., Macsween K. F., Higgins C. D. et al. A cohort study among university students : identification of risk factors for Epstein-Barr virus seroconversion and infectious mononucleosis // *Clin Infect Dis.* – 2006. – № 43. – P. 276–282.
10. Gulley M. L., Glaser S. L., Craig F. E. et al. Guidelines for interpreting EBER in situ hybridization and LMP1 immunohistochemical tests for detecting Epstein-Barr virus in Hodgkin lymphoma // *Am J Clin Pathol.* – 2002. – № 117. – P. 259–267.
11. Hjalgrim H., Askling J., Rostgaard K. et al. Characteristics of Hodgkins lymphoma after infectious mononucleosis // *N Engl J Med.* – 2003. – № 349. – P. 1324–1332.
12. Khandaker GM, Stochl J, Zammit S, Lewis G, Jones PB. Childhood Epstein-Barr Virus infection and subsequent risk of psychotic experiences in adolescence : a population-based prospective serological study // *Schizophr Res.* – 2014 Sep. – № 158 (1–3). – P. 19–24.
13. Liebowitz D. Nasopharyngeal carcinoma : the Epstein-Barr virus association // *Semin Oncol.* – 1994 Jun. – № 21 (3). – P. 376–381.
14. Rowe C. L., Chen J., Jardetzky T. S., Longnecker R. Membrane Anchoring of Epstein-Barr Virus gp42 Inhibits Fusion with B Cells Even with Increased Flexibility Allowed by Engineered Spacers // *MBio.* – 2015 Jan 6. – № 6 (1).
15. Song MJ, Park CS, Hwang HS, Suh CW, Yoon DH, Huh J. A Case of Type II Enteropathy-Associated T-Cell Lymphoma with Epstein-Barr Virus Positivity // *Korean J Pathol.* – 2014 Dec. – № 48 (6). – P. 426–429.
- S. M., Gurcevic V. Je. Virus Jepshtejna-Barr u bolnyh rakom nosoglotki: varianty gena LMP1, gumoralnyj otvet i klinicheskie projavlenija bolezni // *Prikladnaja biohimija i mikrobiologija.* – 2012. – № 1. – S. 54–64.
6. Jaroslavskaja M. A., Petrovskaja A. N. Psihologicheskie osobennosti pacientov s boleznju Menera i ih psihosocialnaja adaptacija // *Vestnik otorinolaringologii.* – 2013. – № 6. – S. 99–101.
7. Jaroslavskaja L. I., Jaroslavskaja M. A. Issledovanie roli socialnoj podderzhki v adaptaciji k bolezni u pacientov, stradajushhiih hronicheskimi nespecificheskimi zabolevanijami legkih // *Klinicheskaja i medicinskaja psihologija : issledovanija, obuchenie, praktika : jelektron. nauch. zhurn.* – 2014. – № 1 (3) [Jelektronnyj resurs]. URL: http://medpsy.ru/climp/2014_1_3/article11.php.
8. Chaganti S., Ma C. S., Bell A. I. et al. Epstein-Barr virus persistence in the absence of conventional memory B cells : IgM+IgD+CD27+ B cells harbor the virus in X-linked lymphoproliferative disease patients // *Blood.* 2008; Aug 1, 112 (3): 672–679.
9. Crawford D. H., Macsween K. F., Higgins C. D. et al. A cohort study among university students : identification of risk factors for Epstein-Barr virus seroconversion and infectious mononucleosis // *Clin Infect Dis.* 2006; 43: 276–282.
10. Gulley M. L., Glaser S. L., Craig F. E. et al. Guidelines for interpreting EBER in situ hybridization and LMP1 immunohistochemical tests for detecting Epstein-Barr virus in Hodgkin lymphoma // *Am J Clin Pathol.* 2002; 117: 259–267.
11. Hjalgrim H., Askling J., Rostgaard K. et al. Characteristics of Hodgkins lymphoma after infectious mononucleosis // *N Engl J Med.* – 2003. – № 349. – P. 1324–1332.
12. Khandaker GM, Stochl J, Zammit S, Lewis G, Jones PB. Childhood Epstein-Barr Virus infection and subsequent risk of psychotic experiences in adolescence : a population-based prospective serological study // *Schizophr Res.* – 2014 Sep. – № 158 (1–3). – P. 19–24.
13. Liebowitz D. Nasopharyngeal carcinoma : the Epstein-Barr virus association // *Semin Oncol.* – 1994 Jun. – № 21 (3). – P. 376–381.
14. Rowe C. L., Chen J., Jardetzky T. S., Longnecker R. Membrane Anchoring of Epstein-Barr Virus gp42 Inhibits Fusion with B Cells Even with Increased Flexibility Allowed by Engineered Spacers // *MBio.* – 2015 Jan 6. – № 6 (1).
15. Song MJ, Park CS, Hwang HS, Suh CW, Yoon DH, Huh J. A Case of Type II Enteropathy-Associated T-Cell Lymphoma with Epstein-Barr Virus Positivity // *Korean J Pathol.* – 2014 Dec. – № 48 (6). – P. 426–429.

Bibliograficheskij spisok

1. Savchenko T. N., Aleshkin V. A., Agaeva M. I., Shmarina G. V. Beremennost i infekcija, vyzvannaja virusom Jepshtejna-Barr // *Rossijskij vestnik akushera-ginekologa.* – 2014. – № 5. – S. 22–27.
2. Sirota N. A., Jaroslavskaja M. A. Issledovanie passivnyh vidov sovladajushhego so stressom povedenija kak mehanizmov adaptacii/dezadaptacii k zabolevaniju u bolnyh bronhialnoj astmoj // *Rossijskij medicinskij zhurnal (Bolezni dyhatelnyh putej. Otorinolaringologija).* – 2011. – T. 19. – № 8. – S. 522–524.
3. Sirota N. A., Jaroslavskaja M. A. Issledovanie aktivnyh vidov sovladajushhego so stressom povedenija kak mehanizmov adaptacii/dezadaptacii k zabolevaniju u bolnyh bronhialnoj astmoj // *Pulmonologija.* – 2012. – № 5. S. 78–80.
4. Jushhuk N. D., Shestakova I. V. Nekotorye aspekty lechenija vzroslyh bolnyh infekciej, vyzvannoj virusom Jepshtejna-Barr // *Terapevticheskij arhiv.* – 2014. – № 1. – S. 89–94.
5. Jakovleva L. S., Senjuta N. B., Stepina V. N., Goncharova E. V., Shherbak L. N., Dzhabbarov S. M., Gurcevic V. Je. Virus Jepshtejna-Barr u bolnyh rakom nosoglotki: varianty gena LMP1, gumoralnyj otvet i klinicheskie projavlenija bolezni // *Prikladnaja biohimija i mikrobiologija.* – 2012. – № 1. – S. 54–64.
6. Jaroslavskaja M. A., Petrovskaja A. N. Psihologicheskie osobennosti pacientov s boleznju Menera i ih psihosocialnaja adaptacija // *Vestnik otorinolaringologii.* – 2013. – № 6. – S. 99–101.
7. Jaroslavskaja L. I., Jaroslavskaja M. A. Issledovanie roli socialnoj podderzhki v adaptaciji k bolezni u pacientov, stradajushhiih hronicheskimi nespecificheskimi zabolevanijami legkih // *Klinicheskaja i medicinskaja psihologija : issledovanija, obuchenie, praktika : jelektron. nauch. zhurn.* – 2014. – № 1 (3) [Jelektronnyj resurs]. URL: http://medpsy.ru/climp/2014_1_3/article11.php.
8. Chaganti S., Ma C. S., Bell A. I. et al. Epstein-Barr virus persistence in the absence of conventional memory B cells : IgM+IgD+CD27+ B cells harbor the virus in X-linked lymphoproliferative disease patients // *Blood.* 2008; Aug 1, 112 (3): 672–679.
9. Crawford D. H., Macsween K. F., Higgins C. D. et al. A cohort study among university students : identification of risk factors for Epstein-Barr virus seroconversion and infectious mononucleosis // *Clin Infect Dis.* 2006; 43: 276–282.
10. Gulley M. L., Glaser S. L., Craig F. E. et al. Guidelines for interpreting EBER in situ hybridization and LMP1 immunohistochemical tests for detecting Epstein-Barr virus in Hodgkin lymphoma // *Am J Clin Pathol.* 2002; 117: 259–267.
11. Hjalgrim H., Askling J., Rostgaard K. et al. Characteristics of Hodgkins lymphoma after infectious mononucleosis // *N Engl J Med.* – 2003. – № 349. – P. 1324–1332.
12. Khandaker GM, Stochl J, Zammit S, Lewis G, Jones PB. Childhood Epstein-Barr Virus infection and subsequent risk of psychotic experiences in adolescence : a population-based prospective serological study // *Schizophr Res.* – 2014 Sep. – № 158 (1–3). – P. 19–24.
13. Liebowitz D. Nasopharyngeal carcinoma : the Epstein-Barr virus association // *Semin Oncol.* – 1994 Jun. – № 21 (3). – P. 376–381.
14. Rowe C. L., Chen J., Jardetzky T. S., Longnecker R. Membrane Anchoring of Epstein-Barr Virus gp42 Inhibits Fusion with B Cells Even with Increased Flexibility Allowed by Engineered Spacers // *MBio.* – 2015 Jan 6. – № 6 (1).
15. Song MJ, Park CS, Hwang HS, Suh CW, Yoon DH, Huh J. A Case of Type II Enteropathy-Associated T-Cell Lymphoma with Epstein-Barr Virus Positivity // *Korean J Pathol.* – 2014 Dec. – № 48 (6). – P. 426–429.

© Ярославская М. А., Хорошилова Н. В., 2015

Lékařské vědy

УДК 796.011.3

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАБОЛЕВАНИЙ СТУДЕНТОВ
И ВЫПУСКНИКОВ МЕНЕДЖЕРОВ ЛОГИСТОВ
НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВУЗА**

В. В. Исмиянов *Кандидат педагогических наук, доцент,*
Р. Д. Литвинцев *Студенты 3 курса,*
М. В. Загородников *Иркутский государственный*
Д. А. Новгородов *университет путей сообщения,*
г. Иркутск, Россия

**DISEASE RESEARCH OF STUDENTS AND ALUMNI ON CASE
MANAGERS OF LOGISTICIANS RAILWAY UNIVERSITY**

V. V. Ismiyanov *Candidate of Pedagogical Sciences,*
assistant professor,
R. D. Litvinsev *3d year students,*
M. V. Zagorodnikov *Irkutsk State University*
D. A. Novgorodov *of Railway Transport, Irkutsk, Russia*

Summary. The paper presents research on occupational diseases of students and graduates of the Faculty of Management of logistics and customs affairs railway high school. Identified the major diseases are linked with a sedentary lifestyle (working computer) and various diseases that gradually acquires and stores (cardiovascular, scoliosis, diseases of the nervous system).

Keywords: students; alumni; disease.

Наиболее типичными профессиональными болезнями менеджеров являются хронические головные боли, бессонница, склероз, заболевания нервной системы и желудочно-кишечного тракта, поэтому проявление постоянной заботы о своем психофизическом состоянии и сохранении собственного здоровья можно считать гарантией успешной профессиональной деятельности менеджеров [1, 2].

Известно, что регулярные физические упражнения положительно влияют как на физическое, так и на психическое здоровье человека. Физические упражнения помогают справиться с последствиями психологических стрессов, улучшают

самочувствие, настроение, повышают работоспособность, выступают как средство активного отдыха, развивают физические, эстетические, нравственные качества, формируют красивую фигуру и т. д. Таким образом, на одно из первых мест необходимо ставить решение проблем по сохранению и укреплению здоровья трудоспособного населения [3].

Цель исследования: Исследование профессиональных заболеваний студентов и выпускников железнодорожного вуза.

Задачи исследования:

1. Проанализировать заболевания студентов – будущих логистов.

2. Проанализировать заболевания выпускников-логистов.

Организация и методы исследования

В Иркутском государственном университете путей и сообщений (ИрГУПС) на факультете менеджмента логистики и таможенного дела (специальность логистика и управления цепями поставок) нами было проведено анкетирование среди студентов 3 курса, а так же выпускников ИрГУПС, которые учились в 2010–2014 гг. по специальности логистика и управление цепями поставок.

В обследовании приняли участие 53 человека: студенты 3 курса – 28 человек и выпускники ИрГУПС– 25 человек.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2014–2015 учебных годах нами был проведен анализ профессиональных заболеваний в студенческих группах (СГ), а так же у выпускников групп (ВГ) 2010–2014 гг. выпуска факультета менеджмента логистики и таможенного дела с целью выявления причин профессиональных заболеваний. Результаты анкетирования представлены (таблица).

Профессиональные заболевания среди студентов (СГ) в количестве 28 человек, и выпускников (ВГ) в количестве 25 человек, ФМЛиТД, ИрГУПС, 2014-2015 гг.

№ п/п	Вопрос	Варианты	Процент ответов	
			СГ (n = 28)	ВГ (n = 25)
1	Какое количество времени в день вы проводите в неподвижном состоянии?	До 3 часов	13 (45 %)	2 (8 %)
		До 6 часов	10 (33 %)	6 (28 %)
		Свыше 6 часов	7 (22 %)	17 (64 %)
2	Как вы питаетесь?	Питаюсь полноценно	2 (7 %)	5 (24 %)
		Перекусываю на ходу	19 (64 %)	9 (36 %)
		Когда как, ем раз в сутки	8 (29 %)	10 (40 %)
3	Как вы после трудного трудового дня разряжаетесь (отдыхаете)?	Выпиваю	13 (46 %)	15 (60 %)
		Холодный душ	5 (18 %)	3 (12 %)
		Занятие физической культурой	10 (36 %)	6 (28 %)
4	Много ли вы спите?	8 часов, как положено	5 (18 %)	5 (20 %)
		Недосыпаю менее 8 часов	10 (36 %)	13 (52 %)
		Более 8 часов	13 (46 %)	7 (28 %)
5	Как часто вас беспокоят проблемы со здоровьем, связанные с вашей профессией?	Часто	3 (11 %)	5 (24 %)
		Иногда	23 (82 %)	15 (60 %)
		Никогда	2 (7 %)	5 (24 %)
6	Как часто вы занимаетесь физкультурой, чтобы в будущем вас не беспокоили проф. болезни?	Каждый день(зарядка)	2 (7 %)	1 (4 %)
		3–4 раза в неделю	7 (25 %)	3 (11 %)
		Раз в неделю	17 (61 %)	6 (21 %)
		От случая к случаю	2 (7 %)	18 (64 %)
7	В данный момент вас беспокоит какое-нибудь заболевание?	Сердечно-сосудистые	9 (32 %)	13 (52 %)
		Сколиоз	6 (21 %)	6 (24 %)
		Невроз	5 (18 %)	3 (12 %)
		Нет	8 (29 %)	3 (12 %)

Окончание таблицы

№ п/п	Вопрос	Варианты	Процент ответов	
			СГ (n = 28)	ВГ (n = 25)
8	Делаете вы пятиминутку отдыха после каждого часа занятия за компьютером?	Да	0 (0%)	0 (0%)
		Нет	9 (31%)	4 (16%)
		Не нахожу это необходимым	14 (50%)	6 (24%)
		Нет времени, много работы	5 (18%)	15 (60%)
9	Как часто Вы делаете перерыв во время работы за компьютером?	Каждые 50 минут	3 (11%)	1 (4%)
		Каждые 2 часа	9 (32%)	7 (28%)
		Ни разу за время работы	16 (57%)	17 (68%)
10	Много ли времени вы проводите за компьютером?	Около 2–3 часов	19 (68%)	0 (0%)
		Около 5 часов	4 (14%)	14 (56%)
		Весь день не отхожу от монитора	5 (18%)	11 (44%)

Из таблицы видно, что основные болезни связаны с сидячим образом жизни (работой за компьютером). Так, 11 выпускников (44%) и 5 студентов (18%), работают за компьютером весь день, 16 студентов (57%) и 17 выпускников (68%) ни разу не делают перерыв во время работы за компьютером. На вопрос «Делаете ли Вы пятиминутку отдыха после каждого часа работы за компьютером?», 5 студентов (18%) и 15 выпускников (60%) ответили, что нет на это времени, много работы. В неподвижном состоянии более 6 часов находятся 7 студентов (22%) и 17 выпускников (64%).

Таким образом, в процессе работы постепенно приобретаются и накапливаются различные заболевания, такие как сердечно-сосудистые заболевания – они выявлены у 9 (32%) студентов, у 13 (52%) выпускников сколиоз, у 6 (21%) студентов и 6 (24%) выпускников заболевания нервной системы, у 5 (18%) студентов и 3 (12%).

Питаются не полноценно 8 студентов (29%) и 10 выпускников (40%), и лишь пять студентов (18%) и пять выпускников (20%) спят, соблюдая режим 8 часов в сутки.

Выводы

Из вышеизложенного исследования следует, что выпускники ведут менее

активный образ жизни, чем студенты. Так, большинство выпускников (85%) занимаются физической культурой от случая к случаю или совсем редко – один раз в неделю. Специалисты, которые уже работают, называют причину, что на занятия физической культурой у них попросту нет времени. Данные исследования помогут в дальнейшей работе по профилактике профессиональных заболеваний для студентов и выпускников железнодорожного вуза.

Библиографический список

1. Конево Е. В. Физическая культура. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – С. 69.
2. Михеев В. Учитесь властвовать собой: западные исследования о профессии менеджера. – М.: Издательский центр «Известия», 1989. – С. 5.
3. Маликова Н. Н. Физическая культура и спорт. – М.: Академия, 2006. – С. 444–447.

Bibliograficheski spisok

1. Konevoj E. V. Fizicheskaja kultura. – Rostov-na-Donu: Feniks, 2006. – S. 69.
2. Miheev V. Uchites vlastvovat soboj: zapadnye issledovanija o professii menedzhera. – M.: Izdatelskij centr «Izvestija», 1989. – S. 5.
3. Malikova N. N. Fizicheskaja kultura i sport. – M.: Akademija, 2006. – S. 444–447.

© Исмиянов В. В., Литвинцев Р. Д.,
Загородников М. В., Новгородов Д. А., 2015

Sociální vědy

UDC 364.04

SOCIAL AND VOCATIONAL REHABILITATION OF THE DISABLED IN THE SYSTEM OF SOCIAL POLICY IN POLAND

M. Garbat

*Candidate of Economic Sciences,
University of Zielona Góra,
Zielona Góra, Poland*

Summary. This paper presents a system of social and vocational rehabilitation in Poland. It describes the different elements of the system and the tasks that were imposed on them. The analysis shows that the system is quite complicated and provides many tasks. Existing solutions are random, scattered, chaotic and full of unclear organisational targets, measures and methods used in the system of rehabilitation of the disabled. Although the integrative model of rehabilitation is being promoted, one gets the impression that rehabilitation is a matter of the relevant departments and institutions only, and not the whole of society. This causes the rehabilitation of these people not to be effective enough especially as far as professional aspects are concerned. Among others, one can see the source of such situation in employing inappropriate or irresponsible people who are responsible for solving the problems of this social group. The analysis of the Polish model of rehabilitation of the disabled do not gives grounds to conclude that it is a good or bad system – this type of evaluation is determined by many factors, including primarily the subjective ones. However it may be stated that the system is optimal, taking into consideration the current socio-economic conditions, as well as political ones.

Keywords: person with disability; social and vocational rehabilitation; work; system.

Introduction. The system of promoting employment and social and vocational rehabilitation of persons with disabilities is inseparable from social policy of the state and its level in the economic dimension is a derivative of financial capabilities of the state. One of the pillars and the basis for stability of the system is the relationship occurring between declarations and provisions of the law, and the way of achieving them.

1. The legal bases for social and vocational rehabilitation

In 1997, the Act on vocational and social rehabilitation and employment of people with disabilities was declared [Ustawa o rehabilitacji zawodowej i społecznej oraz zatrudnieniu osób niepełnosprawnych]. It says that «the rehabilitation of people with disabilities is a set of activities, in particular organisa-

tional, therapeutic, psychological, technical, educational and social, aimed at achieving, with the active participation of the people, the highest possible level of functioning, quality of life and social integration» [Ustawa o rehabilitacji, art 7, pkt 1].

This act has sorted the existing competencies of people with disabilities, as well as introduced the new ones. Additional responsibilities and rights of employers have been identified (among other things, employers with at least 25 employees were obliged to monthly payments to PFRON). New according to this Act is adjudication of disability for other purposes than the disability, thus creating conditions for the functioning of dual jurisprudence.

According to this Act, social rehabilitation is designed to enable persons with disabilities to participate in social life.

It should be implemented by the elimination of architectural, urban, transportation and technical barriers and those allowing communication and access to information. While the vocational rehabilitation involves the employment of people with disabilities, both in protected and the open labour market.

The Act states that the tasks arising from it are coordinated and implemented by the Secretary of State, Government Plenipotentiary for Persons with Disabilities in the ministry responsible for social security. One of its tasks is to initiate and coordinate efforts to reduce the impact of disability and barriers making social functioning of people with disabilities more difficult. Tasks in this area can be carried out by NGOs and municipalities at the request of PFRON.

The act contains regulations concerning the principles of creation, operation and elimination of sheltered workshops, the competence of local government and other government bodies in relation to people with disabilities, the rules for granting loans for starting business and the opportunities and scope of training people with disabilities to take up paid work.

2. The definition of disabled person

A disabled person is defined in the Polish Act on vocational and social rehabilitation and employment of people with disabilities: «disabled people are those whose physical, mental or intellectual state may permanently or temporarily impede, limit or prevent the fulfilment of social roles, in particular, the ability to work» [Ustawa o rehabilitacji, art 1]. However, in the Social Assistance Act disability is defined as «a physical, mental or intellectual state, causing permanent or temporary inconvenience, reduction or complete preventing of independent existence» [Ustawa o pomocy społecznej, art. 2a, ust. 1, pkt. 3]. It seems that thus reformulated concept of «disability» is used especially in economics and in practice of social services.

Issues related to judicial decisions for non-pension purposes are regulated by the Act on vocational and social rehabilitation and employment of people with disabilities [Ustawa o rehabilitacji]. In this regard the decisions are made about disability (children up to 16 years of age) or the degree of disability (persons aged over 16 years). Decisions are made by the assemblies of disability matters in the two-level system: the first level – the district teams, the second level – voivodship assemblies. Decision of the voivodship assembly may be appealed to the Court of Labour and Social Insurance. The teams include physicians, psychologists, educators, career advisers and social workers [Ustawa o pomocy społecznej, art. 6c, ust. 8].

For the purposes of social and vocational rehabilitation teams deciding about the degree of disability (the district judicial decisions teams) may classify [Ustawa o pomocy społecznej, art. 6c, ust. 8]:

- severe disability – a person with disturbed physical fitness preventing them from taking up employment or capable of working in particular in a protected workshop, who due to a significant limitation of independent existence, requires permanent or long-term care or assistance from another person, necessary to perform social roles;

- moderate disability – a person with disturbed physical fitness capable of working in the workplace adapted according to the needs resulting from a disability, who due to a significant limitation of independent existence, requires partial or temporary assistance from another person, necessary to perform social roles;

- light disability – a person with disturbed physical fitness capable of working, who does not require any assistance from another person, necessary to perform social roles.

For the purposes of determining the possibility to work, one can decide about complete or partial inability to work, taking into account the assessment of the degree and sustainability of disability, and the prognosis for recovery of the ability to

work. Such decisions are made by ZUS certified doctors.

The following degrees of disability can be distinguished [Ustawa o pomocy społecznej, art. 12]:

– complete inability to work and exist independently – which is decreed in relation to a person who due to disability entirely or partially has lost ability to perform paid work and can not be expected to recover such ability after retraining and the person needs somebody else's care when performing specific tasks;

– complete inability to work – which is decreed in relation to a person who has lost ability to perform any kind of work, but a person that is independent;

– partial inability to work – which is decreed in relation to a person who has significantly lost ability to work in accordance with level of their qualification.

Evaluation of inability to work for pension purposes is made by ZUS certified doctors. They can decide on temporary inability to work – if according to their medical knowledge, the person can recover the ability to work, or permanent inability to work – if according to their medical knowledge there is no possibility of recovering such ability [Ustawa o emeryturach i rentach z Funduszu Ubezpieczeń Społecznych, art. 14].

The decision of the doctors may be appealed to the ZUS medical committee, and the decision of the committee may be appealed to the Court of Labour and Social Insurance.

3. The system of social and vocational rehabilitation

Rehabilitation of disabled people is a complex process and is conditioned by multiple factors of endogenous and exogenous nature. Among the exogenous ones, the role of institutions supporting that process is particularly important. These are macro-social institutions, reflecting the results of the whole social life (eg. the existing legal system and central institutions) as well as downstream ones, satisfying the needs of a particular community,

or categories of persons (eg. agencies, welfare centres and local authorities).

Institutional activity in rehabilitation aims to search for forms of support for people in difficult situations caused by disability. These activities serve what the very concept of comprehensive rehabilitation contains. They take the rationalised form, focused principally on the effects of (educational, vocational, social), which emerged in connection with damage to health. The type and nature of the benefits is determined by custom, the imperative of the organisation, and finally the legal standard applied.

As a result of the administrative reform introduced in Poland in 1999, local governments have become the party primarily responsible for meeting the common needs of all communities. Therefore, the issue of vocational rehabilitation of persons with disabilities is one of the elements of the policy pursued in the municipality, district or voivodship. However, expanding the competences of local government administration did not reduce the role of government and non-governmental organisations – and these bodies have been assigned to perform tasks in this area.

The Rehabilitation Act gave legal basis for the appointment of the Plenipotentiary for Persons with Disabilities by the minister responsible for social security [Ustawa o rehabilitacji, art. 31]. According to regulations made under it, the plenipotentiary is appointed and dismissed by the Prime Minister, at the request of the Minister of Social Policy. The proxy exercises his duties with the assistance of the Office of the Plenipotentiary for Persons with Disabilities, which is a separate organisational unit in the Ministry of Labour and Social Policy and his advisory body is the National Consultative Council for Persons with Disabilities.

The National Advisory Council for Persons with Disabilities, provides a forum for interaction for people with disabilities, government administration bodies, local government and non-governmental organisations. The Council is an advisory body

of the Plenipotentiary for Persons with Disabilities. The scope of activity of the Council is to make proposals for the Proxy [Ustawa o zmianie ustawy o rehabilitacji zawodowej i społecznej oraz zatrudnianiu osób niepełnosprawnych oraz zmianie niektórych innych ustaw, art. 4] of projects aimed at the integration of people with disabilities and proposals for solutions to meet the needs of these people, resulting from the fact of disability. Furthermore, the Council issues opinions on drafts guidelines for the employment policies, vocational and social rehabilitation, legislation affecting or likely to affect the situation of the disabled and indicates the relevant authorities the need to issue or to change regulations in this area and provides opinions regarding government action programs for people with disabilities and information about their implementation.

A very important institution whose mission is to help people with disabilities, is known as the State Fund for the Rehabilitation of the Disabled (PFRON). It is a state special fund under the provisions of the Public Finance Act and the Rehabilitation Act. The Fund budget is created from penalty charges paid by companies that do not employ at least 6% of disabled persons, subsidies from the state budget, voluntary contributions from employers and income from remunerated loans, treasury bills or other financial assets. Therefore, the financial management of the Fund depends on the accumulated financial resources, which are the proceeds of the Fund, as well as the distribution of these funds for specific purposes for specific statutorily authorised entities. The Fund is a source of funding for social and vocational rehabilitation.

Since 1999 State Fund for Rehabilitation of Persons with Disabilities operates in the new organisational structure introduced in relation with the reform of state administration, in the form of the office in Warsaw and 16 regional branches located in the capitals of individual voivodships (until 1998 the Fund had 29 branches).

A large part of the tasks previously performed centrally by the office in Warsaw was transferred to be implemented by the branches of the Fund.

The legislator, when amending the law on rehabilitation, departed from the determination of the structure of the Fund's revenues to be spent on specific tasks. Lack of such an indication (or more strictly speaking its modification) allows the actual decision-making by local governments and their financial planning in the field of vocational and social rehabilitation according to local needs.

Legal provisions contained in the Act on rehabilitation in addition to the tasks referred to in it provide that resources in the Fund may be spent on [Ustawa o zmianie ustawy o rehabilitacji, art. 47, ust. 1]:

1) implementation of levelling the differences between the regions in which the unemployment rate is higher than 110% of the average rate in the country or where occupational therapy workshop or vocational activation plants have not been created;

2) nationwide activities; PFRON funds are allocated, among others, to the implementation of programs supported by the European Union funds for people with disabilities to be implemented in a given year;

3) the Supervisory Board of the Fund approved programs aimed at social and vocational rehabilitation, in particular addressed to persons with disabilities, including the refund of increased costs of employing people clinically affected with mental illness, mental disability, epilepsy, or the;

4) subsidy of tasks resulting from government programs, including those targeted at development of human resources and the prevention of social exclusion of the disabled;

5) 50% subsidy of interest rates on bank loans taken, provided that the use of these loans is related to vocational and social;

6) partially or entire funding of research, experts' opinions and analysis on social and vocational rehabilitation.

Other tasks financed by the Fund include, among others [Ustawa o zmianie ustawy o rehabilitacji, art. 48]:

a) the participation of people with disabilities and their guardians in rehabilitation courses;

b) sport, culture, recreation and tourism of people with disabilities;

c) the provision of rehabilitation equipment, orthopaedic items and aid equipment for disabled persons granted under separate regulations;

d) elimination of architectural, communication and technology barriers in relation to the individual needs of the disabled;

e) the construction and expansion of facilities for rehabilitation;

f) training and retraining of the of the disabled;

g) the establishment and operation of plants vocational activation;

h) interest on the bank loan to continue business activities or run their own or leased farm;

i) starting a business by a person with a disability;

j) the reimbursement of the costs of employing people with disabilities by the employer.

In addition to the tasks referred to in the Act, resources in the Fund are also allocated to municipalities to compensate for the revenue lost as a result of the application of the statutory tax exemptions from real estate, agricultural, forestry and civil law transactions tax – in the amount of lost revenue for those who run protected workshops or vocational activation plants.

The employment office coordinate all activities related to organisational, legal and economic consulting in terms of employment and business or agricultural activity undertaken by people with disabilities. A special role in this regard belongs to the head of the district employment office (PUP), which initiates and organises training for disabled unemployed job seekers, and for those registered in the PUP, in order to increase their chances of getting employ-

ment, increasing existing professional skills or economic activity, particularly if they do not have any professional qualifications. PUP also provide, on behalf of district governor, loans to start business or farm. The loan can be received only once from Labour Fund or PFRON by the disabled person.

The local government is defined as the government of the local region or as representatives and defenders of the interests of the local community [Wojciechowski 1997, s. 7]. Those interests are associated largely with the activities in the field of social and economic policy. The local community should have an impact on serving the needs in this area. This may depend on participation in decision-making, inspiring decisions and controlling activities.

The tasks of the local government should be to create and ensure the smooth functioning of the social infrastructure facilities that meet the daily and the most common needs of the people of the area. The tasks should also include self-organising and carrying out activities in the field of social security, including those of social and vocational rehabilitation of persons with disabilities. A proper diagnosis of needs of families and individuals in a given area should be regarded as an important task.

Summary

The analysis of the Polish model of rehabilitation of the disabled do not gives grounds to conclude that it is a good or bad system – this type of evaluation is determined by many factors, including primarily the subjective ones. However it may be stated that the system is optimal, taking into consideration the current socio-economic conditions, as well as political ones.

The legislation from the scope of rehabilitation of the disabled is unclear (eg. Terminology), incoherent and full of dispersed acts of regulations dealing with functioning of these people in different spheres of life. Legal standards for rehabilitation are included in the various branches of law (civil, family, labour). By ana-

lysing only those basic standards one can conclude that there are a lot of them and that they are included in a number of legal acts of various importance, which certainly does not help to learn and to use them.

The Act on vocational and social rehabilitation of persons with disabilities seems to be the most controversial one. This act was declared in a hurry after the “flood of the century”, already during the election campaign, therefore, its content and legislative part are underdeveloped and contains number of errors. The definition of disability and its degrees are defined incorrectly and new and improper jurisprudence on disability was created. The Act introduced a number of wrong regulations concerning the disabled and forms of their rehabilitation, which promote the outgrowths of excessive bureaucracy. The State Fund for Rehabilitation of the Disabled (PFRON) has been created at the national level, as a source of financing of rehabilitation, however the control and monitoring of its activities has been neglected. It seems that it is necessary to extend the competence of the National Consultative Council of the Plenipotentiary for Persons with Disabilities to the tasks of the social control of the Fund.

Financing of vocational and social rehabilitation itself is extremely complicated, both in terms of funding sources, as well as legal and institutional regulations. Financial resources, before they ever reach the disabled, go through many institutional levels (instruments) – the state budget, PFRON, local government budgets, district family assistance centres. The above situation is also influenced by the additional complexity of the system having its origin in the complex structure of powers and authority of many institutions and the PFRON itself. It results in low legibility of the system, poor monitoring and control, irrational correction of operations of spending and the extensive bureaucracy and duplication of competence (eg. on the granting

of business loans by district, municipal or provincial authorities).

Generally, it is considered that resources in the Fund are used to finance vocational rehabilitation and social and medical assistance. However, more attention is paid to employment and vocational rehabilitation. Moreover, a dilemma arises whether the social costs of rehabilitation can only apply to people who are of working age or if it can also be extended to activities directed for disabled children. There are many signs that these funds were directed solely at activating people of working age. This is due to the fact that the objectives of PFRON are strongly bound with problems specific to the minister for social security. Also under the Act and its content one may conclude that resources in the Fund are allocated to rehabilitation of adults. Therefore, there is a need for a more precise definition of the purposes for which the money can be spent from PFRON. Failure in that respect, and the general definition of the recipient can lead to abnormalities in this area and the creation of chaos. Terms, conditions and procedures for the distribution of the Fund and the control of their spending should also be clearly standardised. Those applying for funding should be aware of clear rules for granting it. The nomenclature used in the Act on vocational and social rehabilitation and employment of people with disabilities also requires verification especially such concepts as: financing, granting and subsidies, etc.

The overall conclusion is that the existing solutions are random, scattered, chaotic and full of unclear organisational targets, measures and methods used in the system of rehabilitation of the disabled. Although the integrative model of rehabilitation is being promoted, one gets the impression that rehabilitation is a matter of the relevant departments and institutions only, and not the whole of society. This causes the rehabilitation of

these people not to be effective enough especially as far as professional aspects are concerned. Among others, one can see the source of such situation in employing inappropriate or irresponsible people who are responsible for solving the problems of this social group.

Bibliography

1. Wojciechowski E. Samorząd terytorialny w warunkach gospodarki rynkowej. – Warszawa : PWN, 1997.
2. Ustawa z dnia 27 sierpnia 1997 r. o rehabilitacji zawodowej i społecznej oraz zatrudnieniu osób niepełnosprawnych, Dz. U. 1997, nr 123, poz. 776, ze zm. [Act from 27 August 1997 about the professional and social rehabilitation as well as employment of persons with disabilities, Journal of Laws 1997 yr., No. 123, pos. 776 with changes].
3. Ustawa z dnia 12 marca 2004 r. o pomocy społecznej, Dz. U. 2004, nr 64, poz. 593. [Act from 12 March 2004, about the social assistance, Journal of Laws 2004, No. 64, pos. 593].
4. Rozporządzenie Ministra Gospodarki, Pracy i Polityki Społecznej z dnia 15 lipca 2003 r. w sprawie orzekania o niepełnosprawności i stopniu niepełnosprawności, Dz. U. 2003, nr 139. [Regulation of the Minister of Economy, Labour and Social Policy of 15 July 2003. On Disability and the degree of disability, Journal of Laws 2003, No. 139].
5. Ustawa z dnia 17 grudnia 1998 r. o emeryturach i rentach z Funduszu Ubezpieczeń Społecznych, Dz. U. 1998, nr 162, poz. 1118. [The Act of 17 December 1998. On pensions from the Social Insurance Fund, Journal of Laws 1998, No. 162, pos. 1118].
6. Ustawa z dnia 20 grudnia 2002 roku o zmianie ustawy o rehabilitacji zawodowej i społecznej oraz zatrudnianiu osób niepełnosprawnych oraz zmianie niektórych innych ustaw, Dz. U. 2003, nr 7, poz. 79. [The Act of 20 December 2002 amending the Act on vocational and social rehabilitation and employment of persons with disabilities and certain other acts, Journal of Laws 2002, No. 7, pos. 79].
7. Ustawa z dnia 23 listopada 1998 r. o finansach publicznych, Dz. U. 1998, nr 155, poz. 1014. [The Act of 23 November 1998. Public Finance, Journal of Laws 1998, No. 155, pos. 1014].

© Garbat M. S., 2015

Kulturní vědy

UDC 7-012

THE PECULIARITIES OF COMPOSITIONAL CONSTRUCTION OF THEATRICAL AND EVERYDAY COSTUME IN THE CONTEXT OF THEIR UNITY AND DIFFERENCES

T. O. Berdnik
A. Y. Pucheglazov

*PhD, Professor,
Associate Professor,
Academy of Architecture and
Arts of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. This article discusses the basic laws of composition in terms of their objectivity and universality in creative arts. Based on comparative analysis of functional-contextual essence of everyday costume and costume for stage, I will determine the commonalities and differences of compositional laws of their formation.

Keywords: composition; artistic formation; theatre arts; fashion; theatrical costume; everyday costume.

Art as a mean of cultural communication exists for the purpose of influencing people's minds through emotional experiences. Without human emotions it is impossible to search for truth. That is why the emotional feelings caused by connection with an object of art cannot be random, chaotic – thoughts and associations experienced by viewer should be planned by an artist. To be intensive and efficient, art must rely on theoretical framework that defines the rules of creation of an art form. Formation of creative costume, just as any other art object, has its own principles, methods and means of expression. Combination of all the means of artistic expression and unified artistic wholeness creates the essence of composition costume.

The composition is the basis of creativity in any field of artistic practice and is often identified with him. Scientific and theoretical understanding of composition lays in defining its objective laws, which reflect

the laws of dialectically developing forms of practical life, but in a form typical for art objectives. The problem of objectivity and universality of the laws of composition and their relation to the laws of reality was studied by Russian artist, teacher, art theorist Eugene Kibrik. He assured that the laws of composition does not depend on the characteristics of various schools and artistic directions, trends and creative peculiarities of individual artists, as they are determined by the very nature of art [3].

The composition of the costume by combination of certain components – shapes, volumes, rhythmic constructions, coloristic and textural patterning – helps to solve the main problem of creativity – the creation of an artistic image. Figurative context is equally relevant when creating both domestic and theatrical costumes. While it should be remembered that the artistic value of domestic and theatrical costume is determined by various aesthetic criteria. According to

T. Berdnik, «aesthetic perfection everyday costume is aimed for servicing human in all situations of everyday life, measured in terms of compliance with the requirements of modern fashion trends... It is important to provide visual appeal costume its owner, as its main goal – to create human both physical and moral comfort» [1]. In this case, the costume acts as a tool for creating a stylised image for the person, and as a mean of bringing the person's appearance to the conditional ideal of beauty of the era. In theatrical costumes conditions associated with the idealization of appearance become secondary, allowing for the need of expressing the essence of a character & his individual physical peculiarities through artistic means. Alexander Tairov saw the main purpose of theatrical costume in helping an actor to generate the rendered image in most eloquent and accurate way. This statement leads to the fact that theatrical costume can transform the shape of an actor according to the peculiarities of the character – up to simulation of physical deformities [4]. Such an obvious difference of the functional features of domestic costume and costume for stage determines the difference in the approaches to the artistic formation, and therefore, the difference of the principles of compositional constructing of costume's appearance. While observing a composition as a mean for bringing of all qualitative characteristics of a costume in a harmonious unity, we should analyse the laws of compositional formation in conjunction with differentiated approaches to the aesthetics of everyday and theatrical stage costume.

The most important law of composition according to E. Kibrik is integrity. By integrity of lawfully arranged art object we should understand the relationship and interdependence of all elements of composition in the context of logic of incarnation of the vision of an artist. Neither form nor colours exist independently, but only exist in relation with the whole, and as part of the whole [3]. Compositional structure of the art form in-

volves interdependence of all its components on the level of spiritual unity of the subject. The essence of the law of integrity is revealed through analysis of its features and properties. The indivisibility of composition is one of the main of these features. Integral composition – is not a mechanical set of separate, self-perceived parts, but indivisible artistic structure found via a common ideological and constructive plan that combines all components into one product. Well-constructed composition is characterized by a condition when nothing can be removed, added, or changed, so as not to disturb the harmony and richness of the art. In this sense, it is equally wrong when an artist applies either scarcity of expressive means or their excessiveness. Integrity of the composition depends on the ability to give up excessiveness in accordance with the principle that a minimum of means results in a maximum of expressiveness.

Another feature of the laws of composition is the need for mutual coordination of all elements. In composition a spotlight object should be allocated which will be dominant in construction and which will be able to interconnect minor details. This feature is based on a person's ability to perceive objects and phenomena in a certain hierarchy: noting the characteristics and qualities of the objects of attention, he highlights the most important, significant and ignores the secondary. Thus, the principle of subordination of the principal objects with less important object is valid in the practice of art.

The law of the integrity of composition of costume requires subordination of all the elements of the costume and allocation of the dominant emphasis which will define figurative aesthetic and semantic centre of the object. Constitutes of the integral costume are – garments and its parts (top, skirt or trousers, sleeves), accessories, hairstyle, make-up. A specific feature of costume's composition is the fact that its integrity is defined by proportionality of the costume's parts with the figure of a human-wearer. Anthropometric data of the human body as an objective

reality dictate to the artist the architectonic of costume form, its main division, the location of the compositional centre [1].

The elements of the costume composition are – the form (its geometry, volume and proportional relationships between parts), rhythmic construction, colour, texture, decoration. Each of these elements can be a dominant feature in the formation of figurative, emotional and aesthetic composition. From the perspective of holistic perception of a costume composition and the clear «reading» of its conceptual ideas, it is important when choosing one of the elements as a dominant to consciously give other elements minor importance. For example, when selecting colour as the dominant carrier of compositional idea (which may be due to its semantic meaning or fashion trends), an artist should avoid complex forms, aggressive textures, overly dynamic & rhythmic construction – all these elements should only help to reveal the expressive meaning of the chosen colour.

Integrity of composition of everyday costume is evaluated in terms of unity and expressiveness of a single object, determined by human figure, but not associated with the environment. On the other hand, costume for stage (especially theatrical) is an element of set preparation of theatrical activity. The requirements of following the laws of integrity is considered at two levels – at the level of costume composition as an independent object and at the level of the composition as a whole scenography. Since costume is not the only, and often not the main, element of set design, it must be in subordination (and sometimes – in slavery) with the scenery, props, lighting design, etc. of the performance. Thus, the composition of theatrical costumes cannot be overloaded with details and expressive elements, unless required by artistic intent and objectives of the disclosure of the peculiarities of the character. The more integral & fundamental is the built composition the clearer it will be perceived and the more obvious its purpose will be expressed.

In order to fully achieve expressiveness of artistic composition an artist must apply the essential law of contrasts, which reflect the dialectical logic of formation of the material world and the social order, which consists in the unity and struggle of opposites. Through contrast a person perceives and evaluates the visible world. In art, contrast is the qualitative opposition of similar features. According to E. Kibrik, contrast – is the driving force of the composition. Lack of contrast in the composition generates boring, bland product. Contrasts of characters, states, quantities – contrasts of near and far, light and shade, volume and flatness create an area, which determines the energy, operation force, the expressiveness of the composition [3].

The main types of contrasts are – tonal contrast, which is a contrast of darkness and light; and colour contrast, which is based on the property of the chromatic colours to enhance the appearance of each other during interaction. On the basis of these contrasting relationships, contrasts of dynamic lines, volumes and values of shapes, textures arise and exist. In theatrical costume, apart from sensory percept contrasts a significant role is given to «... the contrasts associated with the ideas (contrasts of ideas, regulations), contrasts in the construction of the plot (the contrasts in founding of constructive ideas), and so on» [3]. The choice of the type and intensity of contrast used in everyday costume depends on its purpose, stylistic affiliation, current fashion trends, operating conditions, individual preferences and characteristics of the wearer. The latter include age, temperament, type of appearance, especially of figure. Unlike everyday clothes, which is perceived as a rule, at a short distance under good natural lighting, theatrical costume is viewed by spectator at a relatively large distance in the specific lighting, designed for theatrical effects. Therefore, the aim of creating visually expressive scenic objects requires the artist to use more obvious contrast

solutions in composition formation. Konstantin Stanislavsky, Russian theorist and reformer of theatrical art, emphasized that there is a truth of life and the truth of the theatre, which are not identical to each other. The essence of this is as follows: only something that creates a feeling of excessive contrast when viewed close-up, will reach the audience from scene softened by the distance, the angle of perception, lighting, and will be treated naturally. Therefore theatrical composition often uses grotesque based on contrasts as a major artistic and expressive solution. In the context of the requirements of the law of contrasts the main work of an artist designing the costume, be it for daily purposes or as element of scene preparation, linked to the problem of finding the character of contrast ratios in the context of an aesthetic task and creating an artistic image [2].

“The novelty acts as a universal law of art, which exert their effects in the fact that an artistic image is always new in art in its form and content” – next major composition law formulated by E. Kibrik – the law of novelty [3]. The novelty in the artistic composition is, at the same time, the search for formal originality, and the fact of the aesthetic knowledge of the world. At the same time it manifests as a sudden unusual depiction of images, as well as discoveries in rethinking, author’s interpretation of the usual themes, ideas, conclusions. In composition of everyday costume, aesthetics which is largely determined by fashion, novelty is a prerequisite for trending and creating marketing appeal for the product. Fashion, by its very nature always seeks upgrade, endless rotation of aesthetic criteria, which acts naturally within the law of novelty, subjecting to this law everyday clothing, accessories, ways of decorating human exterior. The novelty of the composition of theatrical costume, which in all ages, to a greater or

lesser extent, was influenced by prevailing culture of fashion, is yet understood differently. Innovations, in this case, are related to the search for the levels of stylisation of a costume, and for its metaphorical image. An artist, who is forming composition of theatrical costume, operates in the context of the overall design of the set, which is determined by director decision, and ideological approach to the disclosure of dramatic performance. Artist’s personal style also plays an important role.

Search for novelty in composition is directly related to the formation of the artistic image – specific, unique to the art form of communication and a form of cognition of objective reality. The more original, novel, usual and surprising is the artistic concept of a composition the more significant the impact of the product will be on a viewer. This principle is equally valid in the perception of costume and composition in a domestic environment, and on the theatrical stage. However, in the pursuit of novelty originality cannot be converted into an singular objective – it must be subordinated with ideological and semantic objective of the composition.

The value of the composition in artistic activities was highly appreciated by greatest painters and art theorists in all times. Composition itself reflects the thinking process of an artistic creation and helps to most accurately translate conceptual idea of the design work to the viewer.

Bibliography

1. Berdnik T. O. Architectonics of costume. – Rostov-on-Don, 2010.
2. Zaharjevskaya R. V. Costume for Stage. In 2 vols. – M., 1974.
3. Kibrik E. A. Thinking process of an artist. – M. : Iskysstvo, 1984.
4. Tairov A. Y. About theatre / commentary U. A. Golovashenko & others. – M. : VTO, 1970.

© Berdnik T. O., Pucheglazov A. Y., 2015

**FEATURES OF DRAMATIC ART
OF THE MASS DRAMATIZED REPRESENTATIONS**

B. S. Sayfullaev

*Candidate of Pedagogical Sciences, rector,
State Institute of Arts and Culture of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This article is devoted to definition of the factors which influenced development of theatre, and also to the analysis of similarities and distinctions in development of theatre. In article discussed that, the dramatic art plays the leading role in development of theater and given the basis of all types and genres of the dramatized representations and festivals. In article highlighted the issues of dramatic art, and its role in scene, also discussed the questions of the role of mass holidays, representations in social life of people.

Keywords: dramatic art; mass holidays; representation; play; theatre; success; dramatized representations; education; educational process.

Both in ideological, and in the art relation the leading role in theater undoubtedly belongs to dramatic art. Accepting the play, the theater thereby declares the interest – to this subject, assumes the obligation means of the art to open the ideological content of work. Without hobby of all theatrical collective for ideological and art advantages of the play there can't be a success in theatrical work.

It is necessary that the play carried away collective, seized it, got into all time of consciousness of each participant of the general work, – only then in collective there can be that passionate desire to express idea, expensive to all, without which the full-fledged creative success is impossible. Dramatic art, arming theater with the ideological maintenance of future performance and the most important means of theatrical expressiveness – the art word, – thereby gains the leading ideological and art value in theater. It should be noted thus, as the dramatic art in turn is affected by theater in the development. The dramatic art influences theater, the theater influences dramatic art. Interaction in which the leading role nevertheless belongs to dramatic art is formed, thus [1].

Any drama work by all means belongs to this or that genre, has a certain style and

bears on itself the stamp of an individual manner of the author. And the work is more talented, the it is more peculiar and the more so difficult requirements are imposed by it to theater. To reveal the idea living in it, the theater has to understand style and a creative manner of the author, find appropriate means of theatrical expressiveness, a certain manner of actor's game, a certain scenic form. Therefore, dramaturgic material defines not only the ideological content of creative activity of this theater, but influences as well its art technology, promotes development of certain creative skills, forms its creative method. The leading role of dramatic art in ideological and creative formation of theater is confirmed by all course of historical development of theater.

So, the dramatic art plays the leading role in development of theater. Behind it only the directors of formalistic sense considering any play only as raw materials for the director's constructions refused to recognize this role. Directors of this kind quite often took in hand weak dramaturgic material in the ideological and art relation counting on that they will overcome its shortcomings «theatrical means». But, as a rule, such self-confidence considerable events in the field of theatrical arts weren't

rewarded by creative success, and, on the contrary [2].

Basis of all types and genres of the dramatized representations and festivals is the scenario having by unanimous recognition of theorists.

The dramatized representations and holidays give rise to the similar, festive mood creating a festive situation at people. The festive situation is in turn realized in a mass holiday which is part of cultural and educational work. The mass holiday is the phenomenon the unusual, synthesizing reality and the art which is artly making out this or that real vital event.

Art of a mass holiday, representation, show is an art of high ideas, focus and the civil pathos demanding at the same time bright figurativeness, associativity, an original, courageous creative plan. And in order that it is better to organize and develop the dramatized representations of all types and genres, it is absolutely necessary to understand the main regularities of this kind of art which really exist as during the millennia the national theatrical culture was created and developed.

As for the mass dramatized festival, it, certainly, having settled specific holidays and at the same time volume, synthesizing form of the dramatized representation. It is a wreath of creativity of the people for the people. Comprehension of intrinsic lines of dramatic art of such festival can be fruitful only after detailed studying of other types of the dramatized representations.

It is known that a basis of all types and genres of the dramatized representations and festivals is the scenario having by unanimous recognition of theorists, common features with dramaturgic works of theater, cinema, television and radio.

Conflictness as specific reflection of essential contradictions of reality in the scenario of propaganda and art representation, literaturno – musical composition, a thematic concert or the mass dramatized festival as well as in the drama, is the factor defining both subject, and ideological

sense, and a most important task, and even eventually a work form.

Artistic realization of certain thoughts, feelings, the facts and circumstances of the current and inconsistent reality is carried out in the scenario of the dramatized representation mainly by means of not a plot, but some other means.

If in the drama the composition is the moment defining structure of events is effective the developing plot, the moment extremely important, but caused by other essential elements of a form that in the scenario of the dramatized representation, in view of weakening of function of a plot, the composition assumes a role of the main organizer artly – documentary material, its function becomes defining. It is well-known that creation of an artistic image of any work of art depends, first of all, on a subject and idea of work, on the main thought of the artist. Practically all kinds of national festivals had and have the dramatized character or include elements of theatrical deystvovaniye. It is defined обрядово – by spectacular forms of festive culture, festive life of the people. As a result of evolution, specific formation the modern dramatized festival represents a complex of cultural and art actions.

The dramatic art represents the historical events and events of the present occurring in a certain social community. But the subject of the image of dramatic art is always concentrated. Work dramaturgic creates an image of the concrete social conflict.

At the heart of dramaturgic work and consequently the dramatized representation absolutely real human situation always lies. It is important because the person who will come to theater, has to empathize that occurs on a scene. And it is only possible to empathize recognizable, real. To empathize unreality in which the viewer doesn't find analogy to familiar situations of life, he won't become. Therefore recognition, so reality of the human relations represented in representation

is absolutely obligatory requirement of dramatic art. For the play the conflict based on a modern perspective is obligatory. It wasn't considered in due time by the so-called theory of absence of conflict claiming that in the Soviet dramatic art there can't be social conflicts. This theory became obsolete long ago, but its recurrence in practice of dramatic art meets in the form of a besproblemnost of some works [4].

Source of dramatic nature is life. From "real" contradictions of development of society the playwright takes the conflict for the image in the work. Subject it in specific heroes, it will organize it in space and in time, gives, in other words, the picture of development of the conflict, creates drama action.

Observance of unity of action – it in essence observance of a uniform picture of development of the main conflict [3]. It thus is a condition for creation of a complete image of a conflict event which in this work is represented. The unity of action – a picture of development of the continuous and not changed during the play main conflict – is criterion of art integrity of work. Violation of unity of action – undermines possibility of creation of a complete artistic image of a conflict event, inevitably seriously reduces the art level of dramaturgic work. As action in dramaturgic work it is necessary to consider only that occurs directly on a scene or on the screen.

Subject of the image in the drama not in general lives, and this or that concrete social conflict personified in heroes of this play. Action, therefore, not in general boiling of life, and this conflict in its concrete development. Special need of the conflict for dramatic art (the dramatized representation) also consists in it.

Drama is an imitation of an action. It is said to have originated from the Dio-

nysian festival in Greece. All ceremonies and funny actions are not drama even though they may contain some dramatic elements. An action becomes drama if and when there is an element of impersonation, re-enactment or re-representation of an action. Drama mirrors the society, so playwrights are influenced by their socio-cultural backgrounds. They draw their themes or subject matters from myths, legends, history or contemporary issues. From the days of Thepsis in Athens to the modern period, dramatists have tried to use their works to mirror their respective societies. During the early part of the development of drama, the dramatists tried to follow laid down rules of literary compositions. However, as time went on, the hard and fast rules of the theories of dramatic forms gave way to other techniques and forms. This is because each age tried to make its own innovations based on the socio-political or cultural peculiarities of their times. Some modern critics argue that playwrights should not be forced into accepting any rule on artistic creation

Bibliography

1. Brocke, Oscar G. Theatre: An Introduction. – New York : Holt Rinehart and Winston, 1974.
2. Аль Д. Н. Основы драматургии. – Л., 1988.
3. Пронин А. А. Основы сценарного мастерства. – СПб., 2008.
4. Фрумкин Г. М. Введение в сценарное мастерство. – М., 2005.

Bibliography

1. Brocke, Oscar G. Theatre: An Introduction. – New York : Holt Rinehart and Winston, 1974.
2. Al D. N. Osnovy dramaturgii. – L., 1988.
3. Pronin A. A. Osnovy scenarnogo masterstva. – SPb., 2008.
4. Frumkin G. M. Vvedenie v scenarnoe masterstvo. – М., 2005.

© Сайфуллаев Б. С., 2015

Recenze, hodnocení a komentáře

УДК 101.1: 168.52:17.02

РЕЦЕНЗИЯ НА ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» У. Р. КУШАЕВА, И. Г. ДОРОШИНОЙ

Н. М. Кишлакова *Кандидат философских наук, профессор,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

THE REVIEW ON ENCYCLOPEDIA «TOLERANCE» BY U. R. KUSHAEV, I. G. DOROSHIN

N. M. Kishlakova *Candidate of Philosophical Sciences,
professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Summary. The article is an expert assessment of the encyclopedia «Tolerance». It contains the views of high theoretical and practical value of the book based on a thorough analysis of the content of the dictionary. Also it is pushed forward a certain critical attitude towards some moments of the dictionary.

Keywords: encyclopedic dictionary «Tolerance»; intolerant concepts; globalization; philosophy of tolerance.

Появление в научном и образовательном пространстве энциклопедического словаря «Толерантность» [1] – событие своевременное, весомое и практически уникальное, с учетом того факта, что подобного рода изданий по проблеме толерантности нет ни в нашей стране, ни за рубежом. Его авторы – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Ташкентского исламского университета У. Р. Кушаев и кандидат психологических наук, доцент, главный редактор чешского мультидисциплинарного журнала «Парадигмы познания» И. Г. Дорошина –

поставили перед собой сложнейшую задачу, с которой успешно справились. Как никому, им удалось осознать потребность мирового сообщества в новом видении противоречивых процессов, которые все более характеризуют глобализирующийся мир, и необходимость, в связи с этим, переосмысления и уточнения традиционных понятий и представлений.

Несмотря на то, что глобализация дает возможность человечеству достаточно стремительно превращаться в единую целостную систему по многим параметрам общественной жизни, она

одновременно порождает и многочисленные глубочайшие противоречия, вытекающие из стремления национальных государств отстаивать свои права и независимость. Существующий сегодня мир многонационален, поликультурен и поликонфессионален. Вот почему в нем все больше проявляется другая тенденция глобализации – стремление народов к сохранению национальной культуры, национального самосознания, этнической принадлежности, родного языка и многого другого.

Это обстоятельство не могло не сказаться на замысле авторов рецензируемого энциклопедического словаря предложить читателю новый взгляд на столь актуальное в современном мире понятие толерантности и его производные.

Энциклопедический словарь «Толерантность» представляет собой не только актуальное, но и добротное, высокопрофессиональное и серьезное издание. Оно содержит около 600 слов и словосочетаний, представляющих собой различные стороны сложного, многогранного феномена толерантности. В нем У. Р. Кушаев и И. Г. Дорошина проводят анализ терминов, категорий, принципов и подходов философии толерантности. Словарь призван восполнить не только теоретический недостаток, связанный с корреляцией многих позиций в философии толерантности, но и обеспечить различного уровня образовательные пространства современным учебным и воспитательным пособием по данной проблематике.

Особое внимание хотелось бы обратить на то, что в энциклопедическом словаре значительное место уделяется выбору и описанию понятий и категорий, тесно связанных с экономической, политической, общественной и культурной сферами жизни.

К числу несомненных достоинств энциклопедического словаря хотелось бы отнести стиль и логику изложения материала, его компоновку, серьезное и кропотливое изучение теоретических и методологических проблем толерантности, так как издание включает в себя статьи, описывающие особенности черт толерантности на различных уровнях взаимодействия и взаимоотношений социальных субъектов.

Инновационным является и авторский подход к структурированию материала. Он условно включает в себя две части. В одной представлен материал, отражающий все аспекты феномена толерантности, а в другой – большой ряд интолерантных понятий и категорий.

В качестве критических замечаний отметим следующие. Во-первых, в словаре могла бы быть расширена историко-философская составляющая осмысления понятий как толерантности, так и интолерантных понятий. Во-вторых, увеличено количество слов и категорий, в которых находят отражение реалии современного глобального мира.

Высказанные замечания не снижают общей высокой оценки энциклопедического словаря «Толерантность», являющегося одним из наиболее новаторских и своевременных изданий в философской литературе 2014 года.

Библиографический список

1. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с. – ISBN 978-5-91990-101-3.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kushaev U. R., Doroshina I. G. Tolerantnost : entsiklopedicheskiy slovar. – Penza : Nauchno-izdatelskiy tsentr «Sotsiosfera», 2014. – 484 s. – ISBN 978-5-91990-101-3.

© Кишлакова Н. М., 2015

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Узбекистана, Украины и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага) в 2015 году

1–2 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»
(К-03.01.15)

3–4 марта 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы» (К-03.03.15)

5–6 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях» (К-03.05.15)

10–11 марта 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи» (К-03.10.15)

13–14 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»
(К-03.13.15)

15–16 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность» (К-03.15.15)

20–21 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика» (К-03.20.15)

25–26 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований» (К-03.25.15)

27–28 марта 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве» (К-03.27.15)

29–30 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Развитие личности: психологические основы и социальные условия»
(К-03.29.15)

1–2 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе» (К-04.01.15)

5–6 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия»
(К-04.05.15)

7–8 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира» (К-04.07.15)

10–11 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке» (К-04.10.15)

15–16 апреля 2015 г.

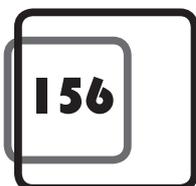
V международная научно-практическая конференция
«Информационно-коммуникационное пространство и человек»
(К-04.15.15)

18–19 апреля 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Преемственность уровней образования: содержание, управление, мониторинг» (К-04.18.15)

20–21 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук» (К-04.20.15)

22–23 апреля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Социально-культурные институты в современном мире» (К-04.22.15)

25–26 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания» (К-04.25.15)

28–29 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования
и тенденции взаимодействия» (К-04.28.15)

2–3 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Современные технологии в системе дополнительного
и профессионального образования» (К-05.02.15)

5–6 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция
«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке» (К-05.05.15)

7–8 мая 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты
гуманитарного осмысления» (К-05.07.15)

10–11 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире» (К-05.10.15)

13–14 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Культура толерантности в контексте процессов глобализации:
методология исследования, реалии и перспективы» (К-05.13.15)

15–16 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция
«Психолого-педагогические проблемы личности и социального
взаимодействия» (К-05.15.15)

20–21 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Текст. Произведение. Читатель» (К-05.20.15)

22–23 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Реклама в современном мире: история, теория и практика» (К-05.22.15)

25–26 мая 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной
сферах жизни общества» (К-05.25.15)

1–2 июня 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция
«Социально-экономические проблемы современного общества» (К-06.01.15)

10–11 сентября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция
«Проблемы современного образования» (К-09.10.15)

15 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Новые подходы в экономике и управлении» (К-09.15.15)

20–21 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы» (К-09.20.15)

25–26 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения» (К-09.25.15)

28–29 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации» (К-09.28.15)

1–2 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»
(К-10.01.15)

5–6 октября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция
«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований» (К-10.05.15)

10–11 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы связей с общественностью» (К-10.10.15)

12–13 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития» (К-10.12.15)

13–14 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях» (К-10.13.15)

15–16 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия» (К-10.15.15)

25–26 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов» (К-10.25.15)

1–2 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия» (К-11.01.15)

3–4 ноября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования» (К-11.03.15)

5–6 ноября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы» (К-11.05.15)

15–16 ноября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Проблемы развития личности: многообразие подходов» (К-11.15.15)

20 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования» (К-11.20.15)

25 ноября 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция
«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему» (К-11.25.15)

1 декабря 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция
«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях» (К-12.01.15)

3 декабря 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Проблемы и перспективы развития экономики и управления» (К-12.03.15)

5 декабря 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук» (К-12.05.15)

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia , Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine and the Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere-CZ» (Prague) in 2015

March, 1–2, 2015.

III international scientific conference

«Ethnic cultures in social space and time» (K-03.01.15)

March, 3–4, 2015.

II international scientific conference

«Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches» (K-03.03.15)

March 5–6, 2015.

V international scientific conference

«Symbolic and archetypic in culture and social relations» (K-03.05.15)

March, 10–11, 2015.

International scientific conference

«Socio-humanitarian and medical aspects of development of a modern family » (K-03.10.15)

March, 13–14 2015

III international scientific conference

«Current issues of modern socio- political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects» (K-03.13.15)

March, 15–16, 2015.

V international scientific conference

«Social and economic development and quality of life: history and modern times» (K-03.13.15)

March, 20–21, 2015.

IV international scientific conference

«Humanization of education and upbringing in the education system: theory and practice» (K-03.20.15)

March, 25–26, 2015.

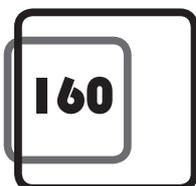
VI international scientific conference

«Current issues of the theory and practice of philological researches» (K-03.25.15)

March, 27–28, 2015.

III international scientific conference

«Modern infocommunication and remote technologies in the educational space of school and higher education institution» (K-03.27.15)

March, 29–30, 2015

III international scientific conference

«**Personal development: psychological basis and social conditions**»

(K-03.29.15)

April, 1–2, 2015.

International scientific conference

«**Building a culture of independent thinking in the educational process** »

(K-04.01.15)

April, 5–6, 2015.

V international scientific conference

«**Peoples of Eurasia: history, culture and interaction problems**»

(K-04.05.15)

April, 7–8, 2015.

International scientific conference

«**Migration policy and socio-demographic development of the world**»

(K-04.07.15)

April, 10–11, 2015.

V international scientific conference

«**Problems and prospects of professional education in the 21st century**»

(K-04.10.15)

April, 15–16, 2015.

V international scientific conference

«**Informative and communicative space and a person**» (K-04.15.15)

April, 18–19, 2015.

II international scientific conference

«**Continuity of education levels: contents, management, monitoring**»

(K-04.18.15)

April, 20–21, 2015.

International scientific conference

«**Human health as an issue of medical and social sciences**

and humanities» (K-04.20.15)

April, 22–23, 2015.

III international scientific conference

«**Social and cultural institutions in the modern world** »

(K-04.22.15)

April, 25–26, 2015.

V international scientific conference

«**The childhood, adolescence and youth in a context of scientific**

knowledge» (K-04.25.15)

April, 28–29, 2015.

International scientific conference

«Culture, civilization and society: a paradigm of research and trends in interaction» (K-04.28.15)

May, 2–3, 2015.

III international scientific conference

«Modern technologies in system of additional and professional education» (K-05.02.15)

May, 5–6, 2015.

VI international scientific conference

«The theory and practice of gender researches in world science» (K-05.05.15)

May, 7–8, 2015.

International scientific conference

«Sociosphere in the modern world: current problems and aspects of humanitarian comprehension» (K-05.07.15)

May, 10–11, 2015.

III international scientific conference

«Risks and safety in rapidly changing world» (K-05.10.15)

May, 13–14, 2015.

II international scientific conference

«The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect» (K-05.13.15)

May, 15–16, 2015.

VI international scientific conference

«Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction» (K-05.15.15)

May, 20–21, 2015.

III international scientific conference

«Text. Literary work. Reader» (K-05.20.15)

May, 22–23, 2015.

II international scientific conference

«Advertizing in the modern world: history, theory and practice» (K-05.22.15)

May, 25–26, 2015.

V international scientific conference

«Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society» (K-05.25.15)

June, 1–2, 2015.

IV international scientific conference

«Social and economic problems of modern society» (K-06.01.15)

September, 10–11, 2015.

VI international scientific conference

«**Problems of modern education**» (K-09.10.15)

September, 15–16, 2015.

V international scientific conference

«**New approaches in economy and management**» (K-09.15.15)

September, 20–21, 2015.

V international scientific conference

«**Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects**» (K-09.20.15)

September, 25–26, 2015.

III international scientific conference

«**Problems of formation of a professional : theoretical analysis principles and practical solutions**» (K-09. 25.15)

September, 28–29, 2015.

III international scientific conference

«**Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization**» (K-09.28.15)

October, 1–2, 2015.

V international scientific conference

«**Foreign language in the system of secondary and higher education**» (K-10.01.15)

October, 5–6, 2015

VI international scientific conference

«**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**» (K-10.05.15)

October, 10–11, 2015.

II international scientific conference

«**Current issues of public relations**» (K-10.10.15)

October, 12–13, 2015.

International scientific conference

«**Computerisation of higher education: current situation and development prospects**» (K-10.12.15)

October, 13–14, 2015.

III international scientific conference

«**Purposes, tasks and values of education in modern conditions**» (K-10.13.15)

October, 15–16, 2015.

V international scientific conference

«**Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction**» (K-10.15.15)

October, 25–26, 2015.

V international scientific conference

«Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions»
(K-10.25.15)

November, 1–2, 2015.

V international scientific conference

«Religion – science – society: problems and prospects of interaction» (K-11.01.15)

November, 3–4, 2015.

II international scientific conference

**«Professionalism of a teacher in the information society:
problems of formation and improvement»** (K-11.03.15)

November, 5–6, 2015.

III international scientific conference

«Current issues of social researches and social work» (K-11.05.15)

November, 15–16, 2015.

III international scientific conference

«Problems of development of a personality» (K-11.15.15)

November, 20–21, 2015.

V international scientific conference

«Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education»
(K-11.20.15)

November, 25–26, 2015.

IV international scientific conference

**«History, languages and cultures of the Slavic people: from origins
to the future»** (K-11.25.15)

December, 1–2, 2015.

VI international scientific conference

**«Practice of communicative behavior in social and humanitarian
researches»** (K-12.01.15)

December, 3–4, 2015.

III international scientific conference

«Problems and prospects of development of economy and management»
(K-12.03.15)

December, 5–6, 2015.

II international scientific conference

«Safety of a person and society» (K-12.05.15)

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА»
И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»**

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по **социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы**. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Оплата должна быть произведена только после принятия статьи к публикации до 20 февраля, 20 мая, 20 августа и 20 ноября, соответственно для каждого номера.

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск); **Антипов Михаил Александрович**, кандидат философских наук, доцент; **Ефимова Диана Валерьевна**, кандидат психологических наук, доцент; **Саратовцева Надежда Валентиновна**, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), **Берберян Ася Суреновна**, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), **Большакова Алла Юрьевна**, доктор филологических наук, (Москва, Россия), **Волков Сергей Николаевич**, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), **Голандам Араш Карим**, доцент (филология – Решт, Иран), **Гончаров Вадим Николаевич**, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия), **Гринин Леонид Ефимович**, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), **Исламов Захиджан Махмудович**, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Кашпарова Ева**, PhD. (социология – Прага, Чехия), **Кондрашин Виктор Викторович**, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), **Минияров Валерий Максимович**, доктор

педагогических наук, профессор (Самара, Россия), **Мохначева Марина Петровна**, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **Насимов Мурат Орленбаевич**, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), **Сапик Мирослав**, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Сердобинцева Елена Николаевна**, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), **Танцошова Джудита**, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Христова Наталия Цветанова**, PhD., профессор (история – София, Болгария), **Хрусталькова Наталья Александровна**, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), **Цибак Любош**, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал «**Paradigmata poznání**» (Парадигмы познания) ISSN 2336-2642 публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по **социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам**. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Статьи рассматриваются редакционной коллегией и могут быть отклонены. Статьи проверяются на отсутствие плагиата.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещают на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosfera.com>, а также на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, **заместитель главного редактора – Кушаев Умиджон Рахимович**, кандидат философских наук.

Международная редакционная коллегия

Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Бойцов Виктор**, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), **Бушина Филип**, PhD., MBA (экономика – Колин, Чехия), **Вернигора Александр Николаевич**, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), **Замаровский Петер**, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), **Ивановска Божена**, PhD. (социология – Варшава, Польша), **Кашпарова Ева**, PhD. (социология – Прага, Чехия), **Крейчова Ленка**, PhD. (психология – Прага, Чехия), **Кобец Петр Николаевич**, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), **Коротаев Андрей Витальевич**, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **Кэмп Марианне**, PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), **Лидяк Ян**, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), **Митюков Николай Витальевич**, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), **Сапик Мирослав**, PhD.,

доцент (философия – Колин, Чехия), **Сигмунд Томаш**, PhD. (философия – Прага, Чехия), **Сзуппе Мария**, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), **Танцошова Джудита**, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Хаджкова Ванда**, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), **Хайруллина Нурсафа Гафуровна**, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,27; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 4–25 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид РР-ФИО, например: **РР-Петров И.В.** или **РР-German P.** Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
Домашний адрес с индексом
Сотовый телефон
E-mail

Согласен с публикацией статьи на сайте «Социосфера» до выхода номера из печати Да/нет

Стоимость публикации составляет **250 рублей** за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчёта 250 руб. за один экземпляр. В случае представления аннотации и ключевых слов на русском языке за перевод их на английский – дополнительная плата **250 рублей**.

Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **РР-Петров И.В.** квитанция или **РР-German P. receipt** и иметь расширение jpg или pdf.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации до 20 января, 20 апреля, 20 июля и 20 октября соответственно для каждого из номеров.

Контактный телефон в России +7-8412-21-68-14,
В Чехии +420608343967
Наш сайт: <http://sociosfera.com>
Наш e-mail: sociosfera@seznam.cz

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» (ISSN 2078-7081) publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosfera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science.
- In the help to a higher school teacher.
- In the help to a teacher.
- In the help to a competitor.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 20th February, 20th May, 20th August and 20th November, respectively for each issue.

Editor-in-Chief – Boris Doroshin, Candidate of Historical Sciences, assistant professor.

Editorial board

Iona G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (responsible for release), **Michail A. Antipov**, Candidate of Philosophical Sciences,

assistant professor, **Diana V. Efimova**, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor, **Nadezhda V. Saratovceva**, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor.

International editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria); **Alla Yu. Bolshakova**, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia); **Asya S. Berberyana**, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia); **Sergey N. Volkov**, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia); **Arash K. Golandam**, assistant professor (Philology – Rasht, Iran); **Vadim N. Goncharov**, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia); **Leonid E. Grinin**, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia); **Zahidzhan M. Islamov**, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan); **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic); **Natalia. Ts. Khristova**, Ph.D, professor (History – Soffi a, Bulgaria); **Viktor V. Kondrashin**, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia); **Valeriy M. Miniyarov**, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia); **Marina P. Mokhnacheva**, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia); **Murat O. Nasimov**, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan); **Miroslav Sapik**, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic); **Elena N. Serdobintseva**, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia); **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia); **Natalia A. Hrustalkova**, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia); **Lubosh Cibak**, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Science journal «Paradigmata poznání» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems. Articles are considered by the editorial board and may be rejected. Articles are checked for plagiarism.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru>, it will give our authors the opportunity to raise their index of quotation. The index of quotation is accepted in scientific world measure of paper «significance» of some scientist. The size of index is defined by the quantity of links on this paper (or surname) in other sources. In world practice the index of quotation is not only advisable, but it's the necessary criteria to evaluate the professional level of professors and teaching personnel.

The content of journal has following parts:

- Theory and analyses.
- Empirical and applied studies.
- Surveys, reviews and comments.
- Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor; **Deputy Editor-in-Chief – Umidjon R. Kushaev**, PhD. (philosophy).

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), **Victor Boicov**, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), **Phillip Bushina**, Ph.D., MBA (Economics – Colin, Czech Republic), **Aleksandr N. Vernigora**, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), **Bozhena Ivanovska**, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), **Vanda Hajkova**, DrPaed., assistant professor (Education – Prague, Czech Republic), **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), **Nursafa G. Khayrullina**, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), **Lenka Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), **Petr N. Kobets**, doctor of law, professor (Moscow, Russia), **Andrey V. Korotayev**, doctor of history, professor (Moscow, Russia), **Marianne Kamp**, Ph.D, assistant professor (History – Wyoming, USA), **Jan Lidyak**, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), **Nikolay V. Mityukov**, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), **Miroslav Sapik**, Ph.D. assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), **Tomash Sigmund**, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), **Mariya Szuppe**, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), **Peter Zamarovsky**, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphaera@yandex.ru. Page format: A4 (210×297 mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: **PP-German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Informathion about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail

I agree to publish the article on «Sociosphere» website before the journal come out in print **Yes/No**

The publication fee is **5 € per page**. Participants will receive one copy of the Conference Proceedings per article. In case of co-authorship, additional copies can be bought for **5 €** per copy. In case of submitting an abstract and key words in Russian, translation into English will cost extra 4 €.

The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 20th January, 20th April, 20th July and 20th October, respectively for each issue.

Telephone +78412216814 (in Russia), +420608343967 (in Czech Republic)
Director of the SPC «Sociosphere» – Ilona G. Doroshina
Editor-in-Chief – Boris A. Doroshin
Our site <http://sociosphera.com>
Our e-mails: sociosphere@yandex.ru, sociosfera@seznam.cz

**Образец оформления статьи для журналов «Социосфера»
и «Paradigmata poznání»**

**Sample of articles for journals «Sociosphere»
and «Paradigmata poznání»**

УДК 908(470)

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск, N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law,

Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. Некоторую часть из них

включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8].

Библиографический список

1. К юбилею Семиреченска // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95. – С. 5–8.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ ACTA HUMANITAS INFORMATION ABOUT THE JOURNAL «ACTA HUMANITAS»

Научно-теоретический и методологический журнал «Acta Humanitas» публикует статьи и результаты систематического изучения социальных и общественных наук. Предмет журнала охватывает широкий круг проблем. Принимаются материалы, касающиеся политической культуры, сравнения политических систем, истории, политологии, текущих политических вопросов, философии, социологии, антропологии, этики, религиоведения, психологии и других социальных и общественных наук. Журнал открыт для чешских и зарубежных авторов и принимает к публикации материалы на чешском и английском языках. Аннотации докладов, публикуемых в журнале «Acta Humanitas» представлены на сайте ARC – Высшая школа политических и социальных наук в Колине – <http://www.vspsv.cz>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- результаты научных исследований,
- тематические сообщения,
- рецензии,
- отчеты конференций и других научных мероприятий.

Объем журнала 70–120 страниц.

Периодичность выпусков – два раза в год (июнь и декабрь).

Главный редактор – Мирослав Сапик, доктор философских наук, доцент.

Технический редактор – Йиржи Славичек, магистр.

Редакционная коллегия: Джон Лидяк (Колин, Чехия), Владимир Срб (Колин, Чехия), Кирилл Дятка (Нитра, Словакия), Илона Дорошина (Пенза, Россия), Роман Кралик (Нитра, Словакия), Йозеф Лисий (Братислава, Словакия), Мирослав Сапик (Колин, Чехия – председатель редакционного совета).

Требования к оформлению материалов

Тексты в электронном виде направлять по электронной почте по адресу: sarik@vspsv.cz. Формат страницы А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, стиль – обычный, выравнивание по ширине. Название пишется жирным шрифтом, выравнивание по центру. На следующей строке пишутся имя и фамилия, выравнивание по центру. Следующая строка резюме (не менее 5 предложений) на чешском или английском языках, далее ключевые слова – по-чешски или по-английски (как минимум 5 ключевых слов). После пропущенной строки следует текст статьи. Объем текста 5–10 страниц. Библиографические ссылки оформляются в виде подстраничных сносок. Картинки, диаграммы, таблицы вставляются в текст и должна быть частью текста. В статье необходимы заключение и список литературы. Текст должен быть написан в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 и более поздних версий. Текст должен быть отредактирован. Статьи рецензируются, при наличии недостатков текст возвращается автору на доработку. Редакция вправе отказать автору в публикации материала, имеющего низкую научную значимость или оформленного несоответствующим образом. Статьи публикуются бесплатно.

Образец оформления статьи

Pražská radniční koalice ODS + ČSSD po komunálních volbách 2010 v kontextu teorie koalic: výsledné pozice, vyjednávací síla stran a racionalita aktérů

Jiří Kohoutek

Abstract: The article analyses the creation of the coalition of ODS and ČSSD in Prague after the municipal elections 2010 within the coalition theory context. It uses the office-seeking approach, showing the different coalition prospects for each of the successful parties in the elections. To analyze the bargaining power of the different parties, the so called Gamson Law is used, as other power indices showed ineffective in this research situation. Also the concept of rationality (in maximizing profit) is used to analyze the behaviour of the two parties that formed the coalition. The two players seemed to have shown rational behaviour and maximize their profits.

Key words: Prague, municipal elections 2010, coalition theory, office-seeking approach, bargaining power, rationality.

Předkládaná studie chce přispět k doplnění práce českých politických vědců, kteří se otázkami komunální politiky zabývají jako obecným politologickým tématem logicky se specifitějším tématům nevěnují. Patří mezi ně zejména S. Balík¹, P. Jüptner² a J. Čmejrek³....

Информация об авторе (в конце статьи)

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, научное звание

Место работы с указанием адреса

E-mail

Адрес электронной почты: **sapik@vspsv.cz**.

¹ Balík, S.: Modely exekutivních koalic na komunální úrovni. In: Dančák, B. – Fiala, P. – Hloušek, V.: *Europeizace. Nové téma politologického výzkumu*. Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. Balík, S.: *Radniční koalice po komunálních volbách 2006*. Středoevropské politické studie X, 1, s. 17–33, Brno: Mezinárodní politologický ústav MU, 2005. Balík, S.: *Česká komunální politika v obcích s rozšířenou působností. Koalice, voličské vzorce a politické strany na místní úrovni v letech 1994–2006*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008.

² Jüptner, P.: *Komunální koalice a politické modely*. In: Politologická revue X(2), 81–101. Praha, ČSPV: 2004. Jüptner, P.: Local lists in the Czech Republic. In: Reiser, M., Holtmann, E. (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag, 2008. Jüptner, P.: Komunální politika v České republice a role politických aktérů na lokální úrovni. In: Fiala, V., Říchová, B. (eds.): *Úloha politických aktérů v procesu decentralizace evropských zemí. Sborník z konference konané v Olomouci 9. 12. 2002*, s. 103–112. Olomouc: Moneta-FM, 2003.

³ Čmejrek, J.: *Obce a regiony jako politický prostor*. Praha: Alfa Nakladatelství, 2008. Čmejrek, J. a kol.: *Participace občanů na veřejném životě venkovských obcí ČR*, Praha: Kernberg Publishing, 2009. Čmejrek, J. – Bubeníček, V. – Čopík, J.: *Demokracie v lokálním politickém prostoru. Specifika politického života v obcích ČR*. Praha: Grada, 2010.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»).

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок);
- изготовление оригинал-макета;
- дизайн обложки;
- печать тиража в типографии;

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals,
- ✓ autoabstracts,
- ✓ dissertations,
- ✓ monographs,
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic.

(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities.

- editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) ;
- making an artwork;
- cover design;
- print circulation in typography is by arrangement;
- these types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of the Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

Paradigmata poznání

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 1, 2015

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaeu

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – V. A. Dorošina
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 11.02.2015.60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 20,75.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz